

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

А.А. Горелов

История мировых религий

Учебное пособие

5-е издание, стереотипное

*Рекомендовано Редакционно-издательским Советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебного пособия*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Московский психолого-социальный институт
2011

УДК 20.1(075.8)

ББК 86.2я73

Г68

Библиотека студента

Главный редактор д-р псих. н., проф., акад. РАО *Д.И. Фельдштейн*
Зам. главного редактора д-р псих. н., проф., акад. РАО *С.К. Бондырева*

Члены редакционной коллегии:

д-р псих. н., проф., акад. РАО *Ш.А. Амонашвили*; д-р пед. н., член-корр. РАО

В.А. Болотов; д-р псих. н., проф., акад. РАО *А.А. Деркач*; д-р псих. н., проф.,

акад. РАО *А.И. Донцов*; д-р псих. н., проф., акад. РАО *И.В. Дубровина*;

д-р псих. н., проф. *В.П. Зинченко*; д-р филол. н., проф., акад. РАО

В.Г. Костомаров; д-р пед. н., проф., акад. РАО *Н.Н. Малофеев*;

д-р физ.-мат. н., проф., акад. РАО *В.Л. Матросов*; д-р пед. н., проф.,

акад. РАО *Н.Д. Никандров*; д-р псих. н., проф., акад. РАО *В.В. Рубцов*;

д-р пед. н., проф., акад. РАО *М.В. Рыжаков*; д-р ист. н., проф. *Э.В. Сайко*

Горелов А.А.

Г68 История мировых религий : [электронный ресурс]

учеб. пособие / А.А. Горелов. — 5-е изд., стереотип. —

М.: ФЛИНТА : МПСИ, 2011. — 360 с.

ISBN 978-5-89349-763-2 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-89502-773-8 (МПСИ)

«История мировых религий» — обязательный предмет для некоторых специальностей высших учебных заведений. В учебном пособии рассматриваются история происхождения религии, мистические и мифологические предпосылки возникновения религии как отрасли культуры, основные мировые религии — буддизм, христианство, ислам. Особое внимание уделяется моральным аспектам религиозных верований. Книга снабжена вопросами для повторения и списком дополнительной литературы по каждой теме, а также перечнем тем для контрольных работ и рефератов, вопросами к зачетам и экзаменам и словарем терминов и персоналий.

Для студентов, преподавателей и всех интересующихся религиозными проблемами.

УДК 20.1(075.8)

ББК 86.2я73

ISBN 978-5-89349-763-2 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-89502-773-8 (МПСИ) © Издательство «ФЛИНТА», 2011

Оглавление

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Религия как отрасль культуры	7
Два значения понятия религии. — Вера, чувство, разум. — Истоки религии. — Структура религии. — Индивидуальное и коллективное в религии. — Церковь как социальный институт	
<i>Глава 2.</i> Религия и мистика	23
Что такое мистика? — Первая отрасль духовной культуры. — Древние мистические культы. — Минимальное определение религии. — Мистика как составная часть других отраслей культуры. — Мистика и мировые религии. — Мистика жертвы. — Значение мистики	
<i>Глава 3.</i> Религия и мифология.....	48
Что такое мифология? — Мифология и жертвы. — Основные мифологические сюжеты. — Мифология и цивилизация. — Значение мифологии	
<i>Глава 4.</i> Древние религии Египта и Ближнего Востока	70
Религия Древнего Египта. — Мифология Шумера. — Мифология Вавилона. — Хеттская мифология. — Зороастризм	
<i>Глава 5.</i> Религии Китая и Японии.....	94
Китайская мифология. — Даосизм. — Конфуцианство. — Моизм. — Синтоизм	
<i>Глава 6.</i> Религии Индии	119
Основные представления индийской культуры. — Ведическая религия. — Брахманизм. — Джайнизм. — Индуизм. — Сикхизм	
<i>Глава 7.</i> Буддизм как первая мировая религия	145
Основные особенности мировых религий. — Жизнь Будды. — Становление буддизма. — Этика буддизма. — Разновидности буддизма	
<i>Глава 8.</i> Древнееврейская религия, иудаизм, зарождение христианства	172
Еврейская Библия. — Иудаизм. — Тенденции развития мифологии и религии. — Истоки христианства. —	

Жизнь Христа. — Смерть Христа. — Воскресение
Христа. — Новый Завет

<i>Глава 9.</i> Становление христианства как мировой религии	196
Греческая мифология. — Римская история и мифология. — Античная философия как предтеча христианства. — Преследования христиан. — Торжество христианства. — Развитие христианства до раскола восточной и западной церквей	
<i>Глава 10.</i> Христианство в Византии, Европе и Америке	221
Православие в Византии. — Христианство в Европе в средние века. — Европейская религиозная философия и богословие. — Эпоха Возрождения и протестантизм. — Христианские конфессии в современной Европе. — Христианские конфессии в Северной Америке	
<i>Глава 11.</i> Православие в России	247
Принятие христианства на Руси. — Становление русского православия. — Слово о законе и благодати. — Борьба христианства с язычеством. — Жития святых как нравственный образец. — Церковный раскол и после него	
<i>Глава 12.</i> Ислам	270
Становление и распространение ислама. — Этика ислама. — Мусульманское богословие. — Религиозные мотивы в мусульманском искусстве. — Современные направления ислама	
<i>Глава 13.</i> Значение религии и тенденции ее развития	292
Функции и значение религии. — Общее и особенное в религиях. — Тенденции развития религии и ее будущее. — Соотношение религии с другими отраслями культуры. — Вера как условие и следствие обретения человеком целостности	
<i>Приложение</i>	
Словарь терминов	321
Персоналии	344
Темы для контрольных работ и рефератов	353
Вопросы к экзаменам и зачетам	355
Список литературы ко всему курсу	356

Предисловие

Религия занимает одно из самых важных мест в человеческой жизни и в истории мировой культуры. Религиозные верования являются характерной чертой человека как вида жизни и возникают они еще тогда, когда предки современных людей впервые начали хоронить своих сородичей. В понимание религии входит изучение истории развития религии как отрасли культуры и истории развития мировых религий. Данное учебное пособие посвящено в первую очередь истории развития мировых религий, поэтому данному аспекту будет уделено основное внимание. Но историю развития мировых религий невозможно понять без истории возникновения религии как таковой. Поэтому в первых главах уделим внимание и этой проблеме.

В основе религии как отрасли культуры лежат мистические и мифологические представления, на базе которых она возникала со своими специфическими культами и верованиями. В промежуток от 800 до 200 г. до н.э. сформировался корпус основных текстов, на базе которых созданы современные мировые религии — возникший раньше других буддизм, а затем христианство и ислам, завершивший в VII в. н.э. эпоху становления мировых религий.

В задачу учебного пособия входит рассмотрение религии как феномена культуры, ранних форм религиозного сознания, истории даосизма, конфуцианства, индуизма, буддизма; более подробно — христианства и его роли в мировой истории, основных христианских конфессий, особенно православия в России; истории ислама и мусульманской культуры; современных религиозных движений.

Цель данного учебного пособия — показать, что религия исходит из присущих человеку как виду жизни особенностей, которые, по-разному развиваясь в разных культурах, являются общечеловеческими. Они обуславливают то общее, что есть во всех религиях мира, — чувства, мысли, культы. Религия возникла как общая потребность всех людей, и поэтому в различных религиях имеется много сходного, на что обращено особое внимание. Эти общие черты: любовь и стремление к высшему; представление о

душе как соотносящейся с бесконечным; отказ от эгоизма, самоотверженность и жертвенность. Эти главные вопросы определяются верой, которая в ее религиозной форме выражается в стремлении к единству с Вечным и Бесконечным.

В учебном пособии анализируются предпосылки и особенности проявления модернизма и фундаментализма в современных мировых религиях, связи религии с идеологией, мистикой, мифологией, философией, наукой.

Первостепенное внимание уделяется этическим аспектам древних и мировых религий и их влиянию на общественную мораль. На основе общих религиозных представлений, свойственных мировой культуре и человеку как виду, рассматриваются инварианты и специфические особенности мировых религий.

В современную эпоху глобализации представляется актуальным рассмотрение тенденции усиления взаимосвязей между различными религиями, как в плане экуменического движения, так и в плане формирования всемирных сект. Анализируется феномен религиозного ренессанса в мусульманских странах и Российской Федерации и возможные пути развития религии как отрасли культуры и социального института в будущем.

После каждой главы приводятся вопросы для повторения и список дополнительной литературы по теме, а в конце дается список тем для контрольных работ и рефератов, список вопросов к зачету и экзамену и словарь терминов и персоналий.

Глава 1

Религия как отрасль культуры

ДВА ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ РЕЛИГИИ

Слово «религия» происходит от латинского religio — благочестие, святыня, связь. Все эти значения входят в понятие религии. Некоторые предметы определяются в религии как священные, верующие ощущают с ними связь и почитают их. «Религия — это тот образ, каким человек чувствует себя духовно связанным с невидимым миром или с не-миром» (*Карлейль Н.* Теперь и прежде. М., 1994. С. 7).

Слово *религия* употребляется в двух основных смыслах. «Когда мы говорим об иудаизме, о христианстве или об индуизме, мы имеем в виду совокупность учений, передаваемых благодаря устной традиции или каноническим книгам и содержащих в себе то, что определяет веру иудея, христианина или индуиста... Но понятие религии используется и в другом смысле... Говоря о том, что религия отличает человека от животного, мы не имеем в виду... какую-нибудь отдельную религию; но мы имеем в виду способность ума или предрасположенность, которая, независимо от чувства или разума, а иногда даже вопреки им, дает возможность человеку постигать Бесконечное под различными именами и в разнообразных формах» (Классики мирового религиоведения. М., 1996. С. 41, 42). В этом втором значении понятие религии вбирает в себя частично мистику и мифологию. Но религия как отрасль культуры будет пониматься в своем первом значении.

ВЕРА, ЧУВСТВО, РАЗУМ

Способность верить М. Мюллер называет корнем всех религий, способом постижения Бесконечного, тех объектов, которые находятся за пределами наших чувств и разума, третьей способ-

ностью, согласованной с чувствами и разумом, но независимой от них. Как все другие способности, способность верить различна у разных людей, и это во многом определяет их отношение к религии как таковой и отдельным религиям.

Вера может иметь также различную направленность. Можно верить в себя, в других людей, в светлое будущее. Особенностью собственно религиозной веры является вера в считающееся священным. Понятие *священное* шире понятия *божественное* и объясняет возможность религии без Бога. Как мы дальше увидим, буддизм — религия, в которой боги не играют той главной роли, которую они имеют в других мировых религиях. Можно даже быть верующим атеистом, если человек верит в отсутствие Бога (это понятие, стало быть, не противоположно понятию религии), но это не будет верой в Бога. Возможна вера вне рамок существующих религий, но остающаяся религией во втором значении этого понятия.

Как соотносится вера с чувствами и разумом человека? Связь веры с чувствами непосредственна, и сама религиозная вера есть одна из сторон религиозного чувства. Данное чувство имеет свою специфику, позволяющую отличить его от философского, морального, эстетического чувства. Характеризуя эту специфику, У. Джемс выделяет: 1) радостное принятие мира с верой, надеждой и любовью к Богу; 2) примирение со страданиями и со злом как формой жертвоприношения и 3) следующий отсюда аскетизм и самостоятельное принятие дополнительных жертв, которые становятся желанными (Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон, 1998. С. 170, 171). Это делает, по Джемсу, религиозное чувство необходимым даже с биологической точки зрения.

Вера — первое, с чего начинается религия, и ее главный метод. Недаром в системе христианской этики она стоит на первом месте среди божественных добродетелей, а вслед за ней идут надежда и любовь, и мать их София (мудрость). Верящий обретает надежду и вместе они помогают любви. Христианство провоз-

глашает, что имеющий веру хотя бы с горчичное зерно, может сдвигать горы. Если невозможно достичь истины с помощью рациональных умозаключений, к чему стремилась философия, значит, в истине надо себя уверить. Так на смену и в дополнение к разуму в качестве высшей духовной силы приходит вера.

Относительно соотношения веры и разума существуют различные, порой противоположные точки зрения. «Вера — распятие разума», — утверждали С. Кьеркегор и М. Унамуно. Действительно, чтобы прийти к вере, приходится отказаться от многих достижений разума, сменить точку отсчета, перейти к иному миропониманию. Тертуллиан (ок. 160—220), которому приписывают фразу «верую, потому что нелепо», противопоставил религиозную веру античной философии: «Мы не нуждаемся в любознательности после Христа, не имеем нужды в исследовании после Евангелия», «Что общего у Афин и Иерусалима, у Академии и Церкви?» Если бы все можно было логично объяснить и доказать, не нужна была бы вера. Так как это невозможно, то главное — вера, а начало мудрости — страх Господень. Существует коллизия между верой и разумом, и человеку приходится выбирать, как Аврааму, которому было предложено принести в жертву собственного сына.

Притча об изгнании из рая рассказывает о столкновении между разумом и верой. Первые люди предпочли плод познания с древа добра и зла запрету Бога и, стало быть, вере в его справедливость и всеисие, и за это были наказаны.

В то же время вера объявлялась вполне разумным состоянием человека. Б. Паскаль разделял людей на три категории. «Одни обрели Бога и служат Ему; люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут; эти безумны и несчастливы. Третьи не обрели, но ищут Его; эти люди разумны, но еще несчастны». С этой точки зрения обретение Бога есть проявление разумности человека.

Наличие различных взглядов на соотношение веры и разума обусловлено объективными противоречиями между этими двумя способностями человека, которые затем продолжались в ду-

ховной культуре в виде противоречия между ее отраслями. Мы вернемся к этому вопросу в разделах, посвященных соотношению религии с другими отраслями культуры, особенно с философией и наукой. Пока ограничимся выводом, что и вера, и чувство, и разум находят свое место в религиозных воззрениях человека и являются их естественными предпосылками.

ИСТОКИ РЕЛИГИИ

В более полном и точном виде определить, что такое религия, можно только, поняв ее происхождение. При широком значении понятия «религия», о котором шла речь в начале главы, выяснение происхождения религии заставляет обратиться к далекому прошлому. Современная наука, прежде всего в лице социобиологии, утверждает, что поведение человека невозможно понять, не обратясь к его врожденным формам — инстинктам, общим у него с животными. На основе инстинктов в процессе научения формируются приобретенные при жизни способы поведения. Основных инстинктов четыре — половой, питания, агрессии и самосохранения. Последний заставляет животных и человека опасаться за свою жизнь, стараясь избежать ситуаций, которые угрожают продолжению жизни. Ощущение опасности заставляет испытывать чувство страха. Данный инстинкт, как и другие, имеет у человека свою специфическую форму, которой нет у животных, — страх смерти. У животных отсутствует осознание жизни и соответственно осознание смертности. Человек отличается от животных тем, что он осознает, что живет, и осознает свою смертность. Соответственно у него возникает страх смерти, заставляющий его сознательно избегать ситуаций, угрожающих жизни. Страх смерти можно было бы отнести к фундаментальным потребностям человека, без которых его существование невозможно, если бы речь не шла о потребностях, которые принципиально не удовлетворимы. Страх смерти относится к таким переживаниям, от которых люди хотели бы отказаться, но не могут, потому что именно то, что от него не удастся избавиться, обеспечивает существование человека. Потребность в страхе смерти —

особый вид негативных потребностей, неудовлетворимость которых обеспечивает жизнь. Наличие такой неустранимой потребности делает жизнь человека фундаментально противоречивой, хотя и неабсурдной. Жизнь абсурдна в том случае, если человек умирает «насовсем». Если же отказаться от этого предположения, то страх смерти сам по себе отнюдь не абсурден, а необходим для жизни и эволюции.

У осознавшего свою смертность человека были два пути отношения к умершему сородичу. «И первая реакция человека на смерть, — пишет Э. Кассирер, — вероятно, была такой: представить тело (умершего человека. — А.Г.) его судьбе и поспешно убежать от него в ужасе. Однако подобная реакция обнаруживается только в исключительных случаях. Она довольно скоро сменяется прямо противоположным отношением, желанием удержать или вызвать обратно дух умершего. Имеющийся этнологический материал показывает нам борьбу между этими двумя импульсами. И все-таки последний обычно одерживает верх» (Мистика. Религия. Наука... С. 401). Этот импульс и приводит к религии. Страх смерти сам по себе не создает религии, но является стимулом развития духовной культуры в целом, религии в особенности. Страх смерти, по Кассиреру, один из основных и глубинных человеческих инстинктов. Религия, таким образом, — способ преодоления страдания и смерти и реакция на осознание смертности. Ее исток — в самом начале духовной культуры, так что действительно культура растет из культа, который появляется вследствие осознания смертности.

Религия основывается на вере и соответствующих действиях (культах). Таким первичным культом стал обряд захоронения. Отметим вывод М. Элиаде, что «в архаических обществах доступ к духовному выражается через символизм смерти» (*Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии*. М., 1996. С. 233). Неандерталцы, известные нам по скульптурным воссозданиям надбровными дугами и выступающей челюстью, с ростом и объемом мозга близким к современному, уже хоронили своих сородичей, что является одним из глубинных отличий человека от животных.

Именно у неандертальца возникает обычай захоронения трупов и, стало быть, с него начинается духовная культура. Без разума и речи, но с верой в сверхъестественное? Можно ли говорить о возникновении таких представлений у бессловесного существа? Изготовление орудий Человеком Умелым опередило речь на несколько миллионов лет. Захоронение трупов неандертальцами началось до ее появления. Конечно, развитые обряды требуют наличия речи, но, вообще говоря, представления о высшем духовном начале не нуждаются в речи, как видно на примере мистики — представления о единстве со сверхъестественным.

Итак, 350—200 тыс. лет назад произошел важный сдвиг в становлении человека — возникли зачатки духовной культуры. С осознания смертности и захоронения трупов начинается духовная культура. Не имеющее видимых практических целей захоронение трупов становится самоценным для человека. Стало быть, самоценной становится духовная культура, в которой проявляется впервые данный феномен.

Захоронения трупов отсутствуют у животных — здесь граница, которую они не могут перейти. Духовная культура выполняет ту же, но по большей части невидимую работу, что и материальная культура. Человек Умелый оббивает гальку, превращая ее в нечто иное, с другими функциями. Неандерталец заменяет животное восприятие на нечто, способное создавать произведения духовной культуры. Духовная культура оказывает влияние на материальную, та — на преобразование среды, та — на человека, и получается контур обратной связи, ускоряющий развитие. Отказ от обязательной непосредственной полезности действия ведет к повышению эффективности практической деятельности. Данный контур обратной связи, по-видимому, ответствен за ускорение исторического процесса и эволюции человека. Духовная культура — главный фактор человеческого прогресса, а движущей силой его становится творец духовной культуры.

Происхождение религии невозможно понять, не определив, что такое человек. В современной науке общепринято определение человека как биосоциального существа. Но с развитием это-

логии, показавшей, что все формы социальной жизни в основе своей присутствуют у животных, это определение не может считаться исчерпывающим и выражающим специфику человека как вида. Лучше определить человека как **духовно-телесное существо**. Само по себе определение не есть нечто случайное. Оно воздействует на мировоззрение. Подчеркивание духовности в определении человека заставляет его тянуться вверх.

То, что существуют два слова, обозначающих человека: «хомо» (от «хумус» — «земля») и «антропос» (от «смотрящий вверх»), свидетельствует о реальной двойственности человека: он и земное существо, и в то же время пытается узреть и понять Бесконечное. При этом добавляют: «Человек не только способен подняться выше абсолютной зависимости от этих потребностей (физических. — А.Г.), но именно в этом освобождении, в этой власти над собственной психофизической природой заключена основа истинно человеческого. В известном смысле можно даже сказать, что человек становится самим собой только при обуздании своей психофизической природы и господстве над ней... Следовательно, именно одухотворенность создает человека как такового, и благодаря этому мы можем определить его как «животное, наделенное духовным началом» (*Мень А.* История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. М., 1991. Т. 1. С. 85).

Отмеченное духовное начало отнюдь не противостоит инстинктам человека, а возникает на основе их, хотя его и нельзя свести полностью к природе, общей у человека и животных. Оно возникает на основе инстинктов и постепенно получает в человеке свое полное развитие.

Связывая возникновение религиозных представлений с захоронением сородичей, Г. Спенсер отмечал, что у некоторых народов слово, обозначающее бога, означает буквально «умерший человек». Сначала молятся за умерших, а потом начинают молиться им. Почтение и одновременно страх, которые испытывает человек на кладбище, сродни почтению и страху, испытываемому им по отношению к богу. Храмы устраивали в местах захоронения, а хоронили в церковной ограде. «Насколько глубока и как

естественно неизбежна идея связи трупа с храмом, показывает пример всех великих религий» (История религии / А. Ельчанинов, В. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков. М.: Руник, 1991. С. 26).

Н. Фюстель де Куланж пишет, что религиозное чувство началось с обоготворения мертвых. «Быть может, именно при виде смерти у человека впервые блеснула мысль о сверхъестественном... Смерть была первой тайною; она указала человеку путь к другим мистериям. Она возвысила его мысль от видимого к невидимому, от приходящего к вечному, от человеческого к божественному» (Классики мирового религиоведения / Антология / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон, 1996. С. 339–340). Первый бог, по Фюстель де Куланжу, это священный Огонь, который возжигали на алтаре.

Самая древняя из всех религий, по Фюстель де Куланжу, «религия мертвых». Она ближе всех к мистике и дошла до «цивилизации смерти» у древних египтян. «Прежде, чем представить себе и возвеличить Индру или Зевса, человек обоготворил мертвых» (Классики мирового религиоведения... С. 339).

Надо верить в жизнь «умерших» покойников, чтобы говорить на похоронах: «Пусть будет земля тебе пухом!» Поверить в это и сказать так не легче, чем поверить в воскресение Христа.

Сначала возникло представление о душах предков, затем они превратились в богов, наконец — в единого Бога. Таков путь от умерших к бессмертным.

З. Фрейд, с точки зрения психоанализа, полагал, что «религиозные представления произошли из той же самой потребности, что и все основные завоевания культуры, из необходимости защитить себя от подавляющей сверхмощи природы... это иллюзии, реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний» (Сумерки богов. М., 1989. С. 110, 118), главное из которых — жизнь после смерти, продолжающая земную, но отличающаяся от нее исполнением всех недостижимых на Земле чаяний. Объясняя монотеизм, Фрейд писал: «Народ, которому впервые удалось такое соединение всех божественных свойств в одном

лице... вышелушил отцовское ядро, которое с самого начала скрывалось за всяким образом бога; по существу это был возврат к историческим началам идеи бога... Теперь, когда бог стал единственным, отношение к нему снова смогло обрести интимность и напряженность детского отношения к отцу» (там же. С. 108). Религия, по Фрейду, очистила образ отца. Бог есть возвысившийся отец; тоска по отцу — корень религиозной потребности (там же. С. 111). Психологическое объяснение возникновения религии столь детским образом вряд ли удовлетворит всех, хотя подкупает своей простотой.

Выделяют различные концепции религии: духовно-теологическую, культурно-социологическую, психологическую, подчеркивая соответственно духовную, социальную и психологическую составляющие религии. Эти концепции не противостоят друг другу. В основе религиозности лежит личное чувство. Оно социально оформляется и закрепляется. А спор о том, как это вдохновляется свыше, определяется степенью веры. Объясняя теологически, социально и психологически один феномен, все три концепции составляют единое целое и сводятся к тому, что религии возникают из почитания предков.

Генезису религии будет уделено внимание и в последующих главах. Пока отметим три этапа, относящихся к происхождению религии в широком смысле: осознание смертности, страх смерти, захоронение сородичей. Начиная с захоронения предков, можно говорить о зачатках религиозных представлений во втором значении слова «религия». Развиваются они в рамках двух других отраслей культуры — сначала мистики, затем мифологии. То, что первичные религиозные представления создавались на самых ранних стадиях эволюции человека, подтверждается тем, что не обнаружено племен, у которых совсем не было бы никаких религиозных представлений.

СТРУКТУРА РЕЛИГИИ

В каждой религии можно выделить более или менее самостоятельные составные части. Во-первых, выделим мистическую

часть, объединяющую все, относящееся к ощущению и пониманию связи человека с Бесконечным. Об этой компоненте религии речь пойдет в главе 2. Далее выделим мифологическую часть, включающую в себя совокупность мифов, входящих в состав религии. О ней речь пойдет в главе 3. К третьей части отнесем совокупность обрядов, входящих в состав религии, — церковная служба, молитвы, посты, паломничества и т.п. К четвертой части можно отнести предметную — совокупность материальных предметов, используемых в религиозных целях: иконы, фрески, реликвии и т.д. Пятой частью будет догматическая — совокупность основных представлений о происхождении и устройстве мира и человека, изложенных в священных книгах, символах веры, устных преданиях и т.п. К шестой части отнесем совокупность моральных представлений, существующих в данной религии. Наконец, к седьмой части можно отнести социальную. Это совокупность верующих, церковная иерархия, религиозные учреждения и т.д. Они объединяются под названием социального института. О том, что это такое, речь пойдет в заключительном разделе данной главы.

Эти составные части возникли не одновременно. Соотношение между различными частями не остается постоянным. Так, соотношение между обрядовой и моральной частью по мере развития религии как отрасли культуры смещается в сторону моральной составляющей. Это присуще и индийским религиям, если рассмотрим эволюцию: Ведическая религия → Брахманизм → Буддизм, и христианской религии, если рассмотрим линию развития: Ветхий Завет → Новый Завет → Католичество → Протестантизм.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ В РЕЛИГИИ

Религию можно рассматривать как форму индивидуальной и коллективной деятельности. Если вернуться к двум значениям понятия «религия», то второе имеет отношение к индивидуальной деятельности, а первое — к коллективной. Говоря о двух видах религии, У. Джемс разделяет их на институциональную и личностную, в самом названии делая акцент на индивидуальность

последней. В втором смысле религия означает «чувство, действия и опыты отдельных людей, находящихся в уединении и постигающих себя как людей, которые вступают в отношения с тем, что они считают божественным» (Мистика. Религия. Наука... С. 153).

В отличие от частных видов культа, по Э. Ренану, «неизбежно запятнанных недостатками своего времени и страны, стоит еще и религия — запечатленный в душе человека явственный знак его высшего предназначения» (Классики мирового религиоведения... С. 279). То, что человек стремится к бесконечному, служит, по Ренану, «доказательством сокрытого в нас божественного духа» (там же).

Существует противоречие: бесконечное нельзя заключить в рамки какой-либо конечной системы, даже если она говорит о бесконечном. Данное противоречие объективно, но в то же время индивидуальное и коллективное предстают в единстве друг с другом в том смысле, что коллективные формы культа устанавливаются на основе индивидуальных чувств и действий людей и затем накладываются на них как довлеющая извне сила принуждения.

Спонтанное коллективное поведение осуществляется в элементарных группах, к которым относятся толпа, масса и общечеловечность. В социальной психологии выделяют четыре типа толпы: 1) случайная толпа, неорганизованная, с неопределенным количеством членов (например, на улице); 2) обусловленная толпа, поведение которой выражено более четко (зрители на матче); 3) действующая толпа имеет цель, мотивирующую ее действие (толпа восставших); 4) экспрессивная (или танцующая) толпа — обращенная на самое себя, физическое движение которой снимает напряжение индивидов (танцы членов религиозных сект, карнавалы и т.д.). Если действующая толпа приводит к возникновению нового политического строя, то экспрессивная толпа — к возникновению религиозного строя поведения.

В состав гражданского общества входят не только организации, но и социальные движения, которые на этапе зарождения еще не оформлены. Социальные движения делятся на общие, специфические и экспрессивные. Основу общих социальных движе-

ний составляют культурные течения (например, течение эмансипации женщин составляет основу женского движения), а общие социальные движения закладывают основу специфических социальных движений. Последние обладают четко поставленной целью, которую стремятся достичь. Они в большей степени организованы. Экспрессивное социальное движение в отличие от экспрессивной толпы является социально оформленным, хотя цели его остаются теми же.

В развитии социального движения выделяют 4 стадии: социального беспокойства, всеобщего возбуждения, формализации и институционализации. На первой из них люди действуют непредсказуемым, беспорядочным образом. На второй стадии возникают более определенные представления о том, что надлежит делать для решения возникших проблем. На стадии формализации движение становится четко организованным с помощью различных правил и дисциплины. На завершающей стадии образуется организация с определенным составом и структурой. Движение, организованное сверху, сразу становится формальной организацией, и слово «движение» тогда камуфлирует его настоящую суть. Лидеры движения на различных стадиях последовательно являются пророками, государственными деятелями и администраторами. К примеру, все эти стадии прошел основатель ислама Мухаммад.

Экспрессивные движения, как правило, не стремятся к изменению социального строя, они обращаются к индивидам и стремятся воздействовать на их душу и потребности. К таковым относятся религиозные движения и мода. Для религиозных движений характерны чувства близости, экзальтации и экстаза.

На стадии институционализации движение превращается в социальный институт. Церковь и является одним из важнейших социальных институтов.

ЦЕРКОВЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Под социальным институтом (от лат. «institutum» — учреждение) понимаются исторически сложившиеся устойчивые фор-

мы организации совместной деятельности людей: семья, производство, государство, образование, собственность, армия, церкви и т.д. Социальные институты можно рассматривать как ткани и органы организма, а семью как клетку общества. Чтобы яснее представить значение социальных институтов, можно вспомнить об институте в узком смысле слова, в котором учатся. Для чего нужны институты и каковы взаимодействия в пределах институтов? Эти взаимодействия имеют преимущественно формальный характер и обладают принудительной силой.

«Поскольку институты закрепляют отношения между людьми, выходящие за узкие рамки непосредственного межличностного общения, где любовь делает регулирование излишним, то они никогда не создаются на добровольной основе чистых человеческих согласий. Но если это верно, то институт должен искать себе основу в обычае, подкрепляя себя силой. Фактически институты — это совершенные отражения нравственного несовершенства человеческой природы», — писал А. Тойнби (Социальная философия. М., 1994. Ч. II. С. 60). Но если «институты — это средства, а не цели, в чем же заключается значение и цель социального наследия, далеко выходящего за временные и пространственные границы всякой отдельной человеческой жизни на Земле? Каждый добрый человек чувствует, что согласно Божией воле он должен употребить свою жизнь во благо других людей, причем не только близких ему людей, но и тех, кто отделен от него временем и пространством. Единственным средством служения этим неизвестным братьям является институт, который переживает каждого отдельного человека» (там же. С. 62).

Каждый институт выполняет определенные функции, удовлетворяющие социальные потребности. Появление институтов — результат дифференциации общества. Процесс превращения социальных взаимодействий в институты носит название институционализации. Ее условием является возникновение определенных общественных потребностей. Социальные институты имеют надындивидуальный характер и обладают эмерджентными

свойствами, т.е. такими свойствами, которых нет у его отдельных элементов.

По видам деятельности социальные институты можно разделить на 1) экономическо-социальные — собственность, обмен, деньги, банки, хозяйственные объединения; 2) политические — государство, партии, преследующие политические цели общественные организации; 3) социокультурные и воспитательные — музеи, театры, школы, институты в узком смысле слова; 4) нормативно-ориентирующие — церковь, суд чести; 5) нормативно-санкционирующие — право, исправительно-трудовые учреждения; 6) церемониально-символические — ритуалы, регламент и т.д. Конкретно о церкви как социальном институте речь пойдет ниже.

Церковь как социальный институт исследовала прежде всего социологическая школа в религиоведении, которая рассматривала религию как социальное явление и в качестве источника религиозных воззрений признавала не личный опыт и не воздействие на общество извне, а развитие самого общества. Так, Э. Дюркгейм считал, что никакие наблюдения индивида ни над внешней, ни над своей собственной природой не могли породить религиозных верований. Они могли зародиться только в сфере коллективных социальных представлений, которые индивид получает не из своего личного опыта, но которые навязываются ему общественной средой. Созданный социальный институт выполняет определенные функции и ими объясняется его возникновение. «Самые варварские или диковинные обряды, самые странные мифы выражают какую-то человеческую потребность, какой-то аспект жизни, либо индивидуальной, либо социальной», — писал Э. Дюркгейм в книге «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии», в которой он исследовал самую древнюю, с его точки зрения, религию австралийских аборигенов (Мистика. Религия. Наука... С. 177)

Мы не можем, хотя такие попытки предпринимаются, отличить религию от мистики и мифологии ни по чувству, которое сходно у них всех, ни по специфике обрядов, которые религия

заимствует у мистики и мифологии, а скорее по социальному аспекту, являющемуся, по Дюркгейму, главным. Благодаря ему можно четко отличить от мистики и мифологии мировые религии как системы определенных представлений и культов, распространенных по всему земному шару и не возникающих в каждом регионе Земли спонтанно, а передающихся посредством сознательного социального наследования. «Религия, — по Дюркгейму, — это единая система верований и действий, относящихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину тех, кто им привержен» (там же. С. 231). Отличительной чертой религии по отношению к мистике и мифологии является элемент универсальности в социальном смысле, который общий у нее с философией и наукой, но от философии и науки ее отличает присущая последним рациональность. Религия общечеловечна (хотя мировых религий несколько) в том смысле, что любой человек может стать приверженцем религии, которая его устраивает. Социальный аспект не менее важен, чем психологический и теологический. Он позволяет отличить религию от мистики и мифологии. Итак, в вышеприведенном определении Дюркгейма первый пункт отделяет религию от искусства, философии и науки, а второй — от мистики и мифологии. И если нелегко отделить религию от мистики и мифологии, то легче это сделать в отношении мировых религий. Их отличает от мистики и мифологии открытый универсальный характер, когда любой человек может сделать самостоятельный выбор и войти по желанию в любую общину.

Цель церкви как социального института, по А. Тойнби, помочь найти человеку свой путь к Богу. «Помогает ли он человеку найти свой путь к Создателю или нет — вот пробный камень оценки любого института» (Тойнби А. Постигание истории. М., 2002. С. 551).

В процессе дифференциации общества и появления церкви как социального института постепенно возникает новый социальный слой — жречество. Так, в Индии на стадии ведической религии исполнением обрядов принесения жертв сначала зани-

Глава 1. Религия как отрасль культуры

мались главы племен, общин, семей, а на стадии брахманизма появилась особая каста брахманов, в обязанности которой входило отправление религиозных культов.

Не у всех религий возникает организованная церковь и не всегда оформляется соответствующий жреческий слой. В даосизме и буддизме есть система монастырей, но нет особого слоя священнослужителей. А в конфуцианстве нет ни социальных объединений типа монастырей, ни церковной иерархии. В то же время в христианских конфессиях в большей или меньшей степени представлены все основные разновидности церкви как социального института.

Вопросы для повторения

- Каковы два значения слова «религия»?
- Каково соотношение веры, чувства и разума?
- Каково происхождение религии?
- Из каких основных частей состоит религия?
- Как объяснял возникновение религии З. Фрейд?
- Как соотносится индивидуальное и коллективное в религии?
- Каковы особенности религиозных движений?
- Что такое церковь как социальный институт?
- Чем отличается церковь от других социальных институтов?
- Что такое жречество?

Литература

1. Классики мирового религиоведения. М., 1996.
2. Мистика. Религия. М.: Наука. 1998.
3. *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.
4. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.

Глава 2

Религия и мистика

ЧТО ТАКОЕ МИСТИКА?

Прослеживая генезис религиозных представлений, следует начать с того, что называется мистикой. Мистика является духовным истоком религии. Недаром в каждой мировой религии есть свои особые мистические направления, о чем речь пойдет ниже. В этой главе попытаемся определить истоки религии в ее соотношении с мистикой и следующей из мистики магией.

Слово «мистика» происходит от греческого «mystikos» — «тайнственный» и обозначает практику, нацеленную на общение с тем, что лежит за пределами чувственного мира. Мистика — это таинственная связь с таинственным. В более широком плане мистика — нерациональное знание, основанное на интуиции и сопричастности с Универсумом. Мистика находится на доречевом и допонятийном уровне. Ее трудно анализировать и описывать, потому что она вне и до слов, но это не дает основания ее отрицать.

Дж. Мак-Тоггарт в книге «Мистика» утверждает, что в основе мистики лежат две фундаментальные идеи: 1) доктрина **мистического единства**, согласно которой реально существует бóльшая степень единства, чем та, которая распознается в пределах обычного опыта; 2) доктрина **мистической интуиции**, согласно которой существует способ познания, ставящий познающего в более тесное и непосредственное отношение к тому, что познается, чем отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом в обычном опыте. Мистическая интуиция является частью мистического единства.

Мистическая сопричастность может рассматриваться по форме и содержанию. Если вы нарисовали животное, по форме напо-

минающее то, за которым обычно охотились, и проткнули рисунок копьем, то вы верите, что сможете это же сделать и на реальной охоте. Это сопричастность по форме. А если вы сняли с головы любимого волосок, положили под подушку и прочитали соответствующее заклинание, то оно действует не только на данный волос, но на все тело, и любимый по вашему желанию станет неразлучен с вами. Это сопричастность по содержанию.

Мистическая сопричастность, по Л. Леви-Брюлю, до- и вне-логична. Источник мистики, как и искусства, — не логика, а эмоции. Логика начинает преобладать со времени становления мифологии.

То, что мистика не соответствует логике, облегчает возможность ее развития, поскольку первобытные люди не замечают очевидных противоречий. «Эта позиция тесно связана, с одной стороны, с мистической ориентацией их сознания, которое не придает большой важности физическим или логическим условиям возможности каких-либо вещей, а с другой стороны, с малой склонностью к выработке понятий» (*Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 259*).

Мистика отвлекается от всего находящегося в чувственном мире и зовет в мир иной, который становится миром духовной культуры. Создание культуры невозможно без отвлечения от мирского. Мистика — начало духовной культуры в фило- и онтогенетическом смысле. Каждый творец должен пройти этап абстрагирования от чувственного мира. Если он не перейдет затем к другим отраслям культуры, то останется в области мистики.

Формула мистики «вещи имеют невидимое существование в такой же мере, как и видимое» применяется ко всем существам и явлениям природы. Название мистики сверхъестественным оправдано и в том смысле, что с мистики начинается культура, как то, что отлично от природы. Сверхъестественное есть выходящее за непосредственно природное. Этот его аспект является новым и важным с точки зрения культуры.

ПЕРВАЯ ОТРАСЛЬ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мистика отвечает на основные духовные вопросы, стоящие перед человеком: «Что есть истина?», «Что такое жизнь и смерть?», «Что такое человек?». В отличие от материальной культуры, духовная культура, включая все созданное человеческим духом, не обязательно должна быть видимой. Первая форма духовной культуры — мистика — незрима. Именно с нее началась дифференциация мира и отделение от него человека и его производений.

Не нуждаясь в понятийном мышлении и слове, мистика возникает до появления разума и речи. Как отмечает, в частности, И.И. Мечников, «быть может, некоторые хорошо установленные явления «ясновидения» можно было бы свести к пробуждению особых ощущений, атрофированных у человека, но присущих животным» (*Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., 1987. С. 182*). Многие психологи считают, что нижний этаж человеческой психики и познания человеком материального мира — это чувственное познание, осуществляемое независимо от какого бы то ни было воздействия речевых знаков и речевой коммуникации. Такое познание могло иметь место на уровне неандертальца, когда речи не было, но началось захоронение трупов. Одним из подтверждений этому служит тот факт, что слово «предок» у многих первобытных народов означает также мистическую силу, присущую явлениям природы. Отсюда и берет начало культ, из которого развивается духовная культура. Если примем, что магия и религия исходят из мистического мироощущения, тогда понятно, каким образом духовная культура начинается до речи и разума.

Мистика могла появиться из культа почитания предков, которым передавались функции создателей мира и культуры. Фантазия соединялась с реальностью, как соединяются два мира — чувственный и сверхъестественный. Истоки мистики те же самые, что и истоки религии, — осознание смертности и страх смерти. Как пишет Э. Кассирер, «даже на самых ранних ступенях развития цивилизации человек, по-видимому, нашел новую силу, с

помощью которой он мог сопротивляться страху смерти и изгонять его. То, что противопоставлялось им факту смерти, была его убежденность в солидарности, в нерушимом и непрерывном единстве жизни» (Мистика. Религия. Наука... С. 400).

Факту смерти противопоставлялось единство жизни, и оно было основным в мистике. Единство жизни преодолевало страх. Попытаться убежать от страха смерти или осмыслить его? Человек как разумное существо встал на второй путь. Исток мистики, как и религии, — в окультуривании одного из основных и глубинных человеческих инстинктов — страха смерти. Последующая духовная культура представляет собой материализацию мистического опыта. Поэтому духовная культура идет не столько от сельскохозяйственных культур, сколько от культа — первых ритуалов.

Облегчает переход от предков человеческих к предкам мифическим то обстоятельство, что «предки человеческого типа принадлежат, как и другие покойники, к миру невидимых сил. А этот мир очень близок к мифическому миру, если он даже и не сливается с ним... В обоих случаях сношения, которые можно иметь с этими предками, принадлежат к тому разделу опыта первобытных людей, который я, в отличие от положительного опыта, назвал мистическим. Другими словами, они вводят в действие аффективную категорию сверхъестественного. В этом, возможно, заключается объяснение того, что мифическое существо, «творец» или «создатель» человеческой группы, признается ее предком без признания его прародителем в собственном смысле слова и что, наоборот, человеческие предки часто облачаются таким сакральным престижем, который сходен, если не тождественен, с престижем, каким окружены мифические существа» (*Леви-Брюль Л.* Цит. соч. С. 300—301).

Леви-Брюль демонстрирует, каким образом культ предков переходит сначала в мистику, а затем в мифы. Выделение сверхъестественного мира не требовало предварительного философствования — философии в тот период не было. Мистика не результат рефлексии, а способ непосредственного освоения реальности. По

Леви-Брюлю, первобытные умы ориентированы мистически, т.е. всегда готовы видеть во всем мало-мальски странном или необычном действии сверхъестественных существ. В соответствии с основной мистической установкой «внимание их сосредоточено на мире сверхъестественных и мифических существ, в котором находятся подлинные причины» (там же. С. 326).

Все сверхъестественное познается путем мистического соединения с ним, не связанного логическими ограничениями. Это и дало возможность Леви-Брюлю выделить дологическое мышление, которое в то же время является «интенсивно мистическим».

Для мистически ориентированного мышления не существует неизменных причинно-следственных связей. Все может быть, и чудесное наиболее интересно. «Мистически ориентированные, эти умы сейчас же готовы признать позади существ и фактов нашего мира наличие невидимых сил и потенций. Они чувствуют их вмешательство каждый раз, когда что-нибудь странное или необычное поражает их. На их взгляд «сверхприрода», следовательно, облекает, проникает и поддерживает природу... Именно от нее возникают те мифологические темы, которые так озадачивают наш ум и которые обнаруживают столь любопытное сходство во всех частях света» (там же. С. 357—358).

Культура господствует над жизнью, а не наоборот — такой вывод делает в отношении мистики Леви-Брюль. «Мистический план является здесь предпосылкой утилитарного плана и господствует над ним, но не сливается с ним» (там же. С. 419). Основы всей первобытной жизни определяются данной отраслью культуры. Выбрав огромную лиственницу, первобытный человек от нее ведет свой род. Дерево становится **тотемом**, т.е. прародителем данной группы. Представления о тотемном родстве носят мистический характер, поскольку тотем отождествляется с общественной группой.

Тотемизм, по классическому определению Дж. Фрэзера, «представляет собой таинственную связь, которая, как полагают, существует между группой кровных родственников, с одной стороны, и определенным видом естественных или искусствен-

ных объектов, называемых тотемами этой группы людей — с другой» (Мистика. Религия. Наука... С. 363). Тотемизм К.П. Тиле называет «вариацией фетишизма, но более развитой и несущей в себе зародыш учения об ангелах-хранителях и о святых-заступниках» (Классики мирового религиоведения... С. 152). Фетишизм — вера в сверхъестественную силу природных или искусственных предметов — «означает только почитание и использование известных вещей, которым из-за живущих в них духов приписывается волшебная сила» (там же. С. 151—152). Так как тотемизм и фетишизм представляют собой формы почитания священного, а именно живых существ и неживых предметов, то мы должны также отнести их к области религии.

Как можно одно и то же принимать за лиственницу, человека и бога? В тумане неясные очертания можно принять и за дерево, и за человека, и за сверхъестественное существо. Столь же туманно дологическое мышление. Разум не появился сразу, а развивался постепенно. И в этот период мышление человека не было логичным, как сейчас. Из того, что мышление ныне существующих примитивных народов является мистическим, Леви-Брюль делает вывод, что и мышление доисторических обществ было таковым. Строго говоря, ни один ныне живущий народ не является дологически мыслящим, так как у всех есть мифы, техника и т.п. Но у этих народов в большей степени сохранились остатки дологического мышления.

Аргументом в пользу мистики как первой отрасли культуры служит и биологический принцип связи фило- и онтогенеза. Физическое развитие ребенка, повторяющее во внутриутробном состоянии все стадии эволюции живого, сопровождается после его рождения духовным развитием, повторяющим все стадии культуры, начиная с мистики. На этапе дологического мышления Дед Мороз существует реально, куклы воспринимаются как живые. Ребенок, играющий с плюшевым мишкой, не проводит различия между живым и неживым, как и первобытный человек, которому лиственница представляется одушевленной. Дети верят, что Дед Мороз приносит им подарки на Новый год и, взрос-

лея, спрашивают: «Правда, что Дед Мороз существует?» — и хотя услышать положительный ответ, а взрослые, поддерживая эту веру, отвечают: «Наверное, существует» или менее утвердительно: «Может быть», пока ребенок сам не перестает верить. Так и первобытные люди. Мистика — духовное детство человека, когда его мышление начинает развиваться, он еще не умеет говорить, читать и писать, но по-своему духовно воспринимает мир.

На мистической слитности человека с явлениями природы и его возможности влиять на них основывалась магия. Вероятно, магические обряды были продолжением способности первобытного человека к подражанию и посредством этого к внушению как способу добиваться нужных результатов от животных (недаром существует термин «имитативная магия»).

Магия находится в таком же отношении к мистике, как техника к науке. Магия — техника установления единства с природой, а магические обряды — прообразы последующих более развитых ритуалов. Многие магические действия основаны на стремлении вызвать какое-либо явление природы путем подражания ему, и это свидетельствует о больших возможностях подражания первобытного человека и значении, которое он этому придавал. Мистический закон сопричастности по форме (нарисуй изображение врага и проколи его — враг умрет) и по содержанию (заклинание, прочитанное над волоском с головы человека, гарантирует его любовь) — как хорошо должны были первобытные люди относиться друг к другу, боясь обидеть ближнего, если верили в это!

Относительно соотношения магии и религии существуют две противоположные точки зрения. По одной из них, выраженной Дж. Фрэзером, магия и религия имеют различные источники и цели и не связаны между собой. В соответствии с другим, более распространенным взглядом, источник магии и религии один. Он, по-видимому, и находится в мистике как первой духовной отрасли культуры.

Н. Зедерблом утверждает, что на начальных стадиях магия и религия незаметно переходят друг в друга. Но очевидны и разли-

чия. Магия — воздействие, религия — почитание. Магия должна была потерпеть крах в своем стремлении изменить мир, считает Фрэзер, чтобы смогла появиться религия. «Все, что является священным, — добавляет Зедерблом, — принадлежит к области религии» (Мистика. Религия. Наука... С. 289). Он разделяет магию и религию таким образом: «Магия — это дело расчета, религия означает подчинение и покорность таинственному, непостижимому» (там же. С. 290). Магия отличается от религии по своей цели. Ее объект тоже сакрален, но это священная техника достижения практических целей. Слово «священное» соотносит магию и религию. Магии присуща вера в священное, но не почитание его в культе, не обязательно имеющее практическую цель.

Итак, магия близка к религии своим представлением о священном, а к науке и технике своими практическими целями. Эти два пути затем разошлись, и религия, благодаря почитанию, приблизилась к морали. Можно представить следующую схему:

Как увидим в дальнейшем, отличие религии от магии во многом связано с отличием религии от мистики в целом, хотя источник здесь также один.

Человек постепенно отходил от единства с природой, но в своем мышлении продолжал целостно воспринимать мир, а себя — как его часть. Первобытные народы ближе к природе за счет мистических связей, которые очевидны для них. По Леви-Брюлю, главное для них — сопричастность с природой. Душа и тело для них также нераздельны. Ощущение мистической всесвязанности, по Леви-Брюлю, — самая характерная черта первобытного мышления, объясняемая его синтетическим характером. Синтез превалировал над анализом, как в наше время анализ над синтезом. Преобладание коллективных, синтетических по своей сути представлений социологи выводят из однородности строения общества. Эти коллективные представления остаются в человеке, опускаясь на бессознательный уровень и становясь коллективным бессознательным.

ДРЕВНИЕ МИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ

Зачатки культов, по-видимому, появляются у неандертальцев. Культ предков у первобытных народов означает, если так можно сказать, культ культуры, потому что предки являются ее создателями. Сами предки называются «вечными и несотворенными», и этим подтверждается торжество культуры.

Значение культуры для первобытных народов столь велико, что они считают, что когда жили предки, «все существа и предметы, напротив, обладали еще необычайными способностями: они потеряли их в течение поколений, чтобы сделаться заурядными людьми, животными, растениями» (там же. С. 318).

В древних культах нет представления о высших существах, отделенных от мира, потому что нет еще дифференциации, которая связана с возникновением логики. Древние люди не разделяли себя с миром. В этом суть мистики. Когда такое разделение начинается, мистика переходит в мифологию.

По Леви-Брюлю, мистическое у первобытных народов слито с физическим, а стало быть, здесь мы имеем дело с генезисом мистики. Имеет место «двойное присутствие» — естественного и сверхъестественного. В древних культах целью является осуществление мистического сопричастия между общественной группой и животными и растительными видами, необходимыми для ее существования. В более развитых цивилизациях это перейдет в мистическое взаимодействие между человеком и Богом.

Вот пример. «Австралиец арунта, например, под влиянием ритма, пения и пляски, под влиянием усталости и коллективного возбуждения во время церемонии теряет отчетливое сознание своей личности и чувствует себя мистически связанным с мифическим предком, который был одновременно и человеком и животным. Можно ли говорить, что он «представляет» или мыслит себе принципиальную однородность человека и животного? Разумеется, нет, но он глубоко и непосредственно чувствует это» (там же. С. 19).

Отсюда представление о мистической силе, заключенной в предметах-талисманах. «Таким образом амулеты, по крайней мере

первоначально, оказываются проводниками мистических сил, исходящих от сверхъестественного мира» (там же. С. 32). В китайской мифологии говорится, «что люди потом сами научились защищаться от бесов, вырезая из дерева фигурки Шань-гу и Юйлэй, в руках которых была веревка» (Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994. С. 497). Та же роль у вещей птиц, мистическая сила которых переходит на почву. Любой камень необычайной формы имеет мистическое значение и может быть объектом почитания.

Первобытному человеку представляется совершенно естественным, что одна и та же мистическая сила может в одно и то же время действовать сразу в нескольких местах. Принцип древних мистических культов таков: нет ничего такого необычайного и странного, что не могло бы случиться, раз вступившая в действие мистическая сила является достаточно могущественной.

Чем древнее представления, тем больше в них мистического. М. Элиаде утверждает, что шаманский комплекс в примитивных обществах также основан на мистических переживаниях. Шаман говорит на языке животных, становится их другом и повелителем, подтверждая мысль, что человек на ранних стадиях своей эволюции обладал способностью внушения.

МИНИМАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛИГИИ

С самого начала религиоведения возникла проблема так называемого минимума религии, т.е. попытка выделить минимальный набор представлений, который позволяет считать религию существующей. Первым, кто попытался сформулировать религиозный минимум, был английский ученый Э. Тайлор. Он видел его в **анимизме** — вере в одушевленность живых существ и явлений природы. Согласно анимистической концепции в основе всех религий лежат первобытные представления о душе и духовных сущностях. «Анимизм племен, находящихся на низших стадиях развития культуры, связан, — считал Э. Тайлор, — со свидетельством чувств» (Мистика. Религия. Наука... С. 40). Первобытный человек не разделяет естественное и сверхъестественное, потому

что судит обо всех вещах по аналогии с самим собой. Анимизм основан на **антропоморфизме**. Позже человек начинает отличать душу от тела и соответственно делать это по отношению к природным объектам.

Другой английский ученый Р. Маретт сделал вывод, что еще до анимистической стадии религии существовала «рудиментарная» стадия, на которой вера в сверхъестественное выражается негативно в форме **табу** — запрета на беспечные и нечестивые отношения со сверхъестественным и позитивно в форме **мана** — «инстинктивного чувства чудодейственной силы», которая не изначально присуща объектам, но может входить и выходить из них. Для обозначения веры в эту безличную духовную силу Р. Маретт ввел термин **«аниматизм»**. Эта сила внеморальна. Она связана с любым проявлением добра и зла.

Шотландский ученый Э. Лэнг также считал, что анимизма самого по себе недостаточно для возникновения религии и требуется предположить в качестве источника веру в Высшее Бытие, Творца всего сущего. Э. Лэнгу принадлежит концепция, получившая название **«прамонотеизма»**, в соответствии с которой главным источником религии является вера в Высшее Бытие. С этой точки зрения религиозные представления изначально связаны с моральными. Анимизм понимается им как один из источников религии наравне с другим — верой в Творца всех вещей. Как пишет Э. Лэнг, «два главных источника религии: 1) вера, приобретаемая непостижимым путем, в полного сил, морального, вечного, всемогущего Отца и Судью людей; 2) вера (вероятно, возникшая на основе нормальных и сверхнормальных переживаний) в нечто, существующее в человеке и остающееся существовать после его смерти» (там же. С. 81).

Н. Зедерблом делает вывод, что «сила, творец и духи занимают людей в равной степени» (там же. С. 314). Соединяя все три представления об источниках религии — анимизм Э. Тайлора, аниматизм Р. Маретта и прамонотеизм Э. Лэнга — и отталкиваясь от этого последнего удачного названия, перебросившего мостик от древних представлений к современным, можно считать

анимизм прадуализмом, а аниматизм — прапантеизмом и таким образом связать современные философско-религиозные концепции с древними представлениями, основой которых они являются.

Эти три основания религии, а если к ним прибавить тотемы и фетиши, то пять, можно свести к одному понятию — священного. Э. Дюркгейм считает отличительной чертой религиозного мышления разделение всех явлений на два противоположных класса: светское и священное (священной может быть любая вещь — утес, дерево, родник и т.д.). «Каждая однородная группа священных вещей или даже каждая сколько-нибудь значительная священная вещь образует организующий центр, к которому тяготеет какая-то группа верований и обрядов, особый культ» (там же. С. 223). Итак, в основе религии лежит культ священного. «Открытие свойства священного является корнем подлинной религии» (там же. С. 328). Слово «священное» шире понятия «божественное» и объясняет возможность религии без бога. Буддизм атеистичен. Для него безразлично, есть боги или нет. Так же и джайнизм. «Религия, стало быть, — делает вывод Э. Дюркгейм, — выходит за рамки идеи богов или духов» (там же. С. 215). С другой стороны, так как священным может быть все, то понятие религии, расплываясь, может дойти до определения Э. Ренана: «Человек, всерьез относящийся к жизни и использующий свою деятельность на достижение какой-либо благородной цели, — это человек религиозный; человек легкомысленный, поверхностный, не обладающий высокой нравственностью — неверующий» (Классики мирового религиоведения... С. 276). Это уже будет отождествление религии с моралью и даже с духовной культурой в целом.

Некоторые определения религии сводят ее к мистике. По Г. Спенсеру, религии «едины в молчаливом признании того, что мир со всем его содержимым и окружением есть тайна, жаждущая объяснения» (Мистика. Религия. Наука... С. 202). Но в религии речь идет не только о признании чего-либо священным, но и о почитании его, благоговении перед ним. Начало религии в почитании священного. «Религия начинается только тогда, ког-

да человек осознает границы своих возможностей, обнаруживает свое бессилие и благоговейно покоряется чему-то сверхчеловеческому» (там же. С. 291). К. Тиле полагает, что религия возникает на основе «инстинкта причинности», к которому добавляется «чувство бесконечного, которое мало чем отличается от чувства, именуемого совестью» (Классики мирового религиоведения... С. 195) как «почитание сверхчеловеческого, бесконечной силы как основы собственного бытия, равно как и бытия мира, к которому мы принадлежим» (там же. С. 194).

Г. Спенсер первоисточник религии видит в почитании предков. Именно почитание священного отличает религию от мистики, в которой утверждается контакт со сверхъестественным. Но для почитания нужна вера, а следствием его является культ. Эти слова — ключевые для религии.

Данные причины добавляются к отмеченным ранее. От осознания смертности и страха смерти идут: 1) священные объекты — предки, души, безличные духовные силы, духовный Отец, тотемы, фетиши; 2) вера в них; 3) почитание их; 4) культы. Почитание отличает религию от магии и мистики, проявлением и техникой которой выступает магия. Магия и мистика могут обойтись без почитания, религия — нет. Если рассматривать динамику, то религия, не отождествляясь с моралью, располагается на пути от мистики и магии к морали. Общая схема генезиса религии выглядит тогда так:

Осознание смертности → Страх смерти → Захоронение сородичей → Священное (предки, души, безличная сила, Бог, тотемы, фетиши) → Почитание → Вера → Культ.

МИСТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ДРУГИХ ОТРАСЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

С развитием речи и понятийного мышления мистика постепенно отходила на второй план, но так как основные психические структуры, обеспечившие ее становление, остались, то мистика заняла заметное место в других отраслях культуры. Мистика — это первая по времени возникновения отрасль духовной

культуры, и она остается в качестве составной части во всех последующих отраслях духовной культуры, в очень большой степени в религии.

Искусство возникает как воплотившаяся в образах мистика. Особенно большое значение имела мистика в поэзии, и воплотившие свои мистические переживания в стихи поэты порой рассказывали о них самих. «Исчезновение моей личности, — писал А. Теннисон, — представлялось мне не уничтожением, а единственной настоящей жизнью».

Большое значение имела мистика в философии, зачастую составляя основу систем и направлений. Первоначальный хаос в философии Древней Греции напоминает мистическую нерасчлененность мира, как и концепция единого и неподвижного Бытия, разработанная Парменидом. Платон выдвинул представление о мистической любви к «миру идей». Продолжил Аристотель: «Действительно, знание тождественно с его объектом».

Многие нынешние, по наружности вполне рациональные концепции, как, скажем, концепция ноосферы Тейяра де Шардена с ее идеей свертывания взаимоотношений человека и природы в точку Омега, являются завуалированной мистикой.

Не обходится без мистики и идеология, проявляя мистическое отношение к вождям, классам, нациям, принципам. Таким образом, мистика пронизывает все другие отрасли, что не удивительно, так она лежит в основе культуры.

Наше время зачаровано мистикой. Особенно волна мистических увлечений захлестнула Россию. В современной мистике много от представлений первобытных народов. Все нынешние суеверия имеют древнюю основу. По мнению Элиаде, «экстаз временно и для ограниченного числа людей-мистиков воссоздает первоначальное состояние человечества» (*Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 70). Так называемые посвященные — это люди, могущие поднять со дна духовной культуры раковины с жемчугом.

Особенность современного исследования мистики заключается в том, что она изучается не в рамках какой-либо другой от-

расли культуры, а сама по себе. Это по крайней мере позволяет сделать вывод, что мистические озарения идут из глубин человеческой психики, из ее нижних (по происхождению изначальных) этажей. В мистических рассказах описывается исчезновение пространства, времени и ощущения личности. Мир теряет форму и содержание. Остается чистое абсолютное Я и откровение смысла жизни.

Мистицизм обычно противопоставляют рационализму. Это справедливо в том смысле, что роль мистицизма в обществе в принципе постепенно убывает, а роль рационализма увеличивается. Это два процесса, идущие в разные стороны. «Источник этих (мистических. — А.Г.) интуиций, — пишет У. Джемс, — лежит в нашей природе гораздо глубже той шумно проявляющейся в словах поверхности, на которой живет рационализм» (*Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1991. С. 70—71*). Это так, потому что более раннее находится в психике глубже образовавшегося позднее.

Но речь в данном параграфе пойдет прежде всего о значении мистики в религии. Все религии в той или иной степени мистичны, и религиозные обряды пронизаны мистикой. Наиболее глубокие духовные направления в различных религиях особенно мистичны.

Представление древних индийцев о Едином как истине и источнике всего существующего, йога, сосредоточение на мандалах (простейших знаках, сочетаниях слов), «умное делание», теософия, учение кришнаитов — везде встречаемся с очень сильной мистической струей. Д. Судзуки говорит о мистицизме восточной культуры как таковой и пишет «мистицизм, т.е. дзэн», поясняя, что «восточному уму присущи спокойствие, тишина и невозмутимость» (*Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма. Бишкек, 1993. С. 23*). Таким образом, к мистике отнесен целый тип культуры.

Мы видим мистика не только в плясках и заговорах, где она соединяется с искусством; в мифологических сюжетах, являющихся художественным воплощением мистических видений; но и в религиях, основанных как, скажем, христианство на мисти-

ческой сопричастности, осуществляющейся путем схождения Бога в мир для его спасения. Указывая на мистицизм как начало духовной жизни, У. Джемс полагает, что корни религиозной жизни, как и центр ее, мы должны искать в мистических состояниях сознания. Мистицизм религий называется Джемсом «систематически культивируемым», а название книги Р. Штайнера «Христианство как мистический факт...» говорит само за себя. В этой книге не только христианство, но и философия, и мифология сводятся к мистике.

МИСТИКА И МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ

В основной корпус религий мистика входит как представление о связи между человеком, Богом и святыми. Все религиозные таинства мистичны. Обычай приносить пищу на кладбище — остаток мистической всесвязанности. Молчаливость религиозных подвижников, посредством которого они приобретали мудрость и ясновидение, несомненно, мистического происхождения.

Все три мировые религии — буддизм, христианство, ислам — имеют свои мистические направления. В них много общего, а различия зачастую оказывались малосущественными.

Религиозная мистика получила развитие в христианстве, в том числе в православии и русской церкви. Широкому читателю этот род мистики, как ни странно, известен гораздо меньше, чем древнеиндийская мистика, представленная, в частности, дзэн-буддизмом. В статье «Главные направления древнецерковной мистики» П. Минин пишет: «Всякая религия, поскольку она цель человеческой жизни полагает в тесном общении с Божеством и это общение понимает как глубоко-интимное переживание, содержит в себе мистический момент. Христианство не составляет исключения... Кроме рационального познания, есть особый способ богопознания, мистический, состоящий в непосредственном внутреннем ощущении божества, в таинственном прикосновении к Нему. В этот момент, когда человеческая мысль достигнет вершины абстракции, когда ум отрешится от всяких представлений и образов и погрузится в таинственное молчание, в состояние

полного безмыслия, в этот момент восхищенный дух человека непосредственно, так сказать, осязает Божество» (Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 339, 354).

Русский религиозный философ С. Булгаков называет мистикой «внутренний (мистический) опыт, который дает нам соприкосновение с духовным, Божественным миром, а также и внутреннее (а не внешнее только) постижение нашего природного мира. Возможность мистики предполагает для себя наличие у человека особой способности непосредственного сверхразумного и сверхчувственного интуитивного постижения, которое мы и называем мистическим, причем его надо отличать просто от настроения, которое ограничивается заведомо субъективной областью, психологизмом. Напротив, мистический опыт имеет объективный характер, он предполагает выхождение из себя, духовное касание или встречу» (Булгаков С. Православие. М., 1991. С. 308). Мистика основывается на том, что «человек имеет кроме телесных чувств, еще око духовное, которым он видит, постигает, ведает. Этот орган есть вера, которая, по апостолу, есть «вещей обличение невидимых» (Евр. 2, 1)» (там же. С. 35).

Церковная мистика развивалась в соответствии и в сочетании с основными направлениями развития самого христианства. В учении отца христианской мистики Климента Александрийского «мы можем находить начатки и того разветвления древнегреческой мистики, которое позднее стало известно под именем исихии. Его учение о молитве, как внутренней, безмолвной и непрестанной беседе с Богом, этой предтече «умной молитвы» последующих мистиков, его взгляд на значение этой молитвы, как на жертвоприношение и прямой путь к единению с Богом, всемогущее магическое действие этой молитвы, резкий индивидуализм гностического идеала, наконец, ἀνάπαυσις — полный покой духа как конечный пункт христианской жизни, осуществляемый, правда, только по ту сторону этой жизни, там, в горней церкви, где предстанут философы Бога, истинные израильтяне и где мы познаем Бога, как Сын познает (но, — замечает Климент против еретиков и стоиков, — не более, ибо никакой ученик не

бывает более своего учителя) — все это такие черты, которые в учении исихастов нашли себе только более подробное раскрытие» (Мистическое богословие... С. 348). Мистическое созерцание Бога рассматривалось церковью как одна из ступеней познания истины вместе с изучением природы и Писания.

Большое значение для развития христианской мистики имели труды Псевдо Дионисия Ареопагита, который особенно подчеркивал значение для общения с Богом полного безмолвия ума. Исихазм был важным этапом в развитии мистики христианства. «Безмолвие (ησυχία) умерщвляет внешние чувства и воскрешает внутреннее движение. Нигде Бог не являл ощутительно действительности своей, как в стране безмолвия», — писал Исаак Сирин (там же. С. 384). Совершенное безмолвие ума — высшая точка, психологический предел, достигаемый человеком.

Приемы искусственной методы созерцания, которые позднее стали применять на практике исихасты, изложены впервые Симеоном Новым Богословом. «Тот, кто хочет достигнуть высшей ступени молитвенного созерцания, должен прежде всего соблюдать три вещи: беспопечение обо всем, чистую совесть и совершенное беспристрастие, чтобы помысел не клонился ни к какой мирской вещи, затем он должен сесть в безмолвном и уединенном месте, затворить двери, отвлечь ум от всякой временной и суетной вещи, склонить к груди свою голову и, таким образом, стоять вниманием внутри себя (не в голове, а в сердце), соединяя там ум и чувственные очи, приудерживая дыхание и стараясь всячески обрести место, где сердце, чтобы обретши, всецело удерживать в нем ум свой и вот, когда ум, подвизаясь в этом упражнении улучит место сердца, тогда, — о чудо! — обретает там, внутри такие вещи, каких никогда не видывал и не знал, — увидит воздух оный, который находится там, внутри сердца, и себя самого всего светлым и исполненным разумности и рассуждения... Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божией помощью сам из опыта узнаешь, посредством внимания ума и держа в сердце Иисуса, т.е. молитву Его, — Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» (там же. С. 379—380).

Возвращение в первоначальное единство с Богом получило название «обожения». Посредством обожения восстанавливаются все виды бытия. «Чрез бесстрастие человек уничтожает разделение на полы, как не относящееся к идее человеческого существа. Праведной жизнью он должен всю землю превратить в рай, иначе — всегда иметь в самом себе рай и не зависеть от различия мест; силою знания он должен проникнуть в небесные сферы чувственного бытия, уничтожить пространственные расстояния, словом объединить в себе все чувственное бытие; силою равноангельского гнозиса он выступает за пределы чувственного бытия в область мира умопредставляемого; наконец, объединив в себе всю тварную природу, человек предает себя и объединенную природу Богу, чтобы Бог дал ему Себя Самого и он сделался всем, что есть Бог, кроме тожества по существу. В этом обожении последняя цель человека» (там же. С. 390).

По Дионисию, существуют три стадии обожения: катарсис (очищение души), просвещение (озарение души божественным светом) и мистическое богопознание. В нравственно-практическом направлении христианской мистики соответственно выделяются подвижничество, вера как созерцание Бога и экстаз как вершина мистического акта.

МИСТИКА ЖЕРТВЫ

Считая древнейшим культ умерших, Г. Спенсер относил к первоначальному виду жертвоприношений «кормление» покойников. Вторая стадия жертвоприношения — жертвоприношения духам и богам, третья — принесение в жертву себя. Без этого невозможно соединение с Единым.

Когда появились жертвоприношения, сказать нельзя, но они известны в самых примитивных культурах собирателей. Принесение в жертву представляет собой освящение жертвы, которой может быть и животное (в том числе тотемное), и человек. Так как жертва почитается священной, то вкушение жертвенного мяса — это как бы поедание Бога (в христианстве такую роль выполняет причастие: люди распяли пожертвовавшего собой Бога и во время

литургии в символической форме причащаются его телом и кровью). Получалось так, что священное животное, родовое божество приносилось как бы в жертву самому себе. Оно умирало, как умирают люди.

Мистика присутствует в жертвоприношениях на всех его исторических стадиях, например, в представлении о мистических свойствах крови как очистительного средства. «Многие весьма распространенные среди первобытных людей обряды, более или менее различающиеся в деталях, имеют целью использовать мистические свойства крови, добываясь сопричастия им определенных предметов и определенных существ... Так, в Британской Новой Гвинее... девять человек этих туземцев поднялись по реке Сприби, чтобы построить себе лодку. Когда последняя была готова, туземцы принялись искать жертву, кровью которой они должны были крестить лодку согласно своему обычаю. Они встретили одного несчастного туземца с реки Сприби, которого и убили» (*Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 213—214*). Часто жертва приносилась в начале строительства, и таких примеров можно привести множество. Подобные вещи Леви-Брюль квалифицирует как «мистическую гигиену». Вспомним, что кровопускание долгое время рассматривалось медициной в качестве универсального лекарства от всех болезней для животных и людей. Кровь в этом случае выступает как мистическая сила. «Это жизненное начало борется с другой силой, такой же невидимой, с другим зловредным началом, с дурным влиянием, каковым является болезнь. Кровь имеет силу колдовского средства, лекарства, одерживающего победу над околдованием» (там же. С. 215). Это справедливо, однако, лишь в случае, когда кровь выходит из тела преднамеренно, т.е. когда речь идет о жертве.

В мифологии это мистическое представление трансформируется в идею очистительной жертвы, которая приносится во время обряда жертвоприношения. «Тот, кто вольно или невольно нарушил традиционные правила и в силу этого считает себя находящимся в преддверии несчастья (нарушение табу сделало его нечистым), тот, кого преследует неудача (доказательство того, что

он находится под действием дурного влияния), должен совершить церемонию очищения при посредстве крови из сердца животного, которое обычно указывает ему ведун или знахарем. Животное приносится в жертву и чаще всего съедается стариками около священного огня. Тот, кто хочет совершить над собой обряд очищения, не получает своей доли мяса. Он обязан энергично натирать верхнюю часть тела и руки кровью, проделывая это до тех пор, пока все корки грязи, нарощие на его теле и не счищавшиеся, быть может, в течение многих лет, не отстанут от кожи и не смешаются с этой кровью» (там же. С. 224).

Освободиться от своих грехов можно и с помощью так называемого «козла отпущения», в роли которого выступают различные животные и даже растения. По мнению Робертсона Смита, кровь тотемического животного символизирует единство общины, а ритуальное умерщвление и поедание тотемического животного есть заключение «кровного союза» общины с ее Богом.

К теме «культура и жертва» мы будем возвращаться не раз. Пока отметим, что захоронение предков было первой жертвой человека, породившей духовную культуру. Человек все более отходил от окружающего мира, но стремился вернуться в него с помощью жертв, призванных восстановить утрачиваемое единство. Развитие словесной культуры сопровождалось мистическим отказом от слова (христианские молчальники), поскольку, как утверждал еще Лао-цзы, «говорящий не знает, а знающий не говорит». Мистика отказывается и от разума, от всего, присущего человеку на более высоких стадиях развития. Наконец, мистика связана с отказом от личности, т.е. жертвой основным, что есть у человека и что рассматривается тождественным самой его жизни. Это присуще буддизму, в котором отказ от личности составляет высшую ступень восьмеричного пути Будды; есть это и в христианской мистике. В видении одной женщины, описанном У. Джемсом, Бог, по ее словам, «как бы покупал ценою моей боли свое существование... Через меня Он свершил нечто, — что именно и по отношению к кому, не знаю — употребив на это все страдание, на какое я была способна» (*Джемс У. Многообразие....* С. 313).

Вывод: «вечная необходимость страдания и его вечное назначение — свидетельствовать о том, что кроется за ним» (там же). «Гений похож на человека, — заключает У. Джемс, — который приносит в жертву свою жизнь, чтобы приобрести достаточно средств для спасения от голода своей округи; и в то время, как он, умирающий, но удовлетворенный, приносит сотню тысяч рупий, необходимых для покупки хлеба, Бог отбирает у него эти деньги, оставляя ему лишь одну рупию, со словами: «Вот это ты можешь отдать им; только это ты приобрел для них. Остальное — для Меня» (там же. С. 314).

Человек приносит в жертву самое дорогое для него — разум, речь, личность. Ради чего? Ради истины, которую говорящий не может высказать; ради культуры, которая сопровождает человека на всем пути его становления и существования. Жертва предстанет как двигатель жизни — и не только в первобытной культуре.

ЗНАЧЕНИЕ МИСТИКИ

Значение мистики, прежде всего, в том, что она формирует представления о сверхъестественном и способствует формированию образа культурных героев, являющихся создателями всего существующего. Образ культурного героя есть образ «предка», с захоронения которого начались культы. В нем культура хранит воспоминание о своем исходном пункте (слово «захоронение» однокоренно «хранению»). То, что культурные герои зачастую оказываются полуживотными-полулюдьми, свидетельствует о том, что в мистических представлениях мир культуры тесно связан с миром природы и миром человека, причем между этими мирами существует единство, которое может быть названо не только мистическим, но в широком смысле слова культурным. «Предки» понимаются великими скорее в духовном, чем в физическом отношении, обладающими способностями, в сильнейшей степени превосходящими способности нынешних колдунов и экстрасенсов.

Культурные герои в современных мистических учениях порой принимают вид Учителей Человечества. «В своих духовных

достижениях и психических возможностях каждый из Великих Учителей неизмеримо раздвинул рамки привычных границ пространства, времени и вещества и потому его можно считать Полным, Цельным Человеком, в то время как обыкновенный индивид на сегодняшней стадии эволюции пока еще представляет собой фрагмент подлинного Человека» (*Ключников С.Ю.* Провозвестница эпохи огня. М., 1991. С. 57). Одно из достижений мистики заключается в представлении о высших совершенных существах, восходить к которым должен человек.

В мистике человек отождествляет себя и культурного героя-предка и пытается сохранить то, чего он лишился в процессе эволюции. М. Элиаде пишет, что уход от времени и отказ от истории являются существенно важными элементами всех мистических переживаний. Первое помогает преодолению страха смерти. «Достигнув этого состояния мистического экстаза, первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед неподдающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто даже большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие, реализованное церемониями, — вот в чем его спасение» (*Левин-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 129). Значение мистики в том, что она дает «анестезиологическое откровение», сообщающее покой душе, дает разгадку тайны, содержащейся в самой этимологии данного термина, хотя ее нельзя передать другим в силу неизреченности мистических интуиций. Последующие отрасли культуры и пытаются найти словесную формулировку данных откровений.

В сознании неизбежно присутствует личное я, а стало быть представление о смерти. Выход из сознания (или, как еще говорят, приобретение космического сознания, сверхсознания) позволяет преодолеть осознание смертности и страх смерти. Борясь против смерти, мистика соединяет человека с Вечным. «Это не было убеждение, что я достигну бессмертия, это было чувство, что я уже обладаю им», — говорится в одном из сообщений (*Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М., 1991. С. 318).

Мистическая духовность еще не является в полном виде разумной деятельностью, но она также и не относится к области чувств, так как ее истоком не являются пять чувств человека (иногда имея ее в виду, говорят о шестом чувстве). Это как бы нечто переходное между чувствами и разумом, особый канал связи и приобретения информации.

Мистику можно сопоставить с первым фазисом теологического мышления по О. Контю. Говоря о трех фазисах теологической стадии мышления — фетишизме, политеизме, монотеизме — Конт, по существу, имеет в виду три отрасли культуры: мистику, мифологию, религию. На стадии фетишизма, по Контю, преобладают инстинкт и чувство; на стадии политеизма — воображение (главное, что необходимо и для искусства). Конт считал, что во втором фазисе предметы лишаются навязанной им жизни, переносимой отныне на вымышленные существа. Здесь подмечен переход мистики в мифологию и процесс становления логического мышления. Внутренняя жизнь отходит от вещей и рассматривается сама по себе. Затем, полагает Конт, разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения. Происходит постепенный переход от мифологии к философии, от теологической к метафизической стадии. Теперь ясно, что на пути рационализма можно выделить не три, а больше стадий. Все началось с дологической стадии, на которой сформировались мистика и искусство. Лишь на стадии мифологии появилась логика, необходимая для того, чтобы имело место объяснение как таковое. Каждая предыдущая стадия не сдавалась (да и не сдалась до сих пор), а пыталась взять реванш в иной форме, с использованием достижений других стадий.

Мистическая культура не создала цивилизации, так как мистика не выходит вовне из сферы духа. Но без нее последующая эволюция была бы невозможна.

Вопросы для повторения

- Что такое мистика?
- Каковы ее характерные свойства?

- Как тотемизм и фетишизм связаны с религией?
- Что такое магия?
- Как соотносятся магия и религия?
- Что такое минимальное определение религии?
- Как связано возникновение мистики с преодолением страха смерти у первобытного человека?
- Какое значение имеет мистика для развития других отраслей культуры?
- Как соотносятся мистика и религия?
- Каково значение мистики?

Литература

1. *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.
2. *Левы-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
3. Мистическое богословие. Киев, 1991.
4. Мистика. Религия. М.: Наука, 1998.
5. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.

Глава 3

Религия и мифология

ЧТО ТАКОЕ МИФОЛОГИЯ?

Составной частью развитой религии являются мифы, которые созданы в рамках еще одной отрасли культуры — мифологии. Слово «мифология» происходит от «mythos» — предание, сказание, но как отрасль культуры есть целостное представление о мире, передаваемое, как правило, в форме устных повествований.

Мифологии, как и мистике, присущи антропоморфизм (приписывание явлениям природы человеческих свойств и поступков), фетишизм (представление о наделенности неодушевленных предметов сверхъестественной силой), тотемизм (представление о происхождении человеческих групп от животного или растительного предка), анимизм (вера в одушевленность всего существующего). Уже одно это свидетельствует о связи мифологии с религией.

Мифологию порой путают с мистикой, поскольку мистические представления занимают в мифах важное место. Многие мифы начинаются с представления о первобытном хаосе как мистической нерасчлененности бытия, но не останавливаются на этом. В качестве одной из своих аксиом Вико выдвигает такую: «Все варварские Истории имеют мифологические начала» (*Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. М.; Киев, 1994. С. 86). Мифология, будучи связанной с захоронениями предков, является сущностным свойством человека. «Первых в мире богов создал страх», — писал римский поэт Папиний Статий (45—ок. 99 г. н.э.). Страх не только окружающей природы и будущего, но, может быть, в первую очередь, страх смерти.

Миф отличается от сказки или легенды тем, что воспринимается как реальность. Р. Барт определяет миф в противополож-

ность поэзии как семиологическую систему, претендующую на то, чтобы превратиться в систему фактов.

О соотношении мифа с мистикой и искусством можно заключить из значений слов. Мистика — это таинственное, искусство — это сказание. Миф можно определить как сказание о таинственном. Мифология — это синтез мистики и искусства, дошедший до своего воплощения в целостных духовных произведениях, призванных объяснить наиболее важные события преимущественно начала истории. А.Н. Афанасьев выводил мифологию из особенностей образования языка и словотворчества. Созидание языка, которое все более иссякает и предается забвению, продолжается в новом виде творчества — мифологическом. Исходный смысл древних речений постепенно становился все темнее и загадочнее, и начинался неизбежный процесс, как называет его А.Н. Афанасьев, «мифических обольщений».

В своем мифологическом мышлении человек воспринимал природу как живое существо, одушевлял и одухотворял ее. Отголоски этого находим в языке («солнце всходит и заходит», «ревела буря» и т.п.). Последнее, по-видимому, подтверждает идею А.Н. Афанасьева о том, что в самом начале творческого создания языка силам природы придавался личный характер и, таким образом, речевому единству человека с природой также было присуще одушевление и одухотворение природы. Афанасьев объясняет всеобщее обожествление внушением метафорического языка и выводит, стало быть, мифологическое единство из языкового. Спецификой мифологического единства, по-видимому, является не обожествление и не его более творческий характер, чем у единства речевого, а скорее целостность, попытка представить человека и природу и их взаимодействие в космическом масштабе.

Символом обожествленного космоса с подчеркнутой идеей связи земного и небесного была концепция древа жизни. Природа мыслилась совершенной и гармоничной. Человек в своем творчестве также стремился достичь состояния совершенства и в то же время как бы обязывался поддерживать и прославлять совершенство в природе, чувствовал себя ответственным за это, по-

сколько не воспринимал природу как функционирующую независимо от его действий. На поддержание и сохранение порядка в природе были направлены ритуально-драматические обряды, элементы которых организовывались в соответствии с принципами соразмерности и гармонии. Гармония здесь общий признак, одинаково присущий творчеству и природе.

Для мифологического единства человека и природы характерны персонификация всей природы в виде единого божества с дополняющей его иерархией богов и представление о вечном воспроизводстве этого единства. У древних славян таким божеством, по Б.А. Рыбакову, был Род.

Миф, по Р. Барту, превращает историю в природу: задача мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных.

Из искусства появляется мифология, так как, по Вико, «Первые Поэты наделяли тела бытием одушевленных субстанций, обладавших только тем, на что они сами были способны, т.е. чувством и страстью; так Поэты создавали из тел Мифы, и каждая метафора оказывается маленьким мифом» (там же. С. 146). Итак, механизмом превращения искусства в мифологию был антропоморфизм.

Мифология появляется в виде разрозненных сказаний. Пока логическое мышление развито недостаточно, разногласия между мифами не смущают. «Так как соотношение между каждым мифом и остальными таково, как если бы их друг для друга не существовало, то совершенно неизбежно, что между ними возникают противоречия. Однако какими вопиющими эти противоречия ни казались бы нам, туземцев они не смущают ни в малейшей мере. Они не уделяют им никакого внимания» (*Леви-Брюль Л.* Первобытная мифология. М., 1930. С. 257).

Мифология развивалась из отдельных произведений искусства, которые не обобщались до становления великих речных цивилизаций. Создание последних — переломная точка перехода от искусства к мифологии. Мистика и искусство не отмирают,

они отталкиваются на периферию культуры. Мифология же достигает своего расцвета в Египте, ближневосточных цивилизациях, Индии, Китае, Греции, переходя в Индии и Китае в религию, а в Греции в философию.

Становление цивилизации — социальная предпосылка развития и господства мифологии над другими отраслями культуры. Антропологическая предпосылка — рост логичности мышления. Мистика вместе с искусством создает внутрикультурные условия для победы мифологии. Хотя есть доля истины в концепции древнегреческого мыслителя Эвгемера о мифологизации истории, все же в мифологию изначально входит мистический компонент. В мифе соединяются мистика, искусство и жизнь в лице действующих культурных героев.

В мифологических текстах боги похожи на людей и обладают их достоинствами и пороками. Это результат того, что первобытные люди не видят различия между естественным (жизнью людей) и сверхъестественным (жизнью богов). Для того чтобы божественное предстало в идеальном варианте, необходим длительный период абстрагирующей деятельности. По К. Леви-Стросу, миф образует мост между чувственным опытом и рациональной мыслью. Иначе говоря, мост между искусством, в основе которого лежат образы, и философией, в основе которой рациональное мышление. Постепенно под влиянием тенденции рационализации мифы становятся все более абстрагированными, усложненными, логичными и последовательными. В мифологических представлениях древности мы находим то, что потом переходит в более развитые мифологии Востока, а дальше в Ветхий Завет и христианство.

Понимание религии в широком смысле дает возможность использовать применительно к древним верованиям понятия мифологии и религии как синонимы: греческая мифология тогда тождественна греческой религии. Такое словоупотребление оправдано, так как отделить религию от мифологии еще труднее, чем от мистики.

Миф дает религии основной корпус представлений, без которых религия не может претендовать на статус развитой. В мифе

присутствуют и вера, и почитание. Отличие идет по качеству почитания. Мера почитания древним человеком богов была мерой его религиозности. Он почитал богов в большей степени, чем это имело место в мистике, но в меньшей степени, чем в мировых религиях. Древний грек мифологической эпохи «не старался быть благочестивым во внутреннем смысле этого слова, в смысле святости и совершенства» (История религии... С. 52).

Мифологические системы Египта и Ближнего Востока вполне оправданно называют древними религиями. Для нас важно то, что они дали мировым религиям. Развиваясь, религия уходит от мифов в сторону морали, как она уходит от мистики в сторону почитания. Почитание и вера в священное представляют собой религиозную сторону мифологии.

Само священное по мере развития абстрагирующей способности человека идеализируется. Религия отличается от мифологии более идеальным характером. Если в мистике естественное и сверхъестественное неразрывно связаны, то в мифологии идеальное действует само по себе. Мистика и мифология — это стадии развития религии по пути ее формирования как особой отрасли культуры. Мистика, обогащенная искусством, становится мифологией; мифология, обогащенная философией, становится религией как особой отраслью культуры. У. Робертсон Смит проследживает такую цепочку от мифологии к религии:

Обряд → Миф → Догма.

«Во всех древних религиях, — пишет он, — мифология занимает место догматики» (Классики мирового религиоведения... С. 317). Но сам обряд коренится в мистике, которая, соединяясь с искусством, образует миф. Первоначальное назначение мифа, по Робертсону Смигу, состоит в объяснении обряда. Тут видно, как искусство приходит на помощь мистике, а в результате получаем миф.

Религия, по Э. Кассиреру, в отличие от мифологии, дает начало чувству индивидуальности (в мифологии преобладает коллективное сознание). Понятие «религия» применимо и к Церкви, и к личной вере. Как правильно отмечает У. Джемс, «фети-

шизм и колдовство исторически, по-видимому, предшествовали личной вере, — последняя вообще не уходит так далеко в глубь времен. И если фетишизм и колдовство рассматривать как стадии развития религии, то придется, конечно, признать, что личная вера в интимном смысле и чисто рассудочная церковная догматика, которая основана на ней, представляют образования вторичного и даже третичного порядка» (*Джемс У. Многообразие религиозного опыта*. СПб., 1992. С. 40). Многие исследователи первобытных народов, например Дж. Фрэзер, настойчиво противопоставляли колдовство религии.

Религия начинается с того момента, когда индивидуум начинает этически соотносить себя с Богом. Где чувство индивидуальности, там и сознание ограничения. Возникает понимание отличия человека от Бога, которое пытаются преодолеть в истовых молениях и неистовом экстазе. Появление чувства индивидуальности совпадает со стадией рационализации мышления. Значит, религия в этом смысле возникает после «осевого периода» (по Ясперсу). Миф был доинтеллектуальным, религия — надынтеллектуальной.

МИФОЛОГИЯ И ЖЕРТВЫ

У всех так называемых примитивных народов важнейшие обряды связаны с жертвоприношениями духам. А. Ельчанинов пишет, что покинутые дома или места погребения, могилы немедленно становятся священными местами, где воздвигается алтарь (если этим алтарем не служит могильная плита), где приносятся жертвы и совершаются моления. Во многих культах жертвоприношения являются главным действием. Они остаются в развитых мифологических культурах и затем переходят в религии.

В мифологии впервые оформилась идея появления мира как жертвы. В японском мифе о сотворении мира встречаем представление о зарождении съедобных растений непосредственно из тела Богини. «Это зарождение соответствует смерти Изанами, т.е. ее самопожертвованию» (*Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии*. М., 1996. С. 212). Элиаде делает общий вывод, что сотворение

полностью завершается или иерогамией, или насильственной смертью. «Действительно миф о происхождении съедобных растений — широко распространенный миф — всегда связан с добровольным самопожертвованием божественного существа, которое может быть матерью, девушкой, ребенком или мужчиной» (там же). В соответствии с имеющим широкое распространение и встречающимся во множестве форм и разновидностей мифом, продолжает Элиаде, «сотворение не может свершиться без принесения в жертву живого существа первобытного обоуполого гиганта, космического Мужчины, Матери-Богини или мифической Девушки. Мы также видим, что «Сотворение» относится ко всем уровням существования, будь то Сотворение Космоса или человечества, или какой-то отдельной человеческой расы, или конкретных видов растений или животных. Структура мифа остается одной и той же: ничто не может быть создано без жертвоприношения, без жертвы... Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву. Насильственная смерть созидательна в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования. Это жертвоприношение приводит к огромному переносу: жизнь, сконцентрированная в одной личности, выходит за ее пределы и проявляется на космическом или совокупном уровне. Единственное существо трансформируется в Космос или возрождается во множестве видов растений или человеческих рас. Живое «целое» разрывается на фрагменты и рассеивается мириадами одушевленных форм» (там же. С. 213, 214). Из одного рождается многое. Возможно мифы эти созданы в период неолитической революции под влиянием перехода к сельскому хозяйству. Периодическая плодovitость земли отмечается праздниками, во время которых приносятся жертвы и даже происходят массовые самопожертвования, как во время римских сатурналий. Оргии символизируют возвращение в первоначальный хаос.

Обычай человеческих жертвоприношений относится к более развитым классовым обществам. Человеческие жертвоприношения, по-видимому, были распространены и в Старом, и в Новом

Свете, у греков, римлян, германцев и других народов. «Даже отвратительное жертвоприношение детей, преподносимых Молоху, имело глубоко религиозное значение. Этим жертвоприношением человек возвращал божеству то, что тому принадлежало, так как первый ребенок часто считался ребенком Бога. Действительно, по всему архаическому Востоку существовал обычай, согласно которому молодые девушки проводили ночь в храме, чтобы зачать от Бога (т.е. от его представителя — священника или от его посланника — «незнакомца»). Таким образом, кровь ребенка восполняла затраченную энергию Бога, потому что в целях так называемого плодородия божества расходовали свою собственную субстанцию на усилия, требуемые для поддержания мира и обеспечения его богатства, а следовательно, и сами время от времени нуждались в восстановлении» (там же. С. 163).

Жертва в мифологии — знак покорности и благоговения человека перед божеством. При жертвоприношении «подчеркивается именно момент жертвы, лишения, отказа поклонника от чего-либо ценного ради Бога» (История религии. М., 1991. С. 26). Причем этот момент в отличие от жертвы ради «насыщения» бога свое полное развитие получает в позднейших культах. «Классическим примером такого рода жертвы будет принесение финикийцами в жертву Молоху своих первенцев. Явно, что для насыщения Бога безразлично, принесен ли в жертву единственный сын или нет, так что жертва измеряется не ценностью ее для Бога, а тяжестью ее для жертвователя» (там же. С. 21). Чем ценнее жертва для самого человека, тем лучше. От Авраама требуется отдать на заклание сына. Лучше первый ребенок, чем последующие. Еще лучше сам человек или Бог.

Бог и человек как бы соревнуются между собой. «Божество, довольно часто выступавшее в образе девушки, иногда — ребенка или мужчины, согласилось быть принесенным в жертву, чтобы из его тела смогли вырасти клубни плодоносящих растений. Это первое убийство радикально изменило образ бытия человеческой расы» (*Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 47—48). Отсюда сама пища становится священной. «Убивая и

поедая свиней во время торжеств и поедая первые плоды урожая корнеплодов, человек поедает божественную плоть точно так же, как и во время празднеств каннибалов... Съедобное растение не предоставлено природой. Оно является продуктом убийства, потому что именно таким образом оно было сотворено в начале времен» (там же. С. 49).

Жертвоприношение — это способ возрождения жизни и тем самым преодоления смерти. «Смерть, сама по себе, не является определенным концом или абсолютным уничтожением, как иногда считается в современном мире. Смерть приравнивается к семени, которое засеивается в чрево Матери-Земли, чтобы дать рождение новому растению... Вот почему тела, захороненные в период неолита, находят лежащими в зародышевом положении... Люди в своей смерти и погребении были жертвоприношениями Земле. В конечном итоге, именно благодаря этому жертвоприношению может продолжаться жизнь, и люди надеются после смерти вернуться обратно к жизни. Пугающий аспект Матери-Земли как Богини Смерти объясняется космической неизбежностью жертвоприношения, которое лишь одно позволяет перейти от одной формы существования к другой, а также обеспечивает непрерывный круговорот Жизни» (там же. С. 219—220).

В мифологической культуре, как и в первобытной, жертва предстает как источник и двигатель жизни. По Элиаде, «человек архаических обществ стремился победить смерть, придавая ей такое значение, что, в конечном итоге, она перестала быть прекращением, а стала обрядом перехода. Другими словами, для примитивных народов человек умирает по отношению к чему-то, что не является существенным, человек умирает для мирской жизни» (там же. С. 264).

Жертва в мифологии — коллективная жертва, как само мифологическое сознание — коллективное сознание. В большинстве мифов речь идет о добровольной смерти. С добровольной жертвой связан образ Феникса, который «вечно готовится сам для себя костер и сгорает на нем, а из пепла его вечно возникает обновившаяся молодая, свежая жизнь... Дух, уничтожая телесную

оболочку своего существования, не только переходит в другую телесную оболочку и не только в обновленном виде воскресает из пепла, в который обратилась его прежняя телесная форма, но он возникает из этого пепла, возвышаясь и преображаясь при этом как более чистый дух... Если мы будем рассматривать дух с этой стороны, так что его изменения являются не только переходом как обновлением, т.е. возвращением к той же форме, а скорее переработкой его самого, посредством которой он умножает материал для своих опытов, то мы увидим, что он во многих направлениях многосторонне пробует себя и наслаждается своим творчеством, которое неистощимо, так как каждое из его созданий, в котором он нашел для себя удовлетворение, в свою очередь оказывается по отношению к нему материалом и вновь требует переработки» (*Гегель Г. Философия истории. М., 1995. С. 94*). Это философская интерпретация мифологии.

А вот описание реальной добровольной жертвы. «*Meriah* — добровольная жертва, покупаемая общиной. Ему разрешалось жить годами, он мог жениться и иметь детей. За несколько дней до жертвоприношения *meriah* освящался, т.е. отождествлялся с божеством, которому будет принесен в жертву. Люди танцевали вокруг него и поклонялись ему. После этого они молились Земле: «О, Богиня, мы преподносим тебе эту жертву, дай нам богатые урожаи, хорошие времена года и крепкое здоровье!» И они добавляли, поворачиваясь к жертве: «Мы купили тебя, а не захватили тебя силой: теперь мы приносим тебя в жертву и пусть не лежит на нас никакой грех!» Церемония также включала оргию (олицетворяющую регрессию до изначального хаоса. — *А.Г.*), которая длилась несколько дней. В конце концов *meriah* опаивали опиумом и, задушив, разрезали на куски. Каждая из деревень получала часть его тела, которую затем захороняли на полях. Остаток тела сжигался, а пепел разбрасывался по земле» (*Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 218*).

В мифах различных народов жертвоприношение совершается для победы над силами зла (это подробно объясняется в зороастризме). Языческие жертвоприношения очищают человека от

грехов и обеспечивают милость богов и нормальное функционирование мира.

ОСНОВНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

В том или ином виде они встречаются у большинства народов Земли. Заимствуются ли они или каждый народ создает их сам, а сходство — результат одинаковости мышления и обстоятельств? Антропологи отмечают, что имеет место и заимствование, и независимое творение близких сюжетов.

Сотворение мира

Наиболее известное повествование о сотворении мира находится в Библии в книге Бытия. Здесь встречаем рассказ о 6 днях, в которые Бог создал последовательно свет (первый день), небо и воду (второй день), сушу и растения (третий день), звезды (четвертый день), животных (пятый день), человека (шестой день). В других текстах Библии последовательность иная, так что не вполне ясно, что появилось раньше: небо, земля или свет, но в целом это напоминает эволюционную картину развития Земли.

Рассказ о сотворении мира, изложенный в Библии, восходит, по мнению исследователей, к так называемому Жреческому кодексу, составленному еврейскими жрецами во время вавилонского пленения (VI в. до н.э.) или сразу после него. В другом месте Библии имеется еще один рассказ, который отличается от предыдущего. Здесь говорится о создании сначала человека, потом низших животных и позже женщины из ребра Адама. Этот рассказ написан на несколько столетий ранее, вероятно в IX в. до н.э. и различие между двумя образами Создателя характеризует постепенную эволюцию представлений о нем. «Более поздний автор Кодекса имеет абстрактное представление о Боге как о существе, которое недоступно человеческому глазу и творит мир простым велением. Более ранний автор Яхвиста представляет себе Бога в конкретной форме, как существо, которое говорит и действует подобно человеку, которое лепит человека из глины,

разводит сад, гуляет в этом саду в часы дневной прохлады» (*Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 14—15). Изменения идут в направлении от мифологического восприятия к религии, отражая эволюцию человеческого мышления.

Библейский рассказ является одной из трех модификаций основной мифологической структуры сотворения мира. Двумя другими являются создание мира не из ничего, а из хаоса и из организованного существа.

Представление об образовании мира путем разделения неба и земли встречается у многих народов. Иногда оно дополняется очень поэтичными и трогательными картинками. Так, в мифе народов Океании, несмотря на отделение беспредельного Неба от своей супруги Земли, «их взаимная любовь продолжается. Нежные вздохи летят к Небу из земной груди, поднимаясь над лесистыми горами и долинами. Люди называют эти вздохи туманами. И беспредельное Небо, отделенное от своей возлюбленной, скорбит о ней долгими ночами и роняет слезы на ее грудь. А люди называют эти слезы каплями росы» (*Хрестоматия по истории мировой культуры.* М., 1998. С. 29).

Интересно, что человек по-древнееврейски «адам» — мужской род от «земля» («адама»), что объясняет творение его из глины. Подобный миф существовал у вавилонян и египтян. У первых бог Бел отрезал собственную голову, а другие боги собрали кровь, смешали ее с землей и из этого кровавого теста вылепили людей. В египетской мифологии Хнум, отец богов, вылепил людей из глины на гончарном круге. Прометей также вылепил первых людей из глины. По представлениям австралийских аборигенов, создатель Бунджил большим ножом срезал три крупных куска древесной коры, положил на один из них кусок глины и тем же ножом вымесил ее, а затем вылепил человеческие фигуры. После этого он стал дышать им в рот, и они ожили. Аналогичный миф встречаем у маори в Новой Зеландии. Бог Тика назвал созданного им человека Тики-агуа, т.е. подобие Тики.

На Таити Бог создал женщину из одной из костей («иви») человека. Параллель вплоть до фонетической: иви — Ева. На ост-

ровах Тихого океана первые люди созданы из глины, замешанной на крови различных животных, и от этого зависит их характер: люди, в которых течет кровь крысы — воры, змеи — трусы, петуха — храбрецы. Иногда боги обсуждают созданные модели и улучшают их. Создают человека из деревьев, скал, но все же глина остается наилучшим и наиболее распространенным материалом. Порой Бог трудится не покладая рук, вылепляя каждого младенца, которому предстоит родиться на свет. Иногда людей создают птицы, и мы возвращаемся к тотемизму.

На Филиппинских островах есть легенда о сотворении богом моря, земли и растений, а затем человека. Аналогичные рассказы существуют в Индии, Африке, у американских эскимосов и на территории России у марийцев. Различный цвет кожи у разных рас объясняют цветом глины. Хорошие люди созданы из хорошей глины, плохие — из плохой.

По словам индейцев племени майду в Калифорнии, первые люди созданы существом, которое спустилось с неба по веревке, сделанной из птичьих перьев. Его тело сияло, как солнце, но лицо было закрыто и невидимо для глаз. Данный миф не может не вызвать интереса у уфологов, ищущих следы внеземных цивилизаций.

Изгнание из рая (грехопадение)

Библейский рассказ о рае и изгнании из него перекликается с имеющимся у многих народов представлением о золотом веке. В данном мифе присутствует идеал счастливой жизни и объясняется, почему он недоступен людям, а заодно и происхождение греха и смерти. Дж. Фрэзер считал, что в первоначальном варианте речь шла не о древе познания добра и зла, а о древе жизни и смерти. Боги не хотели, чтобы человек стал, как они, бессмертным. Косвенным подтверждением этой версии служит объяснение библейским Богом своего недовольства тем, что, съев плод с одного дерева, люди могут съесть плод и с другого — древа жизни. Другое объяснение можно найти в китайской мысли. В «Дао дэ цзин» читаем: «Когда узнали, что доброе хорошо, появилось зло».

Верующие порой выступают против любых интерпретаций изложенного в Библии, а все неясные места относят к непостижимости путей Господних. Но трудно удержаться от параллелей между библейскими и более ранними мифологическими текстами. С данным рассказом сопоставляют легенды, в которых змей, заяц, собака и другие животные приносят человеку весть о его смертности, желая обмануть его или по забывчивости; или на самом деле не веря в его бессмертие; или проклинают его сами, не встретив достойного приема. Иногда не Бог посылает весть людям, а люди отправляют животных к Богу с поручением сообщить, что они хотели бы после смерти снова вернуться к жизни. Иногда божество колеблется — давать бессмертие или нет.

В более раннем, чем Библия, шумерском сказании о Гильгамеше Бог открыл герою существование растения, которое обладало волшебной способностью возвращать утерянную молодость, но змей украл его. Змей является отрицательным героем многих мистерий, соблазнителем и источником низшего познания.

Древние люди верили, что спустя три дня после смерти наступало Воскресение в соответствии с трехдневным промежутком между исчезновением старой луны и появлением новой. Многие народы связывают возможность бессмертия с фазами луны.

По легенде племени банар первоначально людей хоронили под деревом лонг-бло, и через некоторое время покойники всегда воскресали. Поэтому земля была очень густо населена и представляла собой один сплошной город. Люди до того размножились, что ящерица не могла свободно ползти по земле без того, чтобы человек не наступал ей на хвост. И она подала совет хоронить людей под деревом, под которым они не будут оживать. Неприглядная роль змей и ящериц связана, по мнению Фрэзера, с завистью к существам, меняющим кожу.

Интерпретация Фрэзером древа познания добра и зла как первоначального древа жизни и смерти снимает многие вопросы, но при этом пропадает один важный сам по себе мотив — познания как такового. А в нем проявляется тенденция рационализации,

которая вела к смене отраслей культуры, и обнаруживается в измененном виде то обстоятельство, что развитие данной тенденции не такое уж тривиальное дело. Познание — плата за смертность людей.

Братоубийство

Библейскому Каину после убийства Авеля было запрещено общаться с людьми. Боясь, что каждый встречный может отныне убить его, Каин стал жаловаться Богу, и Бог сделал ему знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

Обычай изгнания убийцы из племени широко распространен у многих народов, поскольку существовало убеждение, что земля, на которой он находится, после такого преступления осквернена и не может родить. В древней Аттике убийца, подвергнувшийся изгнанию, в случае новых обвинений имел право вернуться для защиты, но не мог ступить ногой на землю, а должен был говорить с корабля. Ноги человекоубийцы как бы источали яд, который вредно действовал на самого преступника и от которого должна быть защищена земля. В древнегреческом мифе об Алкмеоне, убившем мать, говорится, что он своим поступком осквернил всю землю. Это переносится на народ. В третьей книге Бытия — Левит — евреи предупреждаются, что оскверненная земля свергнет их с себя, как народы бывшие до них. Земля выступает в роли божества, которого оскорбляет пролитие человеческой крови и которое поэтому следует умиловать жертвоприношениями (у африканских племен Верхнего Сенегала).

Существовало поверие о том, что убийцу преследует дух убитого. Поэтому часть жертвенного животного следовало оставить ему. Жертвоприношения часто приносятся только, если убит представитель своего клана.

С этой точки зрения, упоминаемая в Библии «каинова печать», могла обозначать, что убийца полностью отплатил (в том числе в буквальном смысле) за совершенное преступление; целью ее также могло быть изменение вида убийцы до неузнаваемости, чтобы он мог спастись от преследования духом убитого; или приобре-

тение им такого отталкивающего или устрашающего вида, что у духа пропадает охота приближаться к нему.

Сопоставление с широко распространенными мифами позволяет разрешить то противоречие в библейском рассказе, что Бог наложил на Каина печать, чтобы обезопасить его от мести со стороны людей, но мстить Каину некому, потому что все население земли состояло из убийцы и его родителей.

Возможно, в данном рассказе присутствуют отголоски верования, что дух умершего мстит живым, что могло послужить основанием для захоронения предков и заботы о них.

Всемирный потоп

Самая древняя легенда о Всемирном потопе, как и о рае и изгнании из него — шумерская; от них вавилоняне приняли ее вместе с другими элементами цивилизации. Сказанию о потопе больше четырех тысяч лет. Самые древние записи относятся к правлению вавилонского царя Хаммурапи. К тому времени шумеры перестали существовать как отдельный народ, и стало быть, легенда возникла до занятия семитами долины Евфрата. Легенда о потопе присутствует в рассказе о сотворении мира, тоже имеющем шумерские корни (Фрэзер даже говорит о шумерской «книге Бытия»). Евреи могли принести с собой эту легенду при их переселении из Вавилонии около 4000 лет тому назад в Палестину или узнать ее от более древних жителей Палестины — ханаанян, получивших ее опять-таки от вавилонян.

Представление о потопе не было известно древним ариям, но имелось у дравидов, которых завоевали арии. Здесь та же ситуация, что и в отношении вавилонян к шумерам. Греческая легенда о Всемирном потопе во многих чертах напоминает шумерскую, но греческие историки говорят о трех потопах. Причиной потопа называют дожди, поднятие уровня моря и даже разбитие сосудов с водой. Все было затоплено, кроме вершины одной из гор, на которой спасались люди.

Не все применяли ковчег или лодку. Иногда использовали черепаху с панцирем, покрытым мхом, и т.п. О том, что вода сошла,

сообщали голуби и другие птицы, которых выпускал человек с разведывательной целью.

Рассмотрев варианты сказаний о потопе, Фрэзер делает вывод, что их различия не дают оснований усматривать в них копии библейского оригинала, тем более что у последнего имеется более древний шумерский прототип. Многие предания о потопе обусловлены воспоминаниями о действительно происшедших природных катастрофах, что подтверждает тот факт, что они преобладают в тех местах земного шара, где реально могли иметь место разрушительные наводнения — на Ближнем Востоке, в Южной Азии, в Америке, на островах Тихого океана, и их мало или почти нет в Китае, Африке, Европе. Находимые высоко в горах раковины морских организмов служили материальным подтверждением подлинности рассказов о потопе.

Вавилонская башня

Данная легенда отражает мотив богоборчества или желание человека сравниться с Богом, за которое Бог наказал смешением языков. Исследователи приписывают происхождение сказания глубокому впечатлению, которое великий город произвел на простодушных кочевников-семитов, попавших сюда из уединенной и безмолвной пустыни. В Вавилоне имелись два огромных храма, которые могли дать повод для легенды о Вавилонской башне, а также реальное смешение языков разных народов. На близлежащих территориях находились храмы-башни, в том числе недостроенные, возведенные в III тысячелетии до н.э., т.е. до рождения Авраама, который мог их видеть.

Аналогичные легенды существуют в Африке и Америке. В сказании о Вавилонской башне выражено и стремление людей после изгнания из рая попасть на небо, т.е. тоска по золотому веку, и стремление узнать, что находится в небесах, которым вдохновляется нынешнее освоение космоса.

У различных народов существуют разные легенды о смешении языков, не обязательно связанные с Вавилонской башней.

МИФОЛОГИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Природные условия имели первостепенное значение для развития ранних цивилизаций. «С нашей точки зрения, основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки», — писал Мечников (*Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 355). Соглашаясь с этим утверждением, нельзя не отметить причины культурной.

Цивилизация может возникнуть только на определенном этапе развития культуры, с которой связана неразрывными узами, находясь на границе мира культуры и мира материальной жизни человека. Как указывал О. Конт, образование всякого действительного общества, способного к устойчивому и длительному существованию, неизбежно предполагает непрерывное и преимущественное влияние некоторой предварительной системы общих воззрений, которые в состоянии достаточное время держать в узде бурное естественное развитие индивидуальных различий в мнениях. Эта роль настолько важна, что жрецы были особым и руководящим классом в различных обществах. Обратной стороной процесса омащования культуры было то, что «повсюду цивилизация нарушала естественное равновесие способностей и наклонностей, подавляла одни из них и преувеличивала другие, жертвовала будущей жизни настоящей, божеству — человеком, государству — личностью; она создала индийского факира, египетского или китайского чиновника, римского законника и сыщика, средневекового монаха, подданного, подначального (и опекаемого повсюду) гражданина новых времен» (*Тэн И.* Философия искусства. М., 1996. С. 208).

Обеспечившие материальными благами людей цивилизации возникли на мифологической основе. Именно мифология смогла культурно объединить людей в громадные сообщества. Цивилизация стала возможной с главенства мифологии в культуре, давшей набор общезначимых образов и ритуалов. Сплачивавшая население мифология как система взглядов на мир, позволявшая говорить о едином мировоззрении целых народов, является духовным ядром цивилизации.

Цивилизация потребовала письменности для общения в процессе работы той гигантской социальной мегамашины, которая была создана в Египте в первую очередь для постройки пирамид и для запечатления в вечности напутствий умирающему человеку. Поэтому первым письменным произведением стала «Книга мертвых». С изобретения письменности культура растекается по широкому массам и, как вода в долине, теряет свою энергию и силу. Это совпадает с наступлением бронзового века. Тогда же возникают города — большие скопления людей в огораживаемом месте, имеющем рынок.

Не только культура ведет к становлению цивилизации как своей конечной стадии, но и цивилизация влияет на развитие культуры. Она создает человека, умеющего пользоваться папирусом, но разница между культурным и цивилизованным человеком такая же, как между произведением культуры и его копией.

Шаг от культуры к цивилизации сделан с помощью мифологии, но за него пришлось заплатить отказом от свободы ради единства. Эта жертва потребовалась для создания новой отрасли культуры и обеспечила ей главенствующее положение в обществе. Это была и еще одна ниточка связи мифологии и религии, поскольку цивилизация явилась социальной причиной становления мировых религий.

ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ

Мифология отвечает на запросы становящегося все более рациональным человека объяснить происхождение и развитие мира. Первичная функция мифа, по С.А. Токареву, — ответ на детские вопросы «почему?» и «зачем?» Отвечали также «дети», и ответ с современной точки зрения может показаться наивным. Но первобытного человека он устраивал. Для вопросов и ответов использовались достижения предыдущих стадий развития культуры.

В социальном плане мифология обеспечивает цивилизационное единство народов. Искусство слишком индивидуально и субъективно для выполнения данной миссии. Смысловая сторона мифа отмечена Ницше: «миф может наглядно воспринимать»

ся лишь как единичный пример некоторой всеобщности и истины, неуклонно обращающей взор свой в бесконечное» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М., 1966. С. 124). Господство мифологии в культуре служит фундаментом становления цивилизации.

Мифология играет такую же интегративную роль в духовном плане, как реки в плане физическом. Впоследствии функция рек переходит к морям и океанам, а мифологии — к философии, религии и науке. В индийской, а затем греческой цивилизации уже не столько привлекают сами мифы, сколько выводы, которые из них следуют.

Говоря о функциях мифологии, У.Н. Браун пишет, что «если люди простые и неискушенные могут считать миф реальностью, то для посвященных он является только символом, отталкиваясь от которого, они переходят в дальнейшем к строгому и логическому анализу. В этом смысле мифология является как бы преддверием философии» (*Мифологии древнего мира.* М., 1977. С. 333). Таким образом справедливо подчеркивается преемственность отраслей культуры.

Мифологическое произведение состоит как бы из двух уровней — верхнего, образного, и внутреннего, понятийного. Постепенно ценность верхнего уровня начинает убывать в процессе роста рациональности мышления; наконец мифологическая оболочка прорывается, и внутренний уровень выходит на поверхность в своей автономности и самоценности. Это точка перехода от главенства мифологии к главенству философии. Мифология предшествует религии и непосредственно стыкуется с ней в тех культурах, в которых отсутствует философия.

М. Элиаде обосновал господство в течение длительного времени мифологии в культуре тем, что она обещала, как ранее мистика и искусство, избавление человека от смерти, для чего и возникает вера в богов. Одна из задач мифа — сделать бытие вечным и неизменным, остановить мгновение, чего жаждет человек и для чего создает культуру. Миф, как и культура в целом, выполняет функцию борьбы со страхом смерти.

Мифологический подход играет в этом смысле ту же роль, что и философский, религиозный, научный. Отказ от мифологических представлений не означает, скажем, отказа от жертвенности, но изменяет ее содержание. В мифологической культуре жертвуют в основном животными. На смену приходят добровольные человеческие жертвы. Функции мифа сохраняются другими отраслями культуры, которые выполняют их по-своему.

Каково положение мифа в современном мире? «Мы не можем сказать, что современный мир полностью исключил мифологическое поведение, изменилось лишь поле его деятельности: миф больше не доминирует в существенных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики, частично во второстепенную и даже в безответственную деятельность общества» (*Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 39). Следы мифа находят в искусстве, идеологии, политике. Во всех сферах культуры обнаруживается мифологическая сторона, свидетельствующая о значении данной отрасли культуры. Без мифа, писал Ницше, «культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое» (*Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М., 1966. С. 149). Усилиями Р. Барта и других методологов почти все в культуре стали называть мифом — и религию, и идеологию, и даже науку. В этом есть рациональное зерно: созданное после мифа несет на себе его отпечаток.

Вопросы для повторения

- Что такое мифология?
- Каковы функции мифологии?
- Какие уровни мифа вы знаете?
- Какое значение в мифологии имеют жертвоприношения?
- Почему мифы разных народов бывают похожи друг на друга?
- Как мифология объясняет сотворение мира и человека?
- Каков основной сюжет мифа об изгнании из рая?
- В мифах каких народов существовали сказания о Всемиром потоке и почему?

- Каково общее значение мифологии для образования цивилизации?
- Каково значение мифологии?

Литература

1. Мифологии древнего мира. М., 1977.
2. Древний Восток. СПб., 1995.
3. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
4. *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.
5. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
6. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990.

Глава 4

Древние религии Египта и Ближнего Востока

РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

«Aegiptos» — так древнегреческие писатели называли резиденцию фараонов Мемфиса — «жилище богов». Египетскую цивилизацию можно рассматривать как древнейшую из полноценных цивилизаций, т.е. обладающих городами и письменностью. В том, что она находится здесь, нет ничего странного, если, как считают антропологи, родина человека — Восточная Африка. «За четыре тысячи лет до начала нашей эры, т.е. почти шесть тысяч лет тому назад, Египет обладал памятниками, бывшими уже древними для современников основателей Мемфиса; в эпоху первых фараонов эти памятники приходилось уже реставрировать» (*Мечников Л.И.* Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 345).

Из всех древних культур, по О. Шпенглеру, только египетская обладала исключительной предрасположенностью к истории; все другие, включая греческую и римскую, антиисторичны. Шпенглер подтверждает эту заботу о прошлом и будущем распространенностью мумифицирования (сюда же относятся пирамиды). По значению, которое придавалось в египетской цивилизации захоронениям, ее можно назвать цивилизацией смерти. Это не удивительно, если вспомним, что духовная культура как таковая началась с захоронений сородичей. Бердяев писал, что египетская культура была основана на жажде вечности, Воскресения. Египетские пирамиды пережили долгие тысячелетия и сохранились до наших дней. Это подтверждает мысль, что культура возникла как способ борьбы со смертью и преодоления страха смерти.

Правитель почитался в Египте божеством. По утверждению «Текстов пирамид» фараон существовал еще до того, как возник-

ли небеса и земля. Фараону «принадлежали земля и народ; он даровал все посты, выслушивал все жалобы, предводительствовал всеми войсками и был верховным жрецом каждого бога» (Мери Б. Красная земля, Черная земля: Мир древних египтян. М., 1998. С. 146).

Помимо фараонов и крестьян в Египте известны сапожники, пекари, столяры, пчеловоды, кузнецы, рыбаки и т.д., включая новую профессию писца. Особенностью Египта было то, что чиновник одновременно мог быть жрецом. «То обстоятельство, что ранняя царская власть и ранняя мифология были фактически одним и тем же, было причиной того, что в Египте управление страной и религия оставались нераздельными на практике до 525 г. до н.э.» (Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 82). Верховный судья наделялся титулом «жрец Маат». Высшим чиновником был министр, заместитель фараона во всех государственных делах. Этот пост часто занимал принц, и он мог переходить по наследству.

В Египте был широко распространен культ животных, о чем свидетельствует частое изображение богов в виде животных или с головами животных. «А кто убьет ибиса или ястреба, должен во всяком случае умереть», — свидетельствует Геродот (Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. С. 38). Символами единства человека и природы были сфинкс и кентавр, и их распространение говорит о том, что в египетской мифологии воплотились представления о существовании полулюдей-полуживотных и даже полурастений, широко распространенные в первобытных обществах. Следствием единства человека с природой было одомашнивание многих животных, в том числе кошки, которая выполняла важную роль у сельскохозяйственных народов, спасая их зернохранилища от грызунов. Одна из почитаемых египетских богинь имела кошачью голову. Найдено много изваяний кошек и даже их мумии, что свидетельствует о том, что они почитались священными или их очень любили.

Мифология египтян более неоднородна по сравнению, скажем, с греческой, что не удивительно, так как она более древняя.

Обычным было несколько представлений о каждом объекте. Так, небо изображалось в виде поддерживаемых двумя столпами крыльев коршуна, коровы и т.д. Отсюда делается вывод, что все представления рассматривались как символы. «Нет сомнения, что в самом начале их истории, около 3000 г. до н.э. египтяне понимали, что идею неба нельзя постичь непосредственно разумом и чувственным опытом. Они сознательно пользовались символами для того, чтобы объяснить ее в категориях, понятных людям их времени. Но поскольку никакой символ не может схватить всю суть того, что он выражает, увеличение числа символов скорее способствует лучшему пониманию, чем вводит в заблуждение» (Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 59—60).

В египетской мифологии отсутствует логическая последовательность, что указывает на древность мифов. Каждый Бог выполняет много функций, и сами боги часто замещают друг друга. То, что многие из них имеют головы животных, указывает на тотемические корни египетской мифологии. Такие боги — модификации тотемов отдельных поселений.

В доисторических мифологических представлениях фигурирует первобытный океан, из которого поднялся земляной холм «в виде пламени и породил первое живое существо. Это была либо змея, которую рассматривали как первое «тело» любого местного божества в исторические времена, либо жук, впоследствии ставший скарабеем египетской религии» (там же. С. 67). Эти представления перекликаются с реальным ежегодно повторяющимся освобождением земли, когда нильское половодье идет на убыль. Позже появилось представление о боге Солнца Ра, который создал все на Земле и из слез которого появились люди.

В мифе о сотворении мира верховный Бог утверждает, что все создал из первоначального хаоса, который был его отцом. Из вод хаоса выступил бугорок сырой земли. На нем появился Атум, создатель. Он породил бога Шу и богиню Тефнут, воздух и влагу. Шу и Тефнут породили богов земли и неба Геба и Нут, родивших Исиду, Осириса, Сета и Нефтис. Эта группа составила «гелеопольскую девятку»; Атум слился с богом Солнца Ра и стал

называться Ра-Атум. В другой мемфисской версии творцом мира является Птах, главный бог Мемфиса, а мир создается не физическим процессом, а материализацией слов, являющихся следствием мыслей сердца.

Наиболее значительный в египетской мифологии и популярный не только в Египте миф об Осирисе известен 5000 лет. Согласно «Текстам пирамид» Осирис был древним царем Египта. Все любили его за исключением брата Сета, который, завидуя, убил его. Жена Осириса Исида долго искала тело мужа и, наконец, найдя его, воскресила и зачала от него ребенка, Гора. Сет, не успокоясь, во второй раз убив Осириса, разрубил его тело на мелкие куски и разбросал по всему Египту. Исида собирала эти части и хоронила каждую там, где находила. Воскрешенный богами Осирис стал правителем царства мертвых, а сын его Гор, одолев дядю, возвратил отцовский трон. Смерть Осириса — символ ежегодной смерти растительности, воскресающей в побегах следующего года. Это миф о вечном возвращении творящего бога. Погибший бог растительности воскресает в виде новых растений. Предполагают, что находимые в пирамидах кучи зерна могут олицетворять Осириса. Так или иначе, параллель между мифом об убийстве Осириса и основополагающей для Древнего Египта сельскохозяйственной реальностью очевидна.

В последний месяц сезона наводнения, когда вода начинала спадать, в Древнем Египте совершался обряд прорастания зерна и праздновалось воскрешение Осириса. «Ликующий крик «мы нашли его, мы радуемся» громко звучал по всей стране, когда нильской водой смачивали землю и помещали ее с зерном в глиняную форму» (Мифология древнего мира. М., 1977. С. 106).

Данный миф присутствует в русской сказке о двух братьях Правде и Кривде. Кривда ослепляет Правду, а сын последнего борется с Кривдой на суде, чтобы отомстить за отца. Связь умирающего и воскресающего Осириса с воскресением мертвых позволяет вспомнить и представление о Фениксе — священной птице древних египтян, сжигающей себя и возрождающейся из пепла.

Миф об Осирисе важен для египтян еще и потому, что человек мог надеяться воскреснуть после смерти, как Осирис. В пользу этого предположения говорит то, что погребальный ритуал повторял легенду об Осирисе, отождествляя покойного с этим богом. А сам гроб делался в форме Осириса.

Миф о борьбе Осириса и его сына Гора с Сетом можно трактовать как борьбу почитаемых на севере богов Осириса и Гора с богом юга Сетом. В мифе Гор побеждает Сета, тогда как в реальности, наоборот, юг завоевал север.

Так как в основе мифов лежат мистические представления, можно комментировать их мистически, что и делает Р. Штайнер. Он интерпретирует миф об Осирисе как миф о рождении мира путем разрывания тела Осириса. Это первое рождение через жертву. Ставший жертвой бог возрождается, чтобы умереть вновь. Осирис — бог-отец, а Исида — великая мать, не только дающая людям пропитание, но и приобщающая их к божественному.

Идея вечного и вселенского бога засвидетельствована в самом начале египетской истории и возникла вследствие политического объединения страны. На звание высшего божества претендовали также бог Фив Амон и бог Атон, которого приказал почитать в качестве высшего и единственного фараон Эхнатон, названный «первой личностью в истории». Попытка ввести монотеизм, предпринятая во II тыс. до н.э., погибла вместе с Эхнатом, который правил с 1419 по 1402 г.

Одним из важнейших для египтян, определявших их погребальные ритуалы и содержание их древнейших текстов было представление о суде после смерти, который решает дальнейшую судьбу человека. Загробный суд — один из высших культурных принципов человечества наравне с концепцией происхождения и развития мира. На загробном суде, возглавляемом Осирисом, обвинителем был бог мудрости и божественный писец Тот с головой ибиса — очень важный бог, изобретший весьма ценное египтянами письмо. Анубис, бог с головой шакала, взвешивал сердце покойного на весах, причем оно должно было уравновесить страусовое перо, символ богини истины, закона и справед-

ливости Маат. Рядом был Пожиратель Теней, зверь с головой крокодила, передней частью туловища льва и задней — гиппопотама. Бог Тот заставлял свидетельствовать душу покойного. Вот один из ответов: «Я давал хлеб голодному, воду жаждущему, одежду нагому. Никогда не делал я ничего дурного против какого-либо человека. Я защищал слабого от того, кто был сильнее его. Я судил между двумя людьми так, что они были удовлетворены. Я был почитателен к моему отцу и добр к моей матери. Никогда не брал я вещи, принадлежащие другому. Никогда не говорил я ничего дурного ни против кого. Я говорил правду, я поступал по справедливости» (Цит. по: *Мерц Б.* Красная земля... С. 392—393).

Бог Тот объявлял заключение суду, основываясь на показаниях весов. Суд принимал доводы Тота и выносил приговор. Если умерший был оправдан, он получал земельный участок в одну десятину, находящийся в Полях Удовлетворения. В потустороннем мире праведник тоже работал, только злаки там вырастали выше человеческого роста. Но если человек грешил на Земле, его сердце перевешивало перо, и приговором была «смерть во второй раз». Если боги решали, что злодеяния человека более многочисленны, чем добрые дела, они отдавали его во власть Пожирателя Теней, который разрывал на части его душу и тело, так что дыхание жизни к нему уже не возвращалось никогда.

Египетская цивилизация имела самый сложный посмертный ритуал из известных на Земле. В основе была надежда на достижение вечной жизни при надлежащем погребении. Погребальные обряды основывались на двух представлениях. «Первое — это вера в то, что умершие вели некое призрачное существование и могли быть враждебны по отношению к оставшимся в живых... Второе... естественное человеческое побуждение снабдить покойного тем, что ему принадлежало, в чем он нуждался и что любил на земле, чтобы он мог радоваться этому и пользоваться этим так долго и таким образом, как только возможно» (Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 86).

Древние египтяне заботились о богах и мертвых больше, чем о живых. Что касается богов, то в этом на них похожи некоторые

другие народы, а вот что касается мертвых, то здесь египтяне уникальны. Для них, как потом для Гильгамеша, смерть была врагом № 1, которого нужно победить во что бы то ни стало. Для этого строились пирамиды и применялось бальзамирование. К этому прибавлялась боязнь духов умерших и вреда, который они могут причинить оставшимся в живых (это характерно в наибольшей степени для китайской культуры, но и для египтян). В «Письмах к мертвым» муж спрашивает у своей покойной жены: «Что дурного сделал я тебе, за что должен был я прийти к такому жалкому состоянию, в котором я нахожусь?» (Цит. по: *Мерц Б.* Красная земля.... С. 327).

Египтяне считали, что на подобающее существование после смерти нельзя надеяться без надлежащего погребения. Это относилось ко всем людям, но особые размеры приобрело в отношении к правителям. Фараон в соответствии с египетской мифологией с начала первой династии считался богом Гором, который изображался в виде сокола. Таким образом, Гор представлялся трицей из небесного царя, земного царя и сокола. Цель египетской космологии состояла не только в том, чтобы объяснить происхождение мира, но и доказать божественность царя. Вот отрывок диалога, который происходит после смерти царя с его сыном, становящимся царем и богом.

«Вопрос: Ты человек. Это твой отец Гор?

Ответ: Я бог Гор, потому что мой отец — Гор, умер. Он стал Осирисом, потому что его тело погребено в земле, как зерно, а его дух поднялся к небу в виде растительности.

Вопрос: Как случилось, что Гор, бог, умер?

Ответ: Смерть бога не может произойти иначе, как посредством убийства. Только равный Гору, его брат Сет, имел достаточно силы, чтобы убить его» (Мифологии древнего мира... С. 76).

Боги давали царям новую жизнь. Как зерно, прорастая в земле, возрождается, так и фараон, обретая вновь душу, возрождается. Тело его должно сохраняться и быть готовым к тому, чтобы в него снова вошла душа. В сохранении тела суть мумификации, что может стать причиной бальзамирования и в наше время.

«Умерший царь становится Осирисом в своей гробнице, где должен теперь начаться цикл трансформации: мертвый бог будет рожден вновь» (там же. С. 84).

Египтяне верили в то, что умершие продолжали существовать. Пирамида была местопребыванием тела бога. Все излишки средств шли на строительство пирамид, гробниц и саркофагов, что считалось важнейшим делом. Пирамиды, как и сфинксы, стали символами египетской цивилизации.

Божественность фараона можно интерпретировать как его приобщение к вечному, находящемуся в человеке. После ознакомления с мистикой понятны слова Штайнера, что «Осирис, как мировое существо, есть Единый, и однако он пребывает неделимо в каждой человеческой душе. Каждый человек — Осирис, но тем не менее должен быть представлен и Единый Осирис, как некое определенное существо. Человек подлежит развитию, и в конце пути его ожидает божественное бытие... Живя, как Осирис, и проделав все, что проделал он, человек становится совершенным. Миф об Осирисе приобретает, так сказать, более глубокое значение. Он становится прообразом того, кто хочет пробудить в себе вечное» (*Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991. С. 79—80).

Древний Египет — это классическая цивилизация мистерий. Мистерии в духовном плане столь же характерны для египетской культуры, как в материальном плане пирамиды и мумии. Основу мистерий составляет борьба между низшей, животной, и духовной природой. Мистерия является формой приобщения к высшему знанию. «Человек, стремящийся к высшему бытию, должен микрокосмически повторить в себе макрокосмический мировой процесс Осириса. Таков смысл египетского «посвящения»... Все, что мы знаем об обрядах посвящения, получает свое объяснение отсюда. Человек подвергался таинственным процедурам. Этим убивалась его земная природа и пробуждалась высшая» (там же. С. 80—81). Существует точка зрения, в соответствии с которой сфинкс олицетворяет победу человека над своей животной природой.

Вера в загробный мир не была безусловной и разбавлялась скептицизмом. «Никто еще не приходил оттуда, чтобы рассказать, что там», — читаем в одном из текстов.

Египетская письменность, изобретенная более 5000 лет назад, представляла собой употребление рисунков в виде знаков. «Некоторые знаки обозначали звуки, другие — идеограммы и целые слова, третьи — целые классы объектов, к которым принадлежало слово» (*Мерц Б.* Красная земля... С. 136). Египтяне писали иероглифами. В буквальном переводе слово «иероглиф» означает «священные письмена», так как первоначально письменность воспринималась как нечто священное и использовалась в религиозных целях. Из иероглифического письма образовалась скорописная форма — иератическое письмо. Изобретение письменности создало основу для политического объединения Египта в единое государство, что, в свою очередь, вело к развитию целостной мифологической системы и единого стиля в архитектуре и изобразительном искусстве.

Письменность возникла и ценилась помимо ее практического значения также потому, что сохранение имени даже в чьей-то памяти означало сохранение личности после смерти, а это желание было главным в египетской культуре. «Человек угасает, тело его становится прахом, все близкие его исчезают с земли. Но писания заставляют вспоминать его устами тех, кто передает это в уста других» (*Хрестоматия по истории древнего мира.* М., 1991. С. 53).

В эйфории письменности сам факт письма окружался ореолом. Писцы пользовались таким почетом, какого эта профессия никогда позже не имела, и принадлежали к высшему слою общества. Вот каких возвышенных тонов достигает «Прославление писцов»:

«Их пирамиды — книги поучений,

Их дитя — тростниковое перо,

Их супруга — поверхность камня» (*Поэзия и проза Древнего Востока.* М., 1973. С. 102—103).

К древнейшим относятся тексты, которые высекали на стенах пирамид. Тексты пирамид представляли собой магические

заговоры, призванные помочь преодолеть опасности, подстерегающие душу на ее пути к Земле Вечности, и обеспечить благоприятную жизнь в ней.

Тексты пирамид сменились Текстами саркофагов. Знатные люди в своих гробницах описывали и изображали свои деяния. Это обязывает. Надо думать о том, что будешь писать и что будут читать о тебе после смерти. Около 3600 лет назад на основе Текстов пирамид и Текстов саркофагов была составлена записанная на папирусных свитках так называемая «Книга мертвых».

Египтянам принадлежат древнейшие в мире сказки. «Так вот, если мужествен, овладей собой!» — советовал добрый змей в самой древней сказке «Потерпевший кораблекрушение», которой 4000 лет. Многие сюжеты, хорошо известные по сказкам разных народов, — кораблекрушения, троянский конь и т.д. — первоначально встречаются в Древнем Египте.

Самые знаменитые архитекторы Древнего Египта: Имхотеп, которому принадлежит первая в истории пирамида царя Джосера из третьей династии (Древнейший период), послужившая образцом для подобных сооружений (он был также врачом, за что древние греки отождествили его со своим богом Асклепием); Аменхотеп, живший на 1000 лет позже и создавший Луксорский храм и обелиски Мемнона; Сенмут, автор погребального храма царицы Хатшепсут в Деир-Эль-Бахри.

Строительство пирамид по своей организации было таким сложным делом, как и работа современных машин, только составными частями ее были люди, а не материальные объекты. Ранние пирамиды были ступенчатыми, на более поздних ступени заполнялись и стены делались гладкими. Почему пирамиды имели такую форму и высоту? Одно из объяснений заключается в том, что пирамиды были символами восхождения в область Ра, куда надеялся попасть умерший царь. Ступенчатая пирамида напоминает лестницу, а гладкие склоны — наклонные лучи солнца.

Помимо пирамид строились гробницы в скалах и в виде обычных домов, порой с подземными погребальными камерами и поминальными храмами отдельно (не путать с храмами, в которых

почитались боги, хотя иногда царские поминальные храмы также служили домами богов). Постепенно сформировалась классическая форма гроба — деревянный со множеством надписей и рядами сенок или фигурок богов. Во времена Тутанхамона у царей было три гроба, вставленных один в другой, и они помещались в каменный саркофаг.

Большая часть произведений искусства Древнего Египта имела утилитарную функцию и служила тому, чтобы мертвый имел в загробном мире все вещи и удовольствия, которые изображались в росписях гробниц. Здесь подтверждение того, что искусство обязано своим происхождением магии. Древнеегипетское искусство служило в основном потусторонним целям. В основе его лежит вера (а скорее тяга) к вечности.

Научные знания в Древнем Египте не отделялись от мифологических и магических. Науки как таковой не было, как и независимых от магии знаний. Медицинские рецепты были тесно связаны с заклинаниями. На примере Древнего Египта видим, как постепенно наука и техника отпочковывались от магии и мифологии. Развитие бальзамирования, скажем, всецело определялось желанием вечной жизни, подкрепленным египетской мифологией, и это способствовало накоплению медицинских знаний.

С магической верой в единство тела и души связана мумификация: с душой будет все хорошо, если тело сохранится, и человек будет жить в раю так долго, как долго сохранится какая-нибудь часть его в этом мире. Объясняют бальзамирование и верой в возвращение души в свое тело. В любом случае здесь присутствует то же желание вечной жизни, которое выражено героем ближневосточного эпоса Гильгамешем.

Идея бальзамирования, т.е. преднамеренного сохранения тела от разрушения, возникла из того, что иногда тела случайно сохранялись. Мумификация — одна из форм бальзамирования, являющаяся в основном процессом высушивания, — применялась в древности в различных странах Старого и Нового Света, причем независимо друг от друга. Мумифицирование в Египте, наиболее удачное и известное, стало распространяться после строи-

тельства Великих пирамид. В основе его лежали древние религиозные представления.

МИФОЛОГИЯ ШУМЕРА

Междуречье, или Месопотамия (от греч. *mesos* — средний, *potamos* — река), находится между двумя великими реками Ближнего Востока — Тигром и Евфратом. Именно на Ближнем Востоке скорее всего произошла неолитическая революция, так как здесь встречаются дикие виды, которые были одомашнены и окультурены.

К началу III тысячелетия до н.э. в Южной Месопотамии существовала цивилизация шумеров, представлявшая собой в политическом отношении города-государства Ур, Урук и т.д. Шумеры, племена неизвестного этнического происхождения, освоили болотистую, но очень плодородную долину рек Тигра и Евфрата, осушили болота и, создав систему искусственной ирригации, справились с нерегулярными, порой катастрофическими разливами Евфрата. Период с 2316 по 2176 г. до н.э. называется аккадским, так как вождь новых завоевателей Саргон объединил весь Шумер и построил новую столицу Аккад. Он же учредил, по-видимому, первое регулярное войско и ввел практику поголовного порабощения населения покоренных городов. Но шумерская культура победила поработителей, хотя сами шумеры исчезли. Из слияния шумеров и аккадцев появился народ, говоривший по-аккадски — вавилоняне. Так называли первоначально жителей Вавилонского царства. Шумерский язык к тому времени становится мертвым языком науки и искусства.

Город Вавилон (от «Баб-Или» — «врата бога») возвысился в XIX в. до н.э., когда его цари объединили под своей властью Междуречье. Объединение завершилось в середине XVIII в. до н.э. при царе Хаммурапи (1792—1750). Государство, созданное Хаммурапи, получило название Вавилонии от своей столицы (по нынешней терминологии Старовавилонское царство).

С XVIII по XIII в. до н.э. существовало Хеттское царство со столицей, находившейся примерно в 100 км от нынешней Анка-

ры. Около 1595 г. Вавилон был разграблен царем хеттов Мурсалисом I.

В начале XIV в. до н.э. в северной Месопотамии образуется Ассирийское государство (по названию столицы Ашшур), которое достигает возвышения в XII—XI вв. до н.э. и становится могущественным государством Передней Азии, подчинив Вавилон и даже Египет. Ассирийцы захватили Вавилон, но восприняли его культуру. Они были на редкость жестоки и заслужили эпитет «сеющие разрушения».

В конце VII в. до н.э. вавилоняне наносят Ассирии поражение, после которого Нововавилонское царство существует до захвата его Персией в 539 г. до н.э.

Мифологию Ближнего Востока делят обычно на три группы: мифология Шумера и Аккада, хеттская и ханаанская. Говоря о различиях между мифологией первобытных народов и развитой мифологией Ближнего Востока, следует отметить, что за последней чувствуются серьезные теологические и космогонические размышления, которые остаются на заднем плане, постепенно накапливаясь, чтобы в свое время и в своем месте прорвать мифологическую оболочку.

Наиболее важным божеством шумерского пантеона был отец богов, «царь неба и земли» Энлиль. Он отделил небо от земли, произвел на свет «все полезное», изобрел для возделывания земли мотыгу, сотворил все деревья и злаки, установил изобилие и процветание, т.е. имел все черты культурного героя, который знаком по мифам первобытных народов. Энлиль способен принимать облик других богов — пример божественных метаморфоз, наводящий на мысль, что египетская неоднозначность богов может иметь такую же причину. Недаром Э. Кассирер в качестве характерной черты мифологического мира предлагает закон метаморфоз, в соответствии с которым внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую. Метаморфозы рассматриваются Д. Вико как способ различения формы и субъекта на пути овладения абстрагированием формы и свойств от субъекта, т.е. как шаг рационализации.

Культурным героем был и бог воды Энки, который занимался творчеством в своей сфере, создавая дождь, болота и тростниковые заросли и наделяя их рыбой. Он же составляет божественные законы, управляющие Вселенной, и следит за их действием.

Соотношение между шумерскими богами, как и между египетскими, не очень понятно, но постепенно в Вавилоне оно проясняется. Трансформация культуры дает возможность проследить ее рационализацию.

В Шумере было развито представление о рае как божественном саде, которое затем перешло к вавилонянам и в Библию (это же относится к древу познания добра и зла, сотворению Евы из ребра Адама, Всемирному потопу и др.). Прототипом рая (эдема), возможно, явился остров Бахрейн. Миф о потопе возник после действительного наводнения в Южной Месопотамии в III тысячелетии до н.э.

Как в египетской мифологии главным является мотив жертвы Осириса, он же основной у шумеров и изложен в тексте «С Великих небес к Великим недрам». Тут еще не ясно, почему богиня плодородия Инанна должна спуститься в подземный мир, чтобы воскурить погребальные травы супругу ее сестры Эрешкигаль, хозяйке подземного царства, «взгляд которой смерть». Если судить по аналогии с египетским мифом, речь идет об одной из основных структур мифологического мышления, которая имеет параллели в сельскохозяйственном производстве. Для всех сельскохозяйственных культур характерно представление об умирающем и воскресающем боге. Покинуть «страну без возврата» можно, но

«Кто из спускавшихся в мир подземный
Выходил невредимо из мира подземного?
Если Инанна покинет «Страну без возврата»,
За голову голову пусть оставит!» (Поэзия и проза Древнего Востока... С. 151).

Так говорят злобные духи подземного мира, осуществляющие его законы, — демоны «галла», которые

«Не ведают голода, не ведают жажды,
Муки просеянной не едят,
Воды проточной они не пьют,
Из объятий человека вырывают жену,
От груди кормилицы отрывают дитя» (там же).

У шумерского мифа есть параллели и с греческим мифом об Орфее и Эвридике. Разница при сохранении структуры в том, что сама Инанна убивает своего супруга Думузи, который заменяет ее в подземном мире. Почему Инанна отдает демонам не своего слугу, а возлюбленного, можно лишь гадать, так как объяснения нет, да и напрасно было бы на данной стадии развития мифологии его ждать. Думузи удастся бежать с помощью бога, который «в лапы ящерицы руки его превратил, в лапы ящерицы ноги его превратил», и демоны снова подступили к Инанне, упрекая ее, что она ушла из подземного мира, не обеспечив замены. Тогда Инанна в страхе вцепилась в руку Думузи: «О юноша! Ноги свои в кандалы продень! О юноша! В ловушку бросься! Шею в ярмо продень!» (там же. С. 154). Вторично бог спасает Думузи, превратив в горную змею. Демоны снова нашли его у сестры Гештинанны, которая готова на жертву ради брата, и, наконец, решение демонов относительно Думузи:

«Твой срок — половина года,
Твоей сестры — половина года!
День твой да придет,
И в день тот вернешься.
День твоей сестры придет,
И в день тот она вернется» (там же. С. 165).

Так решается проблема замены, а шире проблема жизни и смерти.

Противоречивое поведение Инанны — она оставляет в подземном мире своего возлюбленного вместо себя и сама же плачет о нем — не смущало современников. Очевидны параллели этого мифа и с греческим мифом о Деметре и Персефоне. Можно сделать вывод, что более древняя шумерская мифология лежит в основе последующих мифологических представлений Ближнего Востока.

МИФОЛОГИЯ ВАВИЛОНА

Основные сюжеты ближневосточной литературы выходят из шумерских. Аккадцы, завоевав шумеров, восприняли их культуру, которая потом прошла через Вавилон и Ассирию. Мифы вавилонян и ассирийцев связаны с их шумерскими прототипами. Два из них — «Сошествие Иштар в Подземное царство» и рассказ о потопе — почти идентичны шумерским. Структура мифов и содержание остались неизменными, но богам дали иные имена. Богиня любви, плодородия и восхода Инанна превратилась в Иштар, Энлиль в Эллиля (бог воздуха, ветров и обитаемой земли, царь богов), Энки в Эйя (водный бог и бог мудрости).

Главным богом вавилонского пантеона был Мардук. Вавилонский миф о мироздании в основе своей восходит к шумерам. Найденный во время раскопок в г. Ашшуре он написан на 7 глиняных табличках, причем каждая из них соответствует описанию одного из этапов мироздания. Первоначально существовал известный нам хаос в виде чудовища Тиамат. Мардук разрубил его тело на две части. Из верхней он создал небо со звездами, из нижней — землю с растениями и животными. Затем из глины, смешанной с кровью одного из богов, он вылепил первых людей по своему образу и подобию.

Для мифологии Ближнего Востока характерно «творческое слово», преображающее мир, которое в качестве главного начала присутствует в Библии. Достаточно что-то сказать в мифе, как слово немедленно превращается в деяние. Здесь мифология продолжает то, что характерно для искусства.

Культурные герои находятся во взаимодействии с богами, и судьбы людей и богов тесно переплетены. В эпосе как жанре действуют вместе боги и люди. Сравнивая шумерские песни-сказы о Гильгамеше с самым известным на аккадском языке вавилонским эпосом о Гильгамеше, видим, как отдельные волшебные сказки-былины соединяются в эпопею. Сохраняя все шумерские сюжеты, вавилонская литература более последовательна и логична. Появляется единый авторский замысел, компоновка материала становится более продуманной, мысль более глубокой. Здесь

видна та же тенденция рационализации — меньше повторов, больше логической связанности, но еще не все четко и понятно, как и следует на заре цивилизации при переходе от мистического искусства к мифологии. Эпос способствует синтезу мифов и становлению мифологии как целостной системы. Э. Кассирер интерпретирует культуру как плод платонической любви, которая в свою очередь определяется как желание бессмертия. Эпос о Гильгамеше иллюстрирует этот вывод.

Гильгамеш — по-видимому, исторический персонаж, царь, который жаждет славы и бессмертия.

«В моем городе умирают люди, горюет сердце!
Люди уходят, сердце сжимается!
Через стену городскую свесился я,
Трупы в реке увидел я,
Разве не так уйду и я?
Воистину так, воистину так!» (Поэзия и проза Древнего Востока... С. 130).

Гильгамеш является типичным культурным героем, встречаемым на всех этапах развития культуры. Таким образом цивилизация фиксирует и запоминает созданное до ее возникновения. Гильгамеш защищает свой народ от захватчиков, хотя все в руках бога:

«Без Энлиля, Могучего Утеса,
Не выстроен город, не заложен поселок,
Не выстроен хлев, не заложен загон,
Вождь не возвышен, жрец не рожден,
Не избран оракулом служитель храма,
Нет в отрядах начальников войска» (там же. С. 139).

И дальше, напоминая библейское: «Твои замыслы кто угадает? Твои тайные силы никому не подвластны!» и еще: «Слово твое небесам опора, слово твое земле — основа! Сия хвалебная песнь богу — превыше всего», — заключает гимн Эллию (там же).

Устроив дела в своем городе, Гильгамеш решает добыть славу в борьбе с природой. Это имеет материальное основание, так как в период становления сельскохозяйственной цивилизации

необходимо рубить леса. Бог Ану на совете богов говорит: «Умереть подобает тому, кто у гор похитил кедры!» (там же. С. 191), но Эллиль предлагает, чтобы умер друг Гильгамеша Энкиду, а не он сам. Так и случилось. «Его постигла судьба человека!» — сокрушается Гильгамеш (там же. С. 201).

После смерти Энкиду Гильгамеш, по его собственным словам, устранился смерти и убежал в пустыню.

«Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?» (там же. С. 201–202).

Хозяйка богов убеждает Гильгамеша:

«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали» (там же. С. 206).

Человек не должен стремиться к невозможному. Сам погибший Энкиду пытается убедить Гильгамеша, что он должен выполнить свое человеческое предназначение:

«Издревле, Гильгамеш, назначено людям:
Земледелец пашет землю, урожай собирает,
Пастух и охотник со зверьем обитает,
Надевает шкуру, ест их мясо.
Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало» (там же. С. 199–200).

Но Гильгамеш безутешен. Главная мечта его теперь — обрести вечную жизнь. Мотив борьбы со смертью — основной в эпосе о Гильгамеше.

«Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка» (там же. С. 211).
Великие боги ведают судьбой человека.

«Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому!» (там же).

Вспоминая о египетских пирамидах и мумиях, можно сказать, что египтяне практически стремились к тому, чего так страстно желал Гильгамеш. Страдания Гильгамеша по поводу неизбежности смерти напоминают последующие страдания Будды.

«Что же делать,
Утнапишты, куда пойду я?
Плотью моей овладел Похититель,
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!» (там же. С. 218).

Стремясь обрести бессмертие, Гильгамеш проходит путем Солнца в подземном мире, после того как оно умирает, чтобы утром возродиться снова. Наконец, единственный бессмертный человек Утнапишты дает Гильгамешу цветок вечной молодости, но змея крадет его.

В эпосе о Гильгамеше встречаем сказание о Всемирном потопе. Боги на своем совете решают устроить потоп, но один из участников светлоокий Эа сообщает о решении богов хижине и через нее дает совет человеку:

«Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилие, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое» (там же. С. 212).

Так Утнапишты и сделал. Высота бортов ковчега была 60 м, площадь ковчега 1/3 га. Дождь и страшная буря продолжались 7 дней, так что сами боги раскаялись в своем поступке. Выпущенный из ковчега через 7 дней голубь, вернулся назад, не найдя себе места. Вернулась и ласточка, посланная позже, но не вернулся ворон. Тогда Утнапишты вышел из ковчега и принес жертвы богам, за что Эллиль сделал его бессмертным.

Храмы богам в Двуречье строились на высоких платформах, что в какой-то степени предохраняло от частых наводнений. К концу III тысячелетия до н.э. стали строить храмы на несколь-

ких платформах, так называемые «зиккураты». Один из них в Уре был высотой 20 м, причем нижний ярус имел высоту 15 м, а два верхних относительно невысоки.

В целом вавилонская мифология развивала более древние представления данного региона.

ХЕТТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Хеттский язык принадлежит к группе индоевропейских. Хеттские гимны, например гимн Солнцу, обнаруживают влияние вавилонских гимнов, однако имеют ряд особенностей (в частности, отмечая значение Солнца не только для людей, но и животных). Влияние на хеттов оказал и хурритский мифологический цикл (хурриты обитали в Северной Сирии и Северной Месопотамии), а через них он воздействовал на греческие мифологические сюжеты. Поэтому хеттскую литературу можно считать промежуточным звеном между литературами Месопотамии и древнегреческой. Цикл «О царствовании на небесах» напоминает греческую теогонию Гесиода, в которой каждое следующее поколение богов побеждает предыдущее.

Исторические хроники, написанные от имени хеттского царя Мурсалиса II (XIII в. до н.э.), особенностями формы (притчи) и содержания (мысль о переходе греха от отца к сыну, идея искупления) обнаруживают сходство с ветхозаветной литературой и ее более поздними продолжениями. В гимне Солнцу имеется оборот «Я иду своей дорогой правды», который прямо соответствует Ветхому Завету («Я хожу по пути правды» — Книга притчей Соломоновых. 8:20).

Еще одно произведение хеттского искусства — «Песнь об Улликумми» — имеет параллель с греческим мифом об Антее, который побежден, будучи оторванным от земли, дававшей ему силу.

Большого развития в Междуречье достигло определяемое астрологическими целями изучение звезд. «Значительные успехи их в астрономии объясняются тем обстоятельством, что разливы Евфрата и Тигра отличались своими особыми характерными чертами и делали очевидной для всех тесную связь между явле-

ниями на небе и переменами в уровне реки, а следовательно, и связь между небом и судьбами человека на Земле» (*Мечников Л.И. Цивилизации... С. 397*).

В основе изучения неба лежала вера в зависимость человека и государства от расположения светил. Современный интерес к гороскопам коренится в этой древней вере. Результаты наблюдений, в течение тысячелетий осуществлявшихся жрецами с вершин зиккуратов, тщательно фиксировались и привели к важным астрономическим открытиям. Предсказывались солнечные и лунные затмения, известны были знаки зодиака и деление зодиакального круга на 360 градусов.

ЗОРОАСТРИЗМ

Ираноязычные индоевропейские племена проникли на территорию Ирана во II тысячелетии до н.э. В середине VI в. до н.э. к востоку от Междуречья на Иранском плоскогорье образовалось Персидское государство. Основателем его был Кир II (559—530 г. до н.э.), завоевавший Вавилонию и Финикию. Старший сын Кира Камбиз (530—522 г. до н.э.) в 525 г. завоевал Египет. При Дарии I (522—486) восточная граница Персидской державы доходила до р. Инд, западная включала Македонию. В 500—449 гг. шли ожесточенные греко-персидские войны, а конец Персидскому царству положил Александр Македонский.

Персам мы обязаны словом «магия», происходящим от древнеперсидского «*мага*» — жертвоприношение. Слово «сатрап» произошло от названий персидских провинций — сатрапий.

Ханаанские мифы о борьбе сил добра и зла созвучны иранской религии — зороастризму (по имени ее легендарного основателя Зороастра). Мотив борьбы света с тьмой широко распространен в мифологии различных народов, но в зороастризме он звучит особенно настойчиво и драматично.

Зороастр жил около 1200 г. до н.э. (некоторые исследователи считают, что позднее), а его религия господствовала с V в. до н.э. по VII в. н.э. Он создал религиозный идеал, за которым последовали христианство и ислам. Добрые боги (например, Митра) яв-

ляются знатоками закона, олицетворением договора, успокаивающими, благосклонными, покровителями честных деяний и карателями неправого, в то время как злые (например, Варуна) вооружены узами и путами, т.е. действуют «насилием немедленным и непреодолимым» (Мифологии древнего мира... С. 349).

История делится в зороастризме на три периода, первый из которых называется Творением. Творец мира — верховный бог добра Ахурамазда (букв. «Владыка Мудрость») — создал сперва бессмертных святых, а из материальных объектов «первым — небо, вторым — воду, третьим — землю, четвертым — растения, пятым — скот, шестым — человека» (Мифология древнего мира... С. 342). Встречаем в иранской мифологии и антропоморфные представления о творении. В пехлевийском сочинении «Датастан-и-деник» говорится, что различные объекты создались из человекоподобного тела: сперва из головы было сотворено небо, затем из ног — земля, из слез — вода, из волос — растения, из правой руки — бык и, наконец, из разума — огонь. Данный текст в общих чертах сходен с содержанием известного гимна Пуруше в «Ригведе», что доказывает наличие общих индоиранских корней.

Второй период истории — Смешение, когда силы зла, устремившись в мир, смешиваются с силами добра. Третий период — Разделение — приведет к окончательной победе сил добра, т.е. творчества. Здесь весь тяжкий путь человечества — от культуры к культуре же через преодоление зла. В конце концов материальный мир вовеки веков станет бессмертным.

Персидские цари объясняли свои победы желанием и помощью Ахурамазды. Каждый должен выбрать свое место в борьбе сил добра и зла. Поклоняющиеся Ахурамазде попадают в рай, вкушая там блаженство в ожидании грядущего Воскресения; поклоняющиеся Анхраманью («Злой Дух») должны знать, что их душа сгинет в аду, ожидая в мучениях Последнего Суда и уничтожения.

Сущности Ахурамазды — власть, справедливость, благочестие. Зороастризм призывал сражаться со злым началом и отличался бодростью и жизнерадостностью.

Свод священных текстов зороастризма, написанных в первой половине I тысячелетия до н.э., называется Авеста. Три главные книги Авесты — Ясна, Яшта и Вендидад. Ясна (букв. «жертвоприношение», «молитва») состоит из 72 глав, 17 из которых составляют Гаты («песни») Зороастра. В них утверждается, что Ахурамазда создал человека, скот и растения. Упоминание о скоте очевидно для кочевых народов, так же как и заключение: «Кто хочет, чтобы после смерти его жилище было в чертогах Ахурамазды, тот должен оберегать скот от насилия и жестокости» (Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. II. М., 1980. С. 62). Яшта — гимны богествам зороастрийского пантеона. Сюда относятся и гимны Митре, почитавшемуся до возникновения зороастризма. Вендидад (букв. «закон против дэвов» — так назывались божества злого мира) — более поздний свод религиозно-юридических положений. В Авесте Ахурамазда говорит о трех мерах — добрая мысль, доброе слово, доброе деяние, четырех сословиях — жрец, воин, скотовод, ремесленник и пяти наставниках — семьи, рода, племени, страны и отдельно Зороастр. В ритуале зороастризма главное место занимал культ священного огня, из-за чего зороастрийцев называли огнепоклонниками.

В III в. н.э. в Иране получает распространение манихейство, названное по имени его основоположника Мани (216–277), которое представляет собой синтез зороастризма, христианства, буддизма и гностицизма. В дополнение к идее борьбы добра и зла в манихейство включены представления о карме, пророках-спасителях и грядущем всеобщем воскрешении.

Зороастризм существует и в настоящее время. Он сохранился у парсов в Бомбее и у огнепоклонников в Иране, но не имеет широкого распространения. Парсами называют современных последователей зороастризма и соответственно современный зороастризм называют парсизмом.

Вопросы для повторения

- Какие основные мифы существовали в Египте?
- В чем суть мифа об Осирисе?

- Каково содержание мифа о загробном суде?
- Что такое мистерии?
- Каковы особенности шумерской мифологии?
- Каковы особенности вавилонской мифологии?
- Каково содержание эпоса о Гильгамеше?
- Каковы особенности хеттской мифологии?
- Что такое зороастризм?

Литература

1. Древнеегипетская книга мертвых. М., 2002.
2. Сказки и повести Древнего Египта. Различные издания.
3. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
4. *Мерц Б.* Красная земля, Черная земля: Мир древних египтян. М., 1998.
5. Древний Восток. СПб., 1995.
6. Мифологии древнего мира. М., 1977.
7. Авеста. М., 1994.

Глава 5

Религии Китая и Японии

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Древнейшие города-государства возникли в Китае во II тысячелетии до н.э.; важнейший из них город Шан, правившей которым династии Инь удалось объединить значительные территории. На рубеже II—I тысячелетий была создана цивилизация Чжоу, представлявшая собой совокупность отдельных государств. Первой централизованной империей на территории Китая было царство Цинь (III в. до н.э.). В этот период начинается строительство Великой китайской стены. Следующая династия — Хань, правившая Китаем до IV в. до н.э. После периода раздробленности под властью династии Суй в VII в. возникает могущественная Танская империя, а затем Китай объединяет династия Сун.

В конце XIII в. Китай был завоеван монголами, но через 100 лет освободился от иностранного владычества. Следующие две династии — Мин и маньчжурская Цин. Процесс перенимания завоевателями культуры завоеванных народов имел место и в Китае. Например, монголы весьма быстро приняли законы, нравы и даже язык побежденных. Афоризм китайского мыслителя Лао-цзы «слабейшее побеждает сильнейшее» может быть приложен к ситуации победы культуры над насилием, тогда как повелевающий другими не должен ли быть всегда, по утверждению Шуцзин, в страхе?

Особенностью китайского национального характера является обращенность к проблемам социума и нацеленность на исследование взаимоотношений людей. Китай соседствует с Индией, и часто мудрость обоих народов объединяют. Но какая разница во взглядах, даже в постановке проблем! Индийская культура

основана на представлении о перевоплощении душ и карме. Китайская исходит из того, что «рождение — начало человека, смерть — его конец... Смерть наступает один раз, [человек] не возвращается» (Древнекитайская философия: В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 18). Индийцы думают о том, как выйти из колеса перевоплощений и обрести вечное блаженство вне мира; китайцы считают, что «жизнь — это хорошо, а смерть — это плохо» (там же. С. 13). Индийская мысль создает учение о Едином, которое является основой бытия и высшей истиной; китайская — учение о двух противоположных началах ян и инь, господствующих в нашем мире.

У древних китайцев не было пантеона богов, и они ограничивались представлением о Небе как создателе всего сущего. Небо в китайской мифологии понималось как сознательное существо, управляющее миром. В Толкованиях к «Книге перемен», говорится, что Небо называют отцом, а Землю — матерью, что соответствует языческой терминологии, известной во многих культурах. Понятие Неба выполняло минимальные функции объяснения происхождения мира, и это удовлетворяло китайцев.

С представления о божественности Неба начинается мифология, так же как с погребальных обрядов начинаются культы. То, что высшим божественным авторитетом для китайцев являлось Небо, еще одно доказательство того, что они остались в области мифологии, как в религиозных обрядах, на первой стадии. Важная мифологическая роль Неба подтверждается и тем, что в гербах многих народов присутствует орел — символ неба и высшего бога — Неба.

Китайский взгляд на соотношение жизни и смерти выразил Конфуций, отвечая на вопрос о смерти: «Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?» А на вопрос: «Как служить духам и душам умерших?» — Конфуций ответил: «Не научившись служить людям, можно ли служить духам?» (Лунь юй. 14).

Китайцы старались не задумываться о потусторонних вещах и ограничивались двумя принципами: «бояться воли Неба» и «почитать духов и души умерших, но держаться от них подальше».

Особенности национального характера определили стержневую линию развития китайской культуры. Она не религиозна. В роли мифологических существ выступают люди, которые создают сельскохозяйственные культуры, ремесла, язык и все остальное, чем пользуется человечество. Речь идет о культурных героях, которые ввиду отсутствия в Китае пантеона богов и выполняли роль главных творцов. Надо сказать, что в Китае они создали много такого, до чего другие народы додумались гораздо позже.

Китайская культура может служить хорошим подтверждением концепции греческого философа Эвгемера (конец IV—начало III в. до н.э.), в соответствии с которой истоки мифов следует искать в действительной истории, а мифологические боги и полубоги были вначале реальными человеческими существами.

Постепенно функции предков, живших в легендарные времена и одаренных сверхъестественными способностями, брали на себя боги. Но китайская культура из-за слабости мистического компонента задержалась на начальном этапе. Культурные герои наделены необыкновенным рождением, их нередко охраняют животные-защитники, и они становятся мудрыми правителями или же иным путем совершают великие деяния. Культурными героями выступают легендарные правители Яо и Шунь, отнесенные традицией к XXIV—XXIII вв. до н.э.; Юй, основатель первой китайской династии Ся (XXIII в до н.э.), Желтый Император и др. Их можно воспринимать как творцов, которые передали свои произведения другим людям.

Китайский миф о происхождении мира из яйца, известный и по другим источникам, заставляет вспомнить о точке сингулярности из современной модели Большого взрыва и расширяющейся Вселенной. В этом же мифе фигурирует расширение Небес и Земли, на которые распалось яйцо. В других текстах порожденный в яйце Пань-гу выступает как аналог индийского первочеловека Пуруши. Когда он умер, «его дыхание превратилось в ветер и облака, голос — в гром, левый и правый глаз соответственно в Солнце и Луну, четыре конечности и пять «тел» (пальцев?) — в четыре стороны света и пять великих гор, кровь — в реки, муску-

лы и вены — в слои земли, плоть — в почву, волосы и борода — в созвездия, кожа и волосы на теле — в растения и деревья, зубы и кости — в металлы и камни, костный мозг — в золото и драгоценные камни, а пот — в дождь. Паразиты на его теле, оплодотворенные ветром, стали человеческими существами. В графических его изображениях... он обычно предстает как рогатый творец, который высекает вселенную с помощью молотка и тесла» (Мифологии древнего мира... С. 379—380). Это напоминает представления Индии и Шумера. Первобытный хаос, который встречается и в китайской культуре, аналогичен неустойчивой системе в синергетике.

Вот ее мифологическое описание: «В очень древние времена четыре столба [по четырем странам света] (поддерживающие небо. — *А.Г.*) были низвергнуты, девять областей [обитаемого мира] раскололись на части. Небеса не покрывали всего [мира], а Земля не поддерживала полностью [Небеса]. Огонь бушевал — и никто его не тушил, воды разливались — и никто их не сдерживал. Лютые звери пожирали людей, хищные птицы терзали старых и слабых своими когтями. Вот почему Нюй-гуа (божество-строительница. — *А.Г.*) сплавил вместе камни пяти цветов и залатала ими лазурное Небо. Она отрезала ноги у черепахи и укрепила ими четыре столба... она собрала тростниковую золу, чтобы запрудить непокорные воды» (Мифологии древнего мира... С. 383). Далее текст сообщает, что после этого установилась всеобщая гармония — переход к устойчивой линии развития по современной научной терминологии.

Для китайской культуры характерно почитание предков с целью умиловить их и тем самым обезопасить живущих от их возможного вредного воздействия. Дж. Фрэзер полагал, что страх перед мертвыми вызывается страхом перед смертью, а так как последний существует повсеместно, то и первый также, хотя бы данная культура и была не религиозна. По одной из концепций само захоронение умерших обязано страху.

Три величайших мыслителя Древнего Китая, достойные наибольшего внимания: покрытый ореолом таинственности Лао-цзы,

всеми почитаемый Конфуций и менее известный Мо-цзы, который, однако, сформулировал за четыре с лишним века до Рождества Христова концепцию всеобщей любви.

Знакомство со взглядами этих мыслителей дают три текста, прямо связанные с их именами. Правда, автор и время написания «Дао дэ цзин» не совсем ясны. Основное произведение конфуцианства представляет собой записи учеников. Трактат «Мо-цзы» тоже скорее всего написан его последователями, хотя это единственный из трех связанных текст с внутренней логикой в пределах глав, а не просто сборник афоризмов.

ДАОСИЗМ

Лао-цзы — прозвище, означающее «старый учитель». Сведений о его жизни очень мало, но известно, что он был хранителем императорского архива Чжоуского двора — величайшего книгохранилища Древнего Китая. Жившего ранее двух других великих китайских мыслителей Лао-цзы (VI—V вв. до н.э.) нелегко понять не только потому, что основное его понятие «дао» очень неоднозначно — это и «главное над множеством вещей», и «мать земли и неба», и «первооснова мира», и «корень», и «путь», но и потому, что в постижении этого понятия мы не имеем возможности, как в других культурах, опереться на какие-либо мифологические образы, которые облегчали бы усвоение. Дао столь же неопределенно у Лао-цзы, как понятие Неба во всей китайской культуре.

Сам Лао-цзы полагал, что его «слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять» (Дао дэ цзин, 70). И тут же диалектически утешался: «Когда меня мало знают, тогда я дорог» (там же). К диалектике Лао-цзы обращался часто. «Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны». Как это понять? А дальше: «Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни». Тут что-то приоткрывается. И вдруг: «Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь» (там же. 75). Это образец отрывочности текста, в котором надо искать глубинный смысл.

Чтобы понять Лао-цзы, надо определить дао. Дао входит в предметы, делая их истинными и объединяя их в единое целое. Дао — источник всех вещей и основа функционирования бытия. Дао определяется как «корень». Корень находится под землей, его не видно, но он первичен по отношению к растению. Так же первично и невидимо дао, из которого продуцируется весь мир. Знакомство с индийской культурой наводит на мысль, что дао близко к понятиям Единое, нирвана и другому буддистскому термину «пустота». «Дао пусто, но в применении неисчерпаемо» (там же. 4). Если сравнивать с западной философией, то дао близко к понятию небытия («В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии» (там же. 40)). В отличие от понятия нирваны почитание дао не обязывает объявить чувственный мир иллюзией; китайцы для этого слишком практичны и менее метафизичны, но видимый мир как бы второстепенен.

Лао-цзы отличается от своего современника Будды тем, что, исходя из главенства дао, думает не об уходе из мира, а о том, какие отсюда проистекают следствия для жизни. В этом смысле дао понимается как естественный закон развития природы. Основное значение иероглифа дао — «дорога, по которой ходят люди». Лао-цзы преимущественно мистик, но его главное понятие вполне посюсторонне. Дао — путь, по которому идут люди в этой жизни, а не только нечто вне ее. Человек, не знающий пути, обречен на блуждание, он заблуждающийся.

В то же время дао можно интерпретировать и как энергию (вечным источником жизненной энергии называет дао современный исследователь Чень Чупинь), и как пространство («одинокое стоит, но не меняется, ходит повсюду, но не устает» (там же. 25)).

Дао можно трактовать и как единство с природой через подчиненность одинаковым законам. В этом значении дао созвучно понятию «риты» в индийской культуре. «Путь благородного мужа начинается среди [обычных] мужчин и женщин, но его глубинные [принципы] существуют в природе» (Древнекитайская философия... Т. 2. С. 121). Коль скоро есть этот всеобщий закон, нет необходимости в каком-либо моральном законе: как в естествен-

ном законе кармы, так и в искусственном законе человеческого общежития.

Дао ищется в себе. «Кто знает самого себя, тот сможет выяснить [сущность вещей], а кто знает людей, тот способен вершить дела» (там же. С. 38). Сравни с античным «познай самого себя». Чтобы познать дао, надо освободиться от собственных страстей. Познавший дао, достигает «естественного равновесия», потому что все противоположности приводит в гармонию.

Дао ничего не желает и ни к чему не стремится, и в этом смысле вполне соответствует советам Кришны в «Бхагавад-Гите». Так же должны поступать и люди. Все естественное происходит само собой, без особых усилий личности. Естественному ходу противостоит искусственная деятельность человека, преследующего эгоистические, корыстные цели. Такая деятельность предосудительна, поэтому основным принципом Лао-цзы выступает недеяние («увэй»). «Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, чтобы оно не делало» (Дао дэ цзин. 37). Здесь опять диалектика. Увэй не есть пассивность, а скорее непротивление естественному ходу событий и деятельность в соответствии с ним. Действуйте, говорит Лао-цзы, но помните, что нарушение естественного закона приводит к противоположному результату, тогда как следование ему дает желаемое. Встречаются такие словосочетания: «действовать своим недеянием», «управлять не управляя» и т.п.

Принцип увэй означает отказ от эгоистической, субъективной деятельности во вред общему, целому. Это снятие всякой изолирующей субъективности во имя включенности в единый поток бытия. Призывы возвращения к естественности имели и политическую направленность, становясь лозунгами крестьянских восстаний, руководимых даосскими монахами: ведь природа не знает неравенства и угнетения, как и государственных институтов.

Увэй — это отказ от деятельности, вступающей в противоречие с естественными законами и, стало быть, требующей борьбы. Такое понимание приближается к принципу ахимсы и христиан-

скому «не противься злomu», но по иным основаниям. «Недеяние дао означает соблюдение естественности [вещей]. Соблюдение естественности [вещей] — это значит, что [человек ничего] не прибавляет [к вещам] и ничего не отнимает [у них]» (Древнекитайская философия... Т. 2. С. 30). Быть спокойным, действовать без привязанности к миру — тут мотив «Бхагавад-Гиты», но Лао-цзы подчеркивает, что «дао совершенномудрого — это деяние без борьбы», поскольку естественный закон побеждает сам собой.

Недеяние столь же важно, как деяние. Недаром и библейские заповеди излагаются в форме ограничений — не убий, не укради и т.д. Надо знать, что делать и что не делать. Это и есть знание дао.

В применении к правителю, а китайские мыслители всегда давали им советы, это звучит так: «Кто служит главе народа посредством дао, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него». Война, с точки зрения китайцев, — нарушение дао.

В соответствии с представлением о благодати Неба и естественного закона следование дао добродетельно. Добродетель («дэ») есть проявление дао. «Дао и дэ существуют неразрывно. Если говорят [о дао или дэ], то [по существу] говорят об одном и том же» (там же. С. 28).

Доверчивость, доброта и забота о народе отличают мудрого, следующего путем дао. «Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность. Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей» (Дао дэ цзин. 49). Взаимоотношения в обществе сопоставляются Лао-цзы с отношениями внутрисемейными, что присуще китайской традиции. Несмотря на преимущественно метафизический характер учения Лао-цзы, общая настроенность китайской мысли на социальные отношения сказывается и здесь. Единство дао и дэ, знания и добродете-

ли приводят Лао-цзы к выводу: «Только настоящий человек обладает истинным знанием».

Традициями «Книги перемен» определяется нацеленность Лао-цзы на выявление противоречий, порой сформулированных в парадоксальной форме. Диалектика выражена у Лао-цзы часто непонятно резко, хотя и завораживающе. «Когда в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло» (там же. 2). «О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье» (там же. 58). И т.д.

Рассмотрим еще такое изречение Лао-цзы. «Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и «справедливость», народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воры и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освободиться от страстей» (там же. 19). Здесь и высокая просветительская оценка знаний, и понимание огромного значения нравственного состояния общества, и ирония относительно того, что разговор о мудрости, гуманности и справедливости часто скрывает то обстоятельство, что именно этого недостает.

Какое значение имеет эта концепция для современности? Лао-цзы считается основателем даосизма — китайской религии, дошедшей до наших дней. На близость даосизма к нарождающемуся новому пониманию природы указывают экологи. Лао-цзы советует приспособляться к естественным циклам, подчеркивает самодвижение в природе и важность равновесия.

Даосизм начал складываться в религию вскоре после смерти Лао-цзы. Своеобразие даосизма в том, что основной закон дао не зависит от воли богов, тем более от усилий людей. И в то же время в следовании этому закону путь религиозного спасения и достижения абсолютного высшего счастья. В отсутствие в Китае пантеона богов обожествляется сам Лао-цзы и разрабатывается

к началу новой эры сложная иерархия божеств и демонов. Во главе пантеона даосизма становится, как и следовало ожидать из роли Неба в китайской мифологии, бог Неба, Яшмовый владыка (Шан-ди), отец императоров («сынов неба»). За ним идут Лао-цзы и творец мира Пань-гу.

Таким образом, даосизм представляет собой результат соединения древнекитайской мифологии с ее главным божеством — богом Неба и учения Лао-цзы. Первоначально «ди» означало жертвоприношение, а стало названием божества, которому приносили жертвы («ди» служил также обозначением умерших предков царствующего дома, включая мифических, являвшихся его тотемом). «Шан» значит «верховный», и в даосизме он фигурирует как предок Дао. В переводах Библии на китайский язык термин «Шан-ди» используется для обозначения христианского Бога.

На примере даосизма хорошо видна схема образования религии, в которую потом укладывается и образование буддизма: мифологические представления соединяются с философскими учениями и в результате появляется религия. Мифологический компонент может занимать различное место: он больше в даосизме, и в результате эта религия более мистична, чем конфуцианство, образовавшееся по такой же схеме, но в котором мифологический компонент занимает меньшее место.

Живет верховный владыка в небесном дворце, который находится на самом высшем из 36 небес, откуда управляет всеми небесами, землей и подземным миром. Повелевает он и всеми божествами и духами. При его дворе существуют своеобразные управы: грома, огня, богатства и т.п. В пантеоне даосизма существуют боги с человеческим лицом, но туловищем птицы, как бог моря Юйцян.

Присутствует в даосизме и культ пяти священных гор (У Юэ — «пять гор»), перешедший потом в буддизм. У каждой из гор имелось свое божество. Божество восточного пика ведало судьбами людей; западного — всеми металлами, а также пернатыми; среднего — болотами, а также деревьями; северного — реками, а также дикими зверями, пресмыкающимися и насекомыми; юж-

ного — полями на земле, звездами на небе, а также рыбами и драконами (любимый образ китайской мифологии и один из основных тотемов предков китайцев).

Культурные герои, как, например, один из наиболее известных Хуан-ди, изобретший колесницу, лук, стрелы, платье, обувь, музыкальные инструменты, могут, сделавшись бессмертными, возноситься на небеса.

Обратим особое внимание на то, что верховный бог даосского пантеона Юй-ди — нефритовый государь, который имеет явные антропоморфные черты, был отождествлен позднее с верховным богом древнекитайского пантеона Шан-ди. Такое же отождествление ранее произошло и с образом культурного героя Хуан-ди. Это понадобится нам для последующих выводов об эволюции религиозных представлений. Отметим также параллель между воскресением Хуан-ди и Христа. По даосским преданиям в могиле Хуан-ди находится лишь одежда, которая осталась после того, как он, сделавшись бессмертным, вознесся на небо.

Диалектика ян и инь также вошла в даосизм, широко используясь при гаданиях. В культурах даосизма гадания занимают такое же большое место, как и обряды изгнания злых духов, что тоже следует из китайских раннерелигиозных традиций.

Даосизм представлен большим количеством сект. Он всегда существовал в виде отдельных школ и направлений. Полного объединения их не было, и речь могла идти только об осознании духовного единства в рамках единой религии. Но основные представления являются общими. Это традиционные китайские добродетели: исполнение обрядов, соблюдение сыновнего долга, разведение растений и животных, а также близкие к буддизму добродетели любви, терпения, распространения знаний, борьбы против злых деяний. Одной из важнейших добродетелей является бесстрашие (лицо верховного владыки должно быть лишено всякого выражения — знак истинного величия). Буддизм оказал на даосизм очень большое влияние. Пять основных моральных заповедей даосизма повторяют заповеди для мирян в буддизме. Это воздержание от нанесения зла, лжи, кражи, от чувственных излишеств и алкоголя.

На рубеже новой эры Лао-цзы был обожествлен в качестве воплощения Дао, а его книга получила статус откровения. Организационно даосизм оформился во II в. н.э., когда возник миф о новом пришествии Лао-цзы. Религиозная организация строилась по иерархическому принципу, важную роль играли монахи и жрецы. Даосизм имел свои монастыри, в которых жили монахи-даосы, и был достаточно широко распространен в мирской среде. В начале V в. оформляется ритуал и вероучение. Даосизм становится государственной религией, а затем распадается на множество сект и направлений. В Новое время даосизм в Китае вытеснялся буддизмом и конфуцианством.

Призыв к возвращению к первоначальной простоте понятен в усложняющемся обществе, в котором социальный момент становится довлеющим. Это принимается конфуцианством и критикуется даосизмом. В трактате «Чжуан-цзы» сообщается о беседе Лао-цзы с Конфуцием, которая могла состояться между 518 и 511 гг. до н.э. Была ли она на самом деле или нет, но сообщение о ней ценно в том смысле, что показывает различия между двумя крупнейшими мыслителями Древнего Китая. Лао-цзы сказал: «Гуманность и справедливость, о которых ты говоришь, совершенно излишни. Небо и земля естественно соблюдают постоянство, солнце и луна естественно светят, звезды имеют свой естественный порядок, дикие птицы и звери живут естественным стадом, деревья естественно растут, тебе также следовало бы соблюдать [естественное] дао и его дэ [проявление]. Нет необходимости с усердием распространять учение о гуманности и справедливости... Этим ты только смущаешь народ» (Чжуан-цзы. V).

Однако именно признание человеколюбия основой отношений между людьми принесло славу Конфуцию. Ирония Лао-цзы не смогла помешать Конфуцию, потому что общество, с опаской взирающее на мистику, больше нуждалось в осмыслении социальных взаимоотношений.

Для китайской культуры была характерна вера в обретение бессмертия через употребление особых снадобий растительного или минерального происхождения. Это и было воспринято дао-

сизмом. То значение, которое придавалось в даосизме бессмертию, вплоть до попытки изобрести эликсир бессмертия, говорит об истоках этой религии и религии вообще, заставляя вспомнить о религиях Египта и Ближнего Востока. Бессмертие, к которому стремились даосы, — это не что иное, как слияние духа с изначальным Дао. Согласно даосам Эликсир Жизни вырабатывается в самом человеке путем специальных упражнений.

В даосском учении о бессмертии мудрец на своем пути к бессмертию в процессе особой психофизической тренировки приобретал сверхъестественные силы и способности, наподобие индийского йога. Он также изменял свое сознание, реализуя идеал единства с Дао как первоосновой мира. Даосизм выделял три основных типа бессмертных: небесные бессмертные, восходившие на небо и становившиеся «небесными» чиновниками; земные бессмертные, оставшиеся на Земле и жившие на священных горах, и «бессмертные, освободившиеся от трупа», т.е. святые, преобразившие свою плоть через смерть и последующее воскресение. Вера в «освобождение от трупа» восходила к обрядам посвящения и инициации, предполагавшим веру в мистическую смерть и воскресение к новой жизни. На этом фоне вера в воскресение Христа не выглядит чем-то необычным и из ряда вон выходящим.

Высшим путем к обретению бессмертия считалась алхимия, которая отличалась от европейской именно теснейшей связью с медициной и со способами продления жизни. Начиная с X в. н.э. на смену «внешней» алхимии поиска философского камня пришла алхимия «внутренняя», представлявшая собой комплекс сложных психофизических упражнений, направленных на трансформацию сознания адепта и его физиологических параметров (даосская йога). В основе ее лежал принцип единства человека как микрокосма и Вселенной как макрокосма, который позже использовался, придя туда из греческой философии, и в христианстве. Цель «внутренней» алхимии заключалась в том, чтобы создать новое бессмертное тело из вещества и энергии собственного организма. Так, учение о естественности превратилось в религию, проникнутую мистицизмом.

КОНФУЦИАНСТВО

Младший современник Лао-цзы Конфуций (ок. 551—ок. 479 гг. до н.э.) отдал традиционную китайскую дань Небу как творцу всех вещей и призывал беспрекословно следовать судьбе, но главное внимание уделил сознательному конструированию необходимых для нормального функционирования общества социальных связей.

Родился «учитель Кун» в бедной семье, рано остался сиротой и познал нужду, хотя по преданию происходил из царского рода. Он занимал невысокие должности в царстве Лу, путешествовал, а вернувшись на родину, жил в окружении многочисленных учеников. Основное произведение Конфуция «Лунь юй» («Беседы и высказывания»), записанное его учениками, пользовалось на протяжении всей последующей истории Китая таким влиянием, что его заставляли заучивать наизусть в школах. Оно начинается фразой, почти дословно совпадающей с хорошо нам известной: «Учиться и время от времени повторять выученное».

Конфуций, как и Лао-цзы, действовал в трудный для китайского общества период перехода от одной формации — рабовладельческой — к другой — феодальной, и в это время было особенно важно не допустить крушения социальных устоев. Подходы Конфуция и Лао-цзы были разными, но цели одинаковыми.

Примат нравственности, проповедуемый Конфуцием, отражал стремление китайского духа к устойчивости, спокойствию и миру. Учение Конфуция — о том, как сделать счастливым государство через нравственное совершенствование прежде всего высших слоев общества, а затем низших. «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклониться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуалов, народ будет знать стыд и он исправится» (Лунь юй. II, 3).

Нравственный образец для Конфуция — благородный муж: преданный, искренний, верный, справедливый. «Благородный муж ко всему подходит в соответствии с долгом; совершает по-

ступки, основываясь на ритуалах, в словах скромн, в поступке правдив» (Лунь юй. XV, 17). Противоположность благородного мужа — низкий человек. «Благородный муж ко всем относится одинаково, он не проявляет пристрастия; низкий человек проявляет пристрастие и не относится ко всем одинаково» (там же. II, 14). «Благородные живут в согласии [с другими людьми], но не следуют за ними, низкие — следуют [за другими людьми], но не живут с ними в согласии» (там же. XIII, 23).

Главная характеристика благородного мужа — человеколюбие. «Тот, кто способен проявлять в Поднебесной пять [качеств], является человеколюбивым... Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, он добивается успеха. Если человек добр, он может использовать других» (там же. XVII, 6). Слово «использовать» следует понимать здесь не в привычном сугубо утилитарном смысле. В нем слышится китайская практичность, так как имеется в виду предоставление человеку достойной его работы, к которой он предназначен.

Человеколюбие проявляется в первую очередь в отношениях между отцом и детьми, братьями, друзьями, государями и чиновниками, а затем и между всеми людьми. Государство, по Конфуцию, должно напоминать большую семью, в которой правитель, как отец, заботится о подданных, подданные почитают его и любят друг друга, как братья. Конфуций уподоблял государство живому организму. «Правитель в столице страны как сердце в теле [человека]» (Древнекитайская философия... Т. 2. С. 22).

Государство необходимо для справедливого и достойного существования людей, которые разделены на чиновников и простолюдинов, занимающихся соответственно умственным и физическим трудом. «Тот, кто является правителем над людьми, озабочен [мыслями о судьбе страны], но не трудится [физически]; народ же трудится [физически], однако не озабочен [такими мыслями]» (там же. С. 21–22). Конфуций сформулировал принцип социаль-

ной гармонии. «Верхи [должны] добросовестно заботиться о низах, а низы [должны] честно служить верхам» (там же. С. 15). Тогда образуется «моральное согласие».

Правильное управление государством — основа благосостояния народа. Во главе государства должны стоять мудрые люди, а самые знаменитые и лучшие правители — это совершенномудрые, которые от рождения несут в себе знание, дарованное им небом, и передают его людям. Правитель должен быть «величественным, но не заносчивым; строгим, но не жестоким» (История китайской философии. М., 1989. С. 74).

Искусство управления заключается в «исправлении имен», т.е. в том, чтобы каждого поставить на должность, на которой он способен приносить наибольшую пользу государству. Требование «исправления имен» означает, что правителем должен быть человек, могущий править, слуга же должен служить и быть способен к этому; отец должен исполнять обязанности отца, сын — сына и т.д. Если «имена неправильны, речь противоречива; когда речь противоречива, дела не завершаются успехом; когда дела не завершаются успехом, не процветают правила поведения и музыка; когда не процветают правила поведения и музыка, наказания и штрафы налагаются неправильно; народу некуда поставить ноги и положить руки» (Лунь юй. XVI).

Стремление к реалистичности привело Конфуция к следованию правилу «золотой середины» — избегания крайностей в деятельности и поведении. Благородный муж «[строго придерживается] середины и не склоняется ни в одну сторону. Именно в этом и состоит подлинная сила! Когда в государстве царит порядок, [он] не отказывается от того поведения, [какое у него было раньше]... Когда в государстве отсутствует порядок, [он] не изменяет своим принципам до самой смерти» (Древнекитайская философия... Т. 2. С. 121). Так же отвечали и греческие философы. Благородный муж не безрассуден. «Когда в государстве царит порядок, его слова способствуют процветанию; когда в государстве нет порядка, его молчание помогает ему сохранить себя» (там же. С. 132).

Большое значение в истории Китая вообще и в учении Конфуция занимало следование определенным раз навсегда заведенным правилам и церемониям. Будда отказался от жертвоприношений, следуя принципу ахимсы. А Конфуций возразил желавшему положить конец обычаю принесения в жертву животных: «Ты заботишься о баране, а я забочусь о ритуале» (Лунь юй. III, 17). На вопрос, что значит не нарушать принципов, Конфуций ответил: «При жизни родителей служить им, следуя ритуалу. Когда они умрут, похоронить их в соответствии с ритуалом и приносить им жертвы, руководствуясь ритуалом» (там же. II, 5). «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию» (там же. I, 12). Ритуал ограничивает поступки теми, которые освящены и проверены традицией. «Почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости» (там же. VIII, 2).

Цель ритуала добиться не только внутрисоциальной гармонии, но и гармонии с природой. Ритуал, по живописному выражению, «это красочность долга». «Что называется долгом человека? Отец должен проявлять родительские чувства, а сын — почтительность; старший брат — доброту, а младший — дружелюбие, муж — справедливость, а жена — послушание, старшие — милосердие, а младшие — покорность, государь — человеколюбие, а подданные — преданность. Эти десять качеств и именуется человеческим долгом» (Древнекитайская философия... Т. 2. С. 106). Неоднократно повторяется, что «чувства человеческие были для совершенномудрых правителей пашнею. С помощью ритуала пахали ее; разбрасывая долг, засеивали ее; наставляя в науках, полли ее; укореняя человеколюбие, убирали ее; посеяв музыку, давали ей отдых» (там же. С. 109).

Конфуций провозгласил принцип, который красной нитью проходит через всю историю этики: «Не делай людям того, чего не желаешь себе». Встречаем у Конфуция и много других мыслей относительно правил общежития. «Не печалься о том, что люди тебя не знают, а печалься о том, что ты не знаешь людей»

(Лунь юй. I, 16). «В дела другого не входи, когда не на его ты месте» (там же. VIII, 14). «Слушаю слова людей и смотрю на их действия» (История китайской философии... С. 72).

Путь Конфуция, как разъясняли его ученики, «лишь преданность и сострадание». «Учитель, — сообщали они, — категорически воздерживался от четырех вещей: не вдавался в пустые размышления, не был категоричным в своих суждениях, не проявлял упрямства и не думал о себе лично» (там же).

Понимая значение знания, Конфуций предостерегал от преувеличенного представления о собственных знаниях («зная что-либо, считай, что знаешь; не зная, считай, что не знаешь, — это и есть [правильное отношение] к знанию» — там же) и подчеркивал важность соединения обучения с размышлением («напрасно обучение без мысли, опасна мысль без обучения» (Лунь юй. II, 15)).

Лао-цзы, по преданию, уехал из Китая на запад (в Индию), и эта легенда отражает его близость к индийской мысли. Но и полно выразивший дух китайского народа Конфуций тоже потерпел неудачу в распространении своих взглядов. Сходство между Лао-цзы и Конфуцием в том, что оба они в соответствии с архетипом китайской мысли искали постоянства, но Лао-цзы нашел его в недеянии, а Конфуций в постоянстве деятельности — ритуале. Общим был и призыв к ограничению потребностей. Различие же в том, что считать более важным. Ведь и Лао-цзы писал о человеколюбии и Конфуций сказал: «Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть» (там же. IV, 8).

В китайской культуре не было пантеона богов. Поэтому ее религии основывались на обожествлении мыслителей. За неимением достаточного количества богов был обожествлен сам Конфуций с обычными в таких случаях жертвоприношениями. Конфуцианство стало превращаться в религию, как и даосизм, вскоре после смерти Конфуция. В основе конфуцианства лежит обожествление Конфуция, но религиозных атрибутов в конфуцианстве меньше, чем в других религиях. Отсутствует жречество, почти сведены на нет мистические элементы, и следование религии сводится к строгому выполнению предписанных обрядов. Основное

содержание культа в конфуцианстве — почитание предков, которое пришло из китайских традиций. Каждая семья, род имеет свой храм, где размещены символизирующие предков таблички «чжу». Перед ними выставляются жертвоприношения и совершаются обряды. Конфуцианство можно назвать светской религией, хотя это звучит парадоксально.

Разница между конфуцианством и даосизмом не только в различии учений Конфуция и Лао-цзы, но и в том, что конфуцианство отказалось включить в себя древнекитайскую мифологию. От религии в нем остается только почитание Неба в качестве высшей духовной силы и жертвоприношения предкам в качестве выражения почтения к ним. В числе добродетелей видим известную по даосизму сыновнюю почитательность, уважение к старшим, гуманность, знание музыки и этикета.

Конфуцианство заняло господствующее положение в Китае при императоре У-ди (140—87 г. до н.э.), когда оно соединилось с учением об инь-ян и пяти первоэлементах. «В Ханьский же период начались и жертвоприношения при гробнице Конфуция. Около 37 г. н.э. культ его стал государственным. В 59 г. Хань Минди повелел совершать жертвоприношения в честь Конфуция в казенных школах» (Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 288). По всей Поднебесной сооружались храмы, посвященные Конфуцию. Конфуцианство, по существу, стало государственной религией.

Конфуцианство в течение долгого времени выполняло в Китае важную социальную роль, объединяя народ вокруг правителя, который трактовался (как в идеальном государстве Конфуция) в качестве отца нации, являющегося доминирующей силой и заботящегося о благе подданных, которому те должны повиноваться. Конфуцианство, таким образом, служило оправданием авторитарной власти императора, выполняя интегрирующую, регулятивную и контролирующие функции.

В число книг, считавшихся в Китае обязательными для обучения, входили также «Книга перемен» («Ицзин»), «Книга истории» («Шуцзин»), «Записки о ритуале» («Лицзи») и «Весны и

осени» («Шунью») — хроника царства Лу. Вместе они составили 5 книг конфуцианского канона.

Рассмотрение конфуцианства показывает, что отличить религию от нерелигии непросто. Ведутся споры о том, является ли конфуцианство религией или этико-политическим учением. В древнекитайском языке вообще отсутствует слово «религия», а современное понятие «религия» попало в китайский язык из японского, в котором оно было искусственно создано в конце XIX в. для перевода с европейских языков. Это, кстати сказать, отражает малую степень религиозности китайской и японской культур.

И совсем точно не является религией моизм, о котором речь пойдет ниже. Но все же вкратце скажем о нем, потому что идеи моизма перекликаются с христианскими, а появились они за несколько веков до Христа. Если конфуцианство с его этикой справедливости можно сравнить с Ветхим Заветом, то моизм можно сопоставить с Новым Заветом.

МОИЗМ

Однажды ученик спросил Конфуция: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?» Конфуций ответил: «Это слово — взаимность». Мыслитель-практик понимал важность общения людей на основе согласия и взаимной помощи, но не был утопистом. На вопрос: «Правильно ли отвечать добром на зло?» Учитель ответил: «Как можно отвечать добром? На зло отвечают справедливостью, на добро отвечают добром» (Лунь юй. XIV, 34). Но, как в любой культуре, в китайской существовали утописты-идеалисты (в смысле стремления к идеалам), и величайшему из них Мо-цзы (ок. 479—ок. 400 гг. до н.э.) было мало просто взаимности. Ссылаясь опять-таки на волю Неба, он изрек: «Повиновение велению Неба — это взаимная любовь и взаимная выгода» (Древнекитайская философия... Т. 1. С. 195). Об опасности стремления к выгоде только для себя предупреждал Конфуций: «Когда исходят лишь из выгоды, то множат злобу» (Лунь юй. IV, 12). Но в понимании значения любви Конфуций остановился на полпути. «Знающему далеко до любящего, любящему далеко до ра-

достного» (там же. VI, 20). Мо-цзы совершил же настоящую революцию в отношении к этому понятию.

Утопизм Мо-цзы в том, что все свои представления он взял, в отличие от Конфуция, для которого образцом была семья, в буквальном смысле слова с неба. В главе «Подражание образцу» главного сочинения, связанного с его именем, — «Мо-цзы», большую часть которого занимают записи слов и деяний самого Мо-цзы и написанного его последователями в III—II вв. до н.э., задается вопрос: «Что же можно рассматривать как образец для управления? Отвечаю. Готовясь к действиям, необходимо сопоставить свои поступки с [желаниями] Неба» (Древнекитайская философия... Т. 1. С. 179—180).

А что желает Небо? «Действия Неба обширны и бескорыстны. Оно щедро [и не кичится] своими достоинствами, его сияние длительно и не ослабляюще» (там же. С. 179). Вопреки Лао-цзы, который в полемике с Конфуцием сказал, что «Небо и земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью» (Дао дэ цзин. 5), Мо-цзы считал, что «Небо непременно желает, чтобы люди взаимно любили друг друга и приносили друг другу пользу, но Небу неприятно, если люди делают друг другу зло, обманывают друг друга» (там же. С. 180).

Конфуций говорил: «Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду» (Лунь юй. IV, 11). Мо-цзы происходил из мелких собственников и за основу взял выгоду, но всеобщую. «Если говорить о делах гуманного человека, то он обязательно должен развивать в Поднебесной то, что приносит выгоду, и уничтожать то, что причиняет Поднебесной вред» (Мо-цзы. 4). Для этого нужно вместо разъединения, которое, по Мо-цзы, лежит в основе социальных бедствий, объединиться на принципах всеобщей любви и взаимной выгоды. Это значит «смотреть на чужие владения как на свои, смотреть на чужие дома как на свои, смотреть на других как на себя» (там же) в смысле заботы о них, как о себе и своей собственности. Здесь взаимная любовь совпадает со взаимной

выгодой. Если «в Поднебесной царит всеобщая взаимная любовь, в ней порядок, а если царит взаимная ненависть, в ней происходят беспорядки».

Исполнение долга важно именно потому, что приносит выгоду, «поэтому долг называют великолепной драгоценностью Поднебесной» (там же. 11). Управление должно быть основано на выдвигании не родственников и близких, а мудрых и наделянии их чинами, жалованьем, подчиненными. Современник Сократа, служилый человек, а затем учитель Мо-цзы, подобно Сократу, отождествлял мудрость и добродетель, а своей проповедью любви он близок к Христу. Принцип всеобщей любви Мо-цзы сформулировал в четкой форме, противопоставив любовь, «не знающую различий по степеням родства», любви отдельной, эгоистической. Отметим, что любовь в понимании Мо-цзы касается только отношений между людьми, а не к Богу, как в христианстве.

Моизм имел много сторонников, но не стал религией, побежденный более мистическим даосизмом и более практичным конфуцианством. Но он остался в истории одним из предшественников христианства, хотя говорить о каком-либо непосредственном влиянии вряд ли возможно.

СИНТОИЗМ

Синтоизм, или синто (япон. — «путь богов»), — древняя религия народов Японии, суть которой в обожествлении явлений природы. Это в полном смысле религия единства человека с природой. Она возникла на основе первобытного культа природы, поклонения родовым и племенным божествам и различных колдовских обрядов. На примере синто хорошо видно, как идет становление религии из древних природных культов. Синтоизм остановился на первой стадии развития религии из культа природы. В соответствии с тем, что главным природным объектом в Японии считалось Солнце (японцы и называют свою страну «страной восходящего Солнца»), высшим божеством в пантеоне синтоизма является богиня Солнца Амаэрасу. Она же прароди-

тельница всех японских императоров и покровительница земледелия. Главное в синтоизме — вера в богов и духов (син или ками), населяющих и одухотворяющих всю природу, способных воплотиться в любой предмет (фигурку, табличку с именем божества), который становится объектом поклонения (синтай — тело бога). Синтоизм, таким образом, ближе всех других религий к первоначальным мифологическим представлениям.

К богам, первоначально заселившим землю, относятся боги земли и кровли, ветра и моря, гор и деревьев, равнин и туманов, огня и луны. Бог луны вместе с богом ветра и водных просторов, наравне с Аматаэрасу, составляют троицу великих богов, под властью которых находятся все объекты. Аматаэрасу господствует в верхнем, небесном мире, и там же живут божественные предки людей; земля («срединная страна») — место обитания людей и земных духов. Присутствует в синтоизме и страна мертвых («страна желтого источника»), где господствуют боги грома и фурии. Это «нижний мир тьмы», куда птицы уносят души умерших.

Боги в синтоизме одновременно являются божественными предками людей и культурными героями, что свидетельствует об их происхождении и источнике (как, например, брат Аматаэрасу бог ветра Сусаноо).

Целью жизни в синтоизме считается осуществление идеалов предков, а спасение достигается в этом, а не в потустороннем мире путем духовного слияния с божеством с помощью молитв и обрядов, совершаемых в храмах или у домашних очагов. Для синтоизма характерны пышные праздники со священными процессиями и танцами. Этика синтоизма многое восприняла из распространившегося в Японии буддизма, но в то же время основывается на культе императора и, таким образом, имеет важное государственное значение.

Можно провести параллель между синтоизмом и даосизмом. Обе религии основаны на единении с природой и ориентации на первозданную простоту. Но если даосизм более мистичен и нацелен на принципы функционирования мира, то синтоизм более

феноменологичен и обожествляет конкретные природные явления. Принципиальное отличие синтоизма от китайских религий в том, что в Японии в отличие от Китая не было в такой степени развитых философских систем, и поэтому синтоизм образовался непосредственно из японской мифологии, которая, в свою очередь, тоже не будучи развитой, что говорит о степени развития искусства (в этом она похожа на китайскую), проистекала из обожествления природных явлений. В Китае же наличие развитых философских систем привело к тому, что религии формировались в результате синтеза мифологии и философии, и два главных философских направления в Китае дали названия двум главным китайским религиям.

Если рассмотреть три восточные культуры, то по направлению от Индии к Японии через Китай значение метафизического компонента убывает, а значение физического возрастает. Учитывая, что собственно религиозный аспект также убывает (как часть метафизического), можно понять, почему индийские религии распространялись в Китае и Японии, а обратного процесса — распространения религий Китая и Японии в Индии — не наблюдаем. Имела место экспансия более развитых религий на регионы, в которых религиозность осталась малоразвитой (о чем свидетельствует и отсутствие слова «религия» в китайском и японском языках). Традиционная японская религия, как и китайская, не поднялась до уровня буддизма с его развитым нравственным аспектом, хотя даосизм, ориентированный на принципы функционирования мира, а не на конкретные природные явления, продвинулся в этом направлении дальше, чем синто (и в некоторых направлениях даосизма ориентация на слияние с дао напрашивается на аналогию с буддистской нирваной).

Вопросы для повторения

- Каковы особенности китайской мифологии?
- Какова роль неба в китайской мифологии?
- Что такое дао и дэ?
- Что такое даосизм?

Глава 5. Религии Китая и Японии

- Чем учение Конфуция отличается от учения Лао-цзы?
- Что такое конфуцианство?
- Каковы основные особенности учения Мо-цзы?
- Каковы особенности японской мифологии?
- Что такое синтоизм?
- Чем китайские религии отличаются от синтоизма?

Литература

1. Древнекитайская философия: В 2 т. М., 1972, 1973.
2. Религии Китая. Хрестоматия. СПб., 2001.
3. Конфуций. Я верю в древность. М., 1998.
4. *Арутюнов С.А., Светлов Г.Е.* Старые и новые боги Японии. М., 1968.

Глава 6

Религии Индии

ОСНОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В III тысячелетии до н.э. в долине Инда возникла цивилизация, названная индской, или культурой Хараппи, — по местности, в которой найден один из ее центров; другой находится в Мохенджо-Даро («холм мертвых»). В конце II тысячелетия до н.э. на территорию Индии пришли арийские племена и освоили долину Ганга. Индию пытались безуспешно покорить персы и Александр Македонский. Борьбу против Александра Македонского возглавил Чандра Гупта, основавший династию Маурьев. Своего расцвета созданная им империя достигла при его внуке Ашоке (268—231 гг. до н.э.).

Соотношение между цивилизацией Хараппи и арийской в принципе такое же, как между цивилизациями Шумера и Вавилона. Пришедшие племена завоевали территорию коренных народов, но переняли ее культуру. Культура побежденных, которые скорее всего не оказали сопротивления, победила. Если бы арийцы не восприняли более древнюю культуру дравидов, индийская мифология никогда не достигла бы таких высот. Это очевидно хотя бы из сопоставления «Авесты» и «Ригведы», в которых имеются сходные моменты, но которые все же разделены духовной пропастью. Мы опять видим рядом как причину и следствие — военную победу и культурное поражение.

История развития индийской цивилизации не вполне известна, поскольку, как подчеркивал Д. Неру в своей книге «Открытие Индии», больший интерес к потустороннему миру привел к тому, что в Индии мало внимания уделяли историческим фактам. Можно утверждать, что Древняя Индия была конгломератом небольших государств (в том числе городов-государств).

Пелопоннесскую войну в Древней Греции Неру сравнил с войной Махабхараты.

Арийские племена, пришедшие в Индию с запада, смешались с коренным дравидским населением. Социальным результатом этого было образование каст. Последующие завоеватели использовали эту систему. «У подножья лестницы образовывались новые касты, а победители-пришельцы превращались в правящий класс кшатриев» (Открытие Индии: философские и эстетические воззрения в Индии XX в. М., 1987. С. 104).

Природные условия, история и национальный характер придали определенную направленность индийской культуре, создавшую целостный оригинальный архетип. Среди древних культур индийская наиболее загадочна и поразительна. В одежде, поведении, танцах, как и мышлении индийца, много необычного для нас. В индийской культуре смещена привычная нам граница между жизнью и смертью. Но без индийской культуры невозможны были бы ни возникшие 100 лет назад теософия и антропософия, ни современное увлечение йогой и дзэн-буддизмом.

Чтобы понять культуру народа, надо знать условия его жизни и историю. Диодор Сицилийский предполагал, что индийцы «сведущи в искусствах, быть может, оттого, что дышат они чистым воздухом и пьют тончайшего состава воду» (Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1991. С. 83). «Волею судеб, — пишет С. Радхакришнан, — географическое положение Индии оказалось исключительно благоприятным — щедрые дары природы обеспечивали необходимые условия для успешного развития» (Открытие Индии... С. 456). Океан и Гималаи защищали от иноземных вторжений. «Природа в изобилии предоставляла пищу, и человек был избавлен от тяжелого труда и борьбы за существование... Когда нет необходимости затрачивать энергию на решение насущных жизненных проблем, на освоение природы и подчинение ее сил, люди начинают думать о более возвышенных материях, о том, как сделать жизнь более духовной. Возможно, что расслабляющий климат склонял индийцев к покою и уединению» (там же). В таких природных условиях сформировался своеобразный характер, определивший специфику индийской культуры.

Каждая культура имеет свою глубинную черту, которая сообщает ей уникальность и является самым ценным из того, что вносится ею в мировую цивилизацию. Чтобы понять какую-либо культуру, надо принять за основу изучения то, чем она наиболее отличается от нашей. Для индийской культуры это концепция перевоплощения (**реинкарнации**) и воздаяния (**кармы**) как результат напряженного внимания к проблеме жизни и смерти и взаимоперехода из жизни в смерть и из смерти в жизнь. В свою очередь, развитие концепции перевоплощения предопределило то, что проблема жизни и смерти стала главной в древнеиндийской культуре. Налицо взаимовлияние между преимущественно духовно-мистической направленностью индийского национального характера и формированием концепции перевоплощения.

Махатма Ганди, написав Л. Толстому письмо с предложением опубликовать его статьи в Индии, просил разрешения исключить места, где Толстой критиковал перевоплощение. «Вера в перевоплощение или переселение душ очень дорога миллионам людей в Индии, а также в Китае. Можно сказать, что для многих это уже вопрос личного переживания, а не только теоретической допустимости. Она разумно объясняет многие тайны жизни. Она служит утешением» (Весть. М.; Дели, 1987. С. 48). Толстой отвечал с христианских позиций: «по моему мнению, вера в реинкарнацию никогда не может быть так тверда, как вера в неумираемость души и в справедливость и любовь Бога» (там же. С. 49).

Концепция перевоплощения душ, как и предшествовавшие ей не столь развитые, есть реакция на осознание смерти и попытка преодолеть ее страх. Духовная культура произошла из осознания смертности, и этот вопрос являлся наиважнейшим для многих культур. Проблема смерти была решена в индийской культуре отрицанием ее.

Понятие кармы — ключевое для индийской мысли и в основе своей имеет этический характер. Тиран, уничтоживший миллионы, после смерти с почестями хоронится; вор живет припеваючи, имея все блага жизни и не опасаясь ни тюрьмы, ни сумы. Наше чувство справедливости оскорблено этим. Но что можно сделать

с тираном на троне? Если не видим возмездия на земле, ничего не остается, как верить в справедливость потустороннюю, и мы говорим: «Бог накажет». Если не здесь, то после смерти злодею ждет возмездие. Но Бог сам решает, кого наказать, кого помиловать, а не по нашему разумению и просьбе. В соответствии же с концепцией кармы возмездие наступает неизбежно. И тираны боятся неотвратимости наказания, поэтому немного их было в Индии. Бога пытаются умиловить молитвами, покаянием, соблюдением обрядов, принятием монашества перед смертью. В индийской культуре наказующий Бог не нужен, и поэтому буддизм вполне последовательно отказался от веры в богов.

Учение о карме — это учение о естественной нравственной причинности. Г. Спенсер считал, что этика станет подлинной наукой, когда можно будет вывести общие правила жизни из ясно определенной причины и открыть неизбежные соотношения между поступками и их последствиями. Хотя индийцы не создали этики в научном смысле, но они были убеждены в существовании естественной этической причинности. Поэтому С. Радхакришнан справедливо пишет, что психология и этика являются в Индии основными науками. Существует опыт, подтверждающий естественную причинность (воспоминания о предыдущих рождениях и т.п.), но нет общезначимости полученных результатов. Тут открывается поле для научных исследований. Быть может, естественную этическую причинность можно будет когда-нибудь научно обосновать, но для этого понадобится иная наука по своему соотношению с нравственностью, хотя столь же строгая, как физика и математика.

В соответствии с законом кармы, что посеешь в этой жизни, то пожнешь в жизни будущей. Нравственный закон приобретает абсолютный статус. Законом кармы обосновывается социальное устройство Индии — наличие каст, наследственный характер которых имеет расовую основу. Законом кармы объясняются страдания невинных и гибель младенцев — значит, в предыдущих жизнях ими были совершены прегрешения.

С верой в перевоплощение связаны главные особенности индийского национального характера. Индийцы не столь индиви-

дуалистичны, как европейцы, в том плане, что не склонны придавать основополагающее значение собственной личности как таковой, коль скоро она не более чем одежда вечного Я. Однако они индивидуалистичны в том смысле, что осознание и слияние с высшим Я, одинаковым во всех людях (высшее не имеет качественных различий), требует личных усилий и не может прийти извне.

Далее. Индийцы более терпимы к чужим мнениям и верованиям, более склонны к ненасилию, более заботливы к окружающему миру, коль скоро их души после смерти могут войти в других людей и даже в животных.

Индийцы более склонны обсуждать проблему долга и обязанностей, а не прав личности, коль скоро главным является не становление собственной индивидуальности, а соединение с Единым, частью которого является собственная душа. Имеется в виду долг по отношению к богам, пророкам, предкам, животным. «Тот, кто выполняет свои обязанности перед всеми ими — хороший человек» (*Радхакришнан С.* Индийская философия: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 107).

По индийским верованиям человек рождается дважды: первый раз телом, а второй — духом. Это есть рождение в культуре, и такой человек называется дваждырожденным. Человек в Индии может быть физически закрепощен, но духовно свободен. Вера в перевоплощение душ уменьшает чувство страха, которое сильнее при ощущении единственности и конечности существования; настраивает на то, чтобы ближе подходить в своем мышлении к границе между жизнью и смертью и устремляться к потустороннему, лежащему за обычной жизнью. «Это не призыв отказаться от мира, а только призыв оставить мечту о его обособленной реальности» (там же. С. 182). Причем эта устремленность не умозрительного или словесного свойства, а сопровождается тягой к проверке метафизических положений на собственном опыте. Престиж мудрецов и отшельников, которые посвящали себя этому, был очень высок. Нравственный идеал Древней Индии — аскет, нищенствующий странник, достигший освобождения от оков чувственного бытия.

Поскольку наш мир всего лишь проявление высшей реальности, одним из основных достоинств человека выступает неприязнанность к нему, освобождение от страстей и желаний, связанных с миром. Большое значение имело приобретение власти над собой. В описании идеального общества в «Рамаяне» есть такая строка: «И не было там над собой не имеющих власти» (Махабхарата. Рамаяна. М., 1974. С. 389). Достигалось это с помощью аскетизма и специальных упражнений. О йогах еще в древности рассказывали чудеса. Цель йоги — достичь полного освобождения от уз мира, спокойствия и состояния, в котором человек перестает чувствовать и мыслить и сливается с Единым. Йоги могли угадывать будущее, мгновенно перемещаться в любую точку пространства, изменять параметры своего тела и т.д. Изучение возможностей психики достигло впечатляющих размеров, и люди, овладевшие ими на практике, как и жрецы, почитались выше богов. Отсюда прямой путь к отрицанию богов в буддизме. Вера в то, что все в мире едино в своей основе, расширяла масштабы видения и способность к синтезу самых разнообразных взглядов. Эти черты характера определили индийскую мысль, но мышление, в свою очередь, влияло на развитие характера нации, так что нелегко выяснить, что первично, а что вторично.

Положение, общее для всех индийских религий, — о **Единой** истинной реальности, материализация которой — наша Вселенная. В «Махабхарате» имеется обоснование того, что индивидуальная душа человека — часть Единого: «ведь не может восстановиться разбитое палицей тело, так и обособленное сознание (джнана) стать иным не может» (Мокшадхарма. Ашхабад, 1983. С. 167). Значит, в этом случае и перевоплощение невозможно. Оно возможно, только если есть Единое, и само служит доказательством его наличия. Если бы Единое могло распадаться на части, то не было бы вечным. Вечность оказывается неотъемлемым свойством Единого, как, стало быть, и истинность, поскольку истина неизменна. Слово «сат», которым обозначается истинное бытие, означает также реальность и совершенство. Единое реально, совершенно, вечно и истинно.

Индийская культура, подчеркивал Неру, не отрицает жизнь, но делает упор на ее конечную цель. «Индийские мыслители являются пессимистами, поскольку они смотрят на мировой порядок как на зло или ложь; но они оптимисты, так как чувствуют, что имеется выход из него в царство истины, которое является также благом» (*Радхакришнан С. Индийская философия... С. 37*). Индийская философия мистична, и это не удивительно, если согласиться, что чувственный мир — иллюзия («майя»), а истина вне его. Значит, чтобы достичь истины, надо уйти из мира, погасить все чувства и мысли, поскольку они обусловлены этим миром. В этическом смысле отрешенность означает отказ от мирской суеты для настройки на божественную волну. Конечно, если считать, что настраиваться не на что и ничего кроме чувственного мира нет, иллюзией будут все подобные попытки.

Мир — иллюзия, потому что существует высшая реальность — Единое. Вивекананда привел пример призмы, смотря через которую на качественно однородный предмет видят его в цвете. Так на весь мир мы смотрим как бы через призму. Но наличие в культуре понятия «майя», конечно, не означает, что каждый индеец считает жизнь нереальной.

Добро и зло — свойства майи, но для слияния с Единым человек должен обладать определенным набором нравственных качеств: отрешенность от суеты, стремление к истине, воздержание, незлобивость, непричинение вреда живому и т.д. Особо следует отметить принцип «не вредить живому» (**ахимса**). «Доброта и сострадание ко всему живущему на земле является главной чертой индийской этики» (*Радхакришнан С. Индийская философия... С. 183*). Принцип ахимсы в отличие от христианского «непротивления злу» распространяется и на животных, в которых тоже может перейти в следующих воплощениях душа человека. По отношению к ненасилию диапазон древнеиндийских взглядов простирается от последовательной ахимсы джайнистов до оправдания насилия «Бхагавад-Гитой», а по отношению к страданию вообще — от понимания его как школы жизни, что получило законченное обоснование у Вивекананды, до стремления как мож-

но скорее кардинально преодолеть его, отказавшись от цепи перевоплощений, — у буддистов. Что насилие — зло, не вызывает сомнений, а вот страдание — если и зло, то отнюдь не всегда и меньшее, чем насилие (лучше страдать самому, чем заставлять страдать других).

Мир — зло, но человек путем добра может освободиться от него. «После категории реальности наиболее важным понятием в индийской мысли является категория **дхармы**» (*Радхакришнан С. Индийская философия... С. 38*). Неру пишет, что «дхарма означает больше, чем религия. Корень этого слова имеет значение «держаться вместе». Это внутреннее строение вещи, закон ее внутреннего бытия. Это — этическое понятие, включающее кодекс морали, праведность и весь круг обязанностей и ответственности человека... Сама эта дхарма была частью риты, основного морального закона, направляющего жизнь вселенной и всего, что содержится в ней» (*Открытие Индии... С. 47, 63*). Дхарма — долг, и имеет то же значение для индийской культуры, как права личности для западной. Понятие дхармы потому так важно для индийцев, что они видят высшую цель человека в слиянии с Единым, а чтобы достичь этого, необходимо личное нравственное совершенствование.

В каждом человеке есть индивидуальная душа — **атман**, которая соотносится с Единым, как капля воды с океаном; как воздух в сосуде с воздухом вокруг него. Приобщение к Единому идет через молитвы, ритуалы жертвоприношений, изучение Вед и т.д. Идеальная жизнь предполагает жертвенные церемонии, гостеприимство, милосердие, любовь к людям, защиту живого. Нравственный долг человека — дхарма, в соответствии с одним из древнейших индийских правовых трактатов «Законы Ману», имеет 10 признаков: «постоянство, снисходительность, смирение, непохищение, чистота, обуздание чувств, благоразумие, знание Вед, справедливость и негневливость» (*Законы Ману. М., 1960. С. 125*).

Отношения с другими людьми регулируются правилом: «Надо тщательно избегать всякого дела, зависящего от чужой

воли, но что зависит от своей воли, надо исполнять ревностно. Все зависящее от чужой воли — зло, все зависящее от своей воли — благо; необходимо знать это краткое определение блага и зла» (там же. С. 92).

Знание связано с добродетелью не на уровне интеллекта, а на уровне высшего духовного мышления (или сверхсознания), которое есть источник вдохновения поэтов, художников, проповедников. Так, поэт оказывается близок пророку, а гений и злодейство становятся несовместными. Тут совпадение с античностью и разрыв с Западом, разведшим знания и добродетель.

В духовной и терпимой индийской культуре сформировалось представление об иллюзорности нашего мира в том смысле, что есть другой мир, единственно истинный, который является источником духовной культуры. В этом отражается понимание того, что для творения духовной культуры надо отречься от земного. Индийцы создали великолепно-загадочную культуру, ключ к которой в отречении от заземленно-низменного. Эти идеи дошли до наших дней и воплотились в XX в. в ненасильственное сопротивление М. Ганди, приведшее Индию к политической свободе.

Хронологически древнеиндийскую культуру можно разделить на два периода: 1) ведическо-мифологический (приблизительно 1500—600 гг. до н.э.), когда были написаны «Веды» и созданы древние ведическая и брахманическая религии; 2) эпико-религиозный (от 600 до 200 гг. до н.э.), когда были созданы два главных индийских эпоса «Махабхарата» и «Рамаяна» и дошедшие до наших дней религии — буддизм, джайнизм и индуизм.

ВЕДИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Один из древнейших памятников мировой культуры, которому более 3000 лет, — Веды (в переводе с санскрита «знание»; тот же корень в русских словах «ведать», «ведьма»). В нем действуют дравидские боги, которым поклонялись еще до прихода ариев: Вишну — бог Солнца, Шива — бог Плодородия, Брахма — верховный бог, отождествившийся с Единым, и присоединившие-

ся к ним боги арийских племен во главе с Индрой — богом-громовержцем, аналогичным Зевсу древних греков и Перуну славян.

Самая древняя из Вед — Ригведа («Веда гимнов»). Гимны пелись во время жертвоприношений с целью умилостивить богов и природу. В Ригведе повествуется о созидающей роли жертвоприношения: учредив данный обряд, боги в ходе его «произносили имена всевозможных предметов и живых существ, которые тотчас же по назывании обретали бытие» (Мифологии древнего мира... С. 289). Так идея жертвоприношения связывается с рождением.

В Ригведе же говорится о том, что боги вменили в обязанность первому человеку совершать на земле жертвоприношения ради торжества истины и гармонии. Жертвой был и первозданный человек — Пуруша, от которого произошла Вселенная и четыре касты индийского общества. Боги рассекли Пурушу на части. Брахманы, или жрецы, произошли из уст Пуруши; кшатрии, или воины, из его рук; вайшьи, или ремесленники, торговцы, земледельцы, — из его бедер; шудры — из его стоп. Разум Пуруши стал месяцем, глаз — Солнцем, дыхание — ветром, а изо рта Пуруши родился огонь. Расчленение Пуруши — жертвоприношение во имя людей, аналогичное добровольной гибели Христа, но здесь речь идет о создании, а не о спасении людей.

Первый жертвенный обряд богов представлял собой первый акт творения; «при этом все, тогда еще неупорядоченные, элементы космоса были заключены в теле приносимой жертвы, мыслившейся в образе гигантского антропоморфного мужского существа» (Мифологии древнего мира... С. 292—293). Боги создали мир сообща, устроив первое жертвоприношение. «Сила, таким образом, заключена не в Индре, а в жертвенном обряде» (там же. С. 292). Идея создания космоса посредством жертвоприношения иная, чем идея происхождения из хаоса, которая наиболее подробно изложена в греческой мифологии.

Смысл жертвоприношений заключается и в последующем поддержании того мирового порядка, который создан первым жертвоприношением. «Бесперывное ритмичное функциониро-

вание космического механизма зависело от совершения согласованными усилиями богов и людей жертвоприношений, посредством которых они взаимно усиливали друг друга. Этот процесс представляется бесконечным. Когда сила привела вселенную в движение, тенденции к беспорядку, дезорганизации не были полностью искоренены. Каждый день солнце заходит, и его необходимо снова вывести на небо из темного подземного пространства; воды должны ниспадать с небес, чтобы питать влагой растения и обеспечивать человечество пищей» (там же. С. 290—291). В «Бхагавад-Гите» говорится о йоге жертвы.

Ни в какой другой культуре жертвенность не была так обоснована, как в индийской. То, что Ригведа состоит из гимнов, предназначенных для исполнения в ходе общественных жертвоприношений, говорит о важности этого ритуала в Древней Индии. Об этом свидетельствует и то, что высшей кастой была каста брахманов, которой подчинялись правители, принадлежащие к следующей по значению касте воинов.

В Ригведе встречаем представление о Едином. «Един Огонь, многообразно возжигаемый, едино Солнце, все проникающее, едина Заря, все освещающая, и едино то, что стало всем (этим)» (Ригведа, VIII, 58). Из единства реальности вытекает важное в философском смысле представление Вед о единстве истины. Единое неопределимо, так как всякое определение есть ограничение, а первоначало ничем не ограничено, представляя собой недифференцированную целостность. В одном из гимнов Ригведы говорится, что время породило небо и землю, и это согласуется с современной научной моделью происхождения материи, созданной в синергетике.

Помимо Ригведы в состав Вед входят Самаведа — сборник гимнов, которые исполняют во время подготовки и в начале обряда жертвоприношения; Яджурведа — руководство для жрецов по проведению жертвоприношений; Атхартваведа — четвертая и самая поздняя из Вед (ок. 200 г. до н.э.), в которой речь идет преимущественно о медицине, исцелениях, соответствующих обрядах и магических заклинаниях.

На основе Вед во II—начале I тысячелетия до н.э. сложилась самая древняя индийская религия — ведическая. Пантеон ведической религии составили прежде всего антропоморфные олицетворения сил и явлений природы: Агни — бог огня, Индра — атмосферы, дождя и грозы, Сурья — Солнца, Варуна — неба, Сома — Луны и опьяняющего напитка и т.д. Это были боги воинственных ариев, вторгшихся на территорию Индии и покоривших местные племена дравидов. Они напоминают языческих богов древних славян во главе с Перуном. Переход к оседлому образу жизни и образование государства изменили значение этих богов. По мере разложения первобытнообщинного строя, становления государства и классов функции богов усложняются. Индра становится богом войны, царем богов и покровителем земных царей, Варуна — божественным судьей и т.д.

Боги постоянно воевали со злыми демонами асурами (здесь параллель с зороастризмом), отражая воинственный характер первобытных ариев и их нацеленность на борьбу и завоевания. Боги и демоны почитались как явления природы, что свидетельствует о первоначальном анимизме. Затем они стали олицетворять социальные силы. Некоторые основные положения ведической религии (признание священного характера Вед, избранность высших варн, культ богов Вишну, Шивы и др.) дошли до наших дней и сохраняются в индуизме.

Основу культа ведической религии составляли жертвоприношения. Руководили принесением жертв сначала главы племен, общин, семей, а после образования кастовой системы профессиональные жрецы — брахманы. По их названию и имени бога Брахмы следующий этап религиозного развития Древней Индии получил название брахманизма.

БРАХМАНИЗМ

Брахманизм возник в результате изменения ведической религии под влиянием верований автохтонного населения Древней Индии, завоеванного ариями и вследствие развития классовых отношений в начале I тысячелетия до н.э. Брахманизм сформир-

ровался в период становления рабовладельческого строя. К этому времени образовалась устойчивая кастовая система, и жизнь индийцев приобрела спокойный вид. Соответственно на первый план вышли другие боги, среди которых были заимствованные у покоренных племен. Верховные боги брахманизма Брахма — творец Вселенной и ее олицетворение, благодетельный Вишну и грозный Шива. Представление о каждом из трех высших богов развивалось своей кастой: Брахме — кастой брахманов, Вишну — кастой кшатриев, Шиве — двумя низшими кастами. Брахманизм учил, что наряду с ведическими богами существует бог-творец Брахма, к слиянию с которым должны стремиться бессмертные души всех живых существ, являющиеся частицами Брахмы. На пути к этой конечной цели стоит колесо перевоплощений — сансара, а форма новых воплощений зависит от кармы. Сам Брахма не является объектом культа в отличие от Вишну и Шивы.

В священную литературу брахманизма помимо собственно Вед входят комментарии к ним (брахманы, араньяки и упанишады). В Индии издавна бытовало представление о четырех стадиях жизни, которые должен пройти человек: ученика, изучающего Веда; главы семьи, приносящего жертвы; отшельника, покинувшего свой дом и живущего в лесу; аскета-монаха, у которого нет жилища и собственности, а только стремление к слиянию с Единым. Им соответствуют четыре части ведической литературы — собственно Веда, брахманы, араньяки, упанишады.

Брахманы представляют собой ритуальный комментарий к Ведам, написанный для жрецов, и содержат тексты, используемые при жертвоприношениях. Они требовали правдивости, благочестия, уважения к родителям, любви к людям, доброты к животным, воздержания от воровства, убийства, прелюбодеяния. Араньяки (от «аранья» — лес) — тексты для отшельников.

Большое значение в древнеиндийской традиции придавалось непосредственной передаче знания. «Лишь знание, полученное от учителя, ведет по самому прямому пути» (Древнеиндийская философия. М., 1963. С. 98). Упанишады буквально значат «сидеть подле». Имеется в виду ученик, слушающий наставления и

разъяснение учителем Вед. На стадии упанишад более ценится не жертвоприношение, а размышления. В Ведах Единое представляет собой Бога. В упанишадах Единое — безличное начало. Совершается постепенный переход от политеизма к монотеизму и монизму, эволюция представлений об основе всего сущего от Пуруши через личное начало — Праджapati до безличной причины — Брахмана.

Человек в упанишадах образно определяется так: «Знай, что атман — это едущий в колеснице, тело — колесница. Знай, что разум — возница, мысль поистине узда. Говорят, что чувства — это кони, а то, что действует (на чувства) — их пастбище. Мудрецы говорят, что упряжка из тела, чувств и мыслей и есть наслаждающийся (атман)» (Древнеиндийская философия. М., 1972. С. 231). Человек состоит из намерения. «Каков замысел человека в этом мире, таким он будет в том мире» (Чхандогья-Упанишад. III, 14, 1). Вследствие греха телесных деяний человек идет к состоянию неподвижности (т.е. возрождается растением), словесных — к состоянию животного, умственных — к состоянию человека низкого рождения.

Так как чувственный мир — иллюзия, тот, кто ищет земных благ, заблуждается. Он ищет приятного и тем самым удаляется от истины. Жизнь в реальном мире неистинна, поэтому цель человека — достигнуть такого нравственного совершенства, чтобы преодолеть колесо перевоплощений и больше не рождаться вовсе. Упанишады ориентируют на внутреннее очищение разума: «не ненавидь и не поддавайся гневу, злости и жалости». Этика упанишад индивидуалистична, но в идеале индивидуализм преодолевается в слиянии с Единым. Нравственное требование любви осуществимо именно потому, что есть Единое. Моральная активность не является самоцелью — когда «познание Атмана достигнуто, всякое действие, а потому также всякое моральное действие лишено значения» (*Радхакришнан С.* Индийская философия... С. 192).

В упанишадах опорой человека называется дыхание, и это предопределяет роль дыхания в системах йоги. «Ибо поистине дыханием достигается бессмертие в этом мире, разумом — истин-

ный замысел» (Древнеиндийская философия. М., 1972. С. 203). Приняв это, индийцы разработали йогические упражнения для дыхания и разума.

Интерес упанишад к Единому объясняется тем, что человек смертен, и единственный способ мыслить его вечность в том, чтобы представить его как часть, а еще лучше как тождество с Единым. «С мыслью: (есть лишь) этот мир и нет другого — он снова и снова попадает в мою власть», — говорит бог смерти в «Катха-Упанишаде». «Постоянно держа поднятыми три (части) тела (голове, шею, грудь. — А.Г.), вовлекая чувство и мысли в сердце, пусть мудрец переправится на ладье Брахмана через все потоки, внушающие страх» (там же. С. 249). Это и стало основной целью индийской культуры.

Важной заслугой упанишад было переосмысление ритуальной жертвы в жертву духовную, и тем самым сделан шаг от мифологии к философии и религии. Жертвоприношение не теряет своего значения, оно меняет форму. Дальше в этом направлении пошел Будда.

Важнейшими добродетелями брахманизма считались: беспрекословное подчинение брахманам и царской власти, выполнение правил поведения своей касты и соблюдение предписанных ей обрядов. Это ведет к новому, лучшему перерождению души, тогда как нарушение требования дхармы — к несчастливому перерождениям.

Брахманизм давал религиозное обоснование социальному неравенству, кастовому делению, освящал привилегированное положение жрецов, составлявших сословие брахманов. Членам каждой из четырех варн предписывались особые правила поведения, права, гражданские и религиозные обязанности. Учение о посмертном воздаянии способствовало стабильности общества, и таким образом брахманизм выполнял важную социальную функцию. Главным критерием оценки поведения человека являлось выполнение или нарушение дхармы — образа жизни, установленного Брахмой для каждой варны. Решающее значение придавалось обрядам — сложному ритуалу жертвоприношений богам, номинальных приношений предкам и т.п.

Брахманизм развивал представления о способности человека посредством аскетических подвигов добиться благоволения богов и приобрести сверхъестественные способности. В борьбе с возникшими новыми религиями — джайнизмом и буддизмом — и под их влиянием брахманизм в середине I тысячелетия до н.э. трансформировался в индуизм.

ДЖАЙНИЗМ

Эта религия возникла почти одновременно с буддизмом в VI в. до н.э. как реакция на брахманизм с его утверждением кастовой системы индийского общества. Ее название происходит от имени ее легендарного основателя Джины, что значит Победитель.

В отличие от «среднего пути» буддизма джайнизм выбрал аскетизм как средство достижения истины. С его помощью очищаются от грехов и покидают круг перевоплощений, в котором души блуждают, пока не найдут спасения через Джину.

Джайнизм считал, что для достижения освобождения (мокша) необходимо искупить всю плохую карму, накопленную в течение предыдущих жизней, а для этого следует вести аскетический образ жизни, совершать добродетельные поступки и не причинять вреда живым существам. Джайнизм не признает тождества индивидуальной души абсолютному духовному принципу — Единному — и тем самым считает освобождение результатом чисто индивидуального действия. В основе учения джайнов лежит представление о плюрализме обособленных индивидуальных душ (джива) и противопоставление им неодушевленной природы (аджива). Высшим идеалом джайнизма выступает душа, полностью освободившаяся от влияния неодушевленной материи. Джайнизм очень строгая религия, и в силу этого она не могла получить широкого распространения.

В основе джайнизма лежит поклонение 24 пророкам, последним из которых и является основатель джайнизма Махавира, по прозвищу Джина. Рассказы о Джине и его учениках составляют каноническую литературу джайнизма. Пять моральных истин джайнизма: не убивай, не лги, не воруй, не привязывайся к зем-

ным вещам, будь целомудрен (для монахов) — напоминают 10 заповедей Ветхого Завета. Джайнизм сохраняет веру в перевоплощение душ и карму, но, как и буддизм, отрицает кастовый строй, священный характер Вед, брахманистские обряды. Вместо них в джайнизме существуют свои обряды: поклонение Джине как божеству и его ученикам, чтение священных текстов, публичные исповеди.

Наряду с такими моральными принципами поведения, как милосердие, терпение, смирение, простодушие, умиротворенность ума, воздержание от лживости, воровства, всех привязанностей и земных интересов, потворства своим слабостям, особую ценность приобрел принцип ахимсы. Уважение ко всему живому и воздержание от нанесения ему вреда — одна из главных черт джайнизма. Последователи этой религии полагали, что, поскольку индивидуальная душа (джива), являющаяся частью Бога, находится во всех живых существах, надо воздерживаться от причинения вреда не только людям, но и животным и растениям. В «Книге о хорошем поведении» из джайнистского канона говорится: «Причинение вреда земле подобно избиению, ранению и убийству слепого». Джайнистские монахи ходили с веничком, подметая землю перед собой, и одевали на лицо сетку, чтобы ненароком не навредить живым существам.

Интересно сравнить ахимсу с христианским идеалом непротivления злoму, выдвинутом в полемике с известным положением Ветхого Завета «око за око». Идеал ахимсы относится к большему кругу объектов и говорит не о непротivлении, а о не причинении вреда живому. В применении к человеку это, по существу, одно и то же, потому что непротivящийся злoму, конечно, не будет сам первый причинять зло. Но принцип ахимсы относится и к животным. Он не исключает, впрочем, ненасильственного сопротивления.

ИНДУИЗМ

Основная современная религия Индии — индуизм — сформировалась в VI—IV вв. до н.э. как реакция на распространение

буддизма и джайнизма. После появления буддизма и джайнизма традиционная индийская религия вынуждена была видоизмениться, и ее новая форма получила название индуизма. Индуизм по-своему монотеистичен, признавая Бога-творца, но не отрицая других богов. Смысл индуизма, по Неру, «живи и жить давай другим». «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными способами. Человек может не верить в бога и все же называть себя индусом» (Открытие Индии... С. 48). Понятие «индус» — религиозное, а не национальное.

В основе индуизма, помимо Вед, лежат два выдающихся эпоса Древней Индии, возникшие примерно в середине I тысячелетия до н.э., — «Махабхарата» и «Рамаяна». Ауробиндо Гхош писал о «Рамаяне»: «С одной стороны, перед нами предстает идеальное мужество, божественная красота добродетели и этического порядка, цивилизация, опирающаяся на дхарму и претворяющая в жизнь моральный идеал, который заключается в едином неудержимом стремлении к красоте и гармонии; с другой стороны, дикие, анархические и почти аморфные силы сверхчеловеческого эгоизма, своеволия и торжествующего насилия» (Открытие Индии... С. 370).

Основная доминанта «Махабхараты» — идея дхармы. «Здесь ведическая концепция борения двух начал — правды, света и единства с силами тьмы, разделения и лжи вынесена из сферы духовной, религиозной, внутренней в сферу внешнюю, интеллектуальную, этическую, жизненную» (там же. С. 368). Мир, спокойствие и гуманность побеждают эгоизм и самоволие. «Это — все та же борьба дэвов с асурами, богов с титанами, но представленная как конфликты человеческой жизни» (там же. С. 369).

В «Махабхарате» разъясняются основные положения древнеиндийской этики. Человек должен быть не привязан к себе и своему деянию, но действовать должен сам: «Свой долг надлежит выполнять в одиночку, нет общности дхармы» (Мокшадхарма. Ашхабад, 1983. С. 71). «Истина движет богами» (там же. С. 95) и, стало быть, выше богов.

Интересное обоснование концепции перевоплощения сновидениями заставляет вспомнить рассказы переживших клиническую смерть. «Как во сне человек видит от себя отличным свое на земле распростертое тело, так (после смерти) связанный со слухом и прочими (чувствами), с превеликим, с буддхи от одного образа переходит к другому» (там же. С. 111).

Наиболее важной частью «Махабхараты» является «Бхагавад-Гита» (песня о Бхагаване — одно из имен бога Кришны). Управляющий колесницей Кришна, считающийся воплощением Вишну — одного из трех главных богов индуистского пантеона, объясняет царю Арджуне, как он должен себя вести. Кришна советует Арджуне выполнять все обязанности, которые вытекают из принадлежности его к касте кшатриев, но быть при этом безразличным к результатам деятельности.

Арджуну одолевают сомнения в праведности битвы с врагами. «Мы грех совершим, убивая!.. Счастливыми, близких убив, мы не будем!» Кришна возражает: «Как можно пред битвою битвы страшиться? Смятение твое недостойно арийца. Оно не дарует на поприще брани небесного блага и славных деяний» (Махабхарата. Рамаяна. М., 1974. С. 172, 173).

Арджуна задает вопрос: «Еще мы не знаем, что лучше в сраженье: врагов победить иль познать поражение?» Кришна отвечает: «Мудрец, исходя из законов всеобщих, не должен жалеть ни живых, ни усопших» и объясняет почему: «Мы были всегда — я и ты и, всем людям подобно, вовеки и впредь мы пребудем» (там же. С. 174). Далее Кришна излагает концепцию перевоплощения и продолжает: «Есть в чувствах телесных и радость и горе; есть холод и жар, но пройдут они вскоре; мгновенны они... О, не будь с ними связан, о Арджуна, ты обуздать их обязан! Лишь тот, ставший мудрым, бессмертья достоин, кто стоек в несчастье, кто в счастье спокоен» (там же). Преходящие тела не истинны, истинно только вечное, которое нельзя убить: «Не плачь же о тех, кто слезы достоин, и если ты воин, — сражайся, как воин! Кто думает, будто бы он есть убийца, и тот, кто в бою быть убитым боится, — равно неразумны: равно не бывают и тот, кто убил, и

кого убивают» (там же. С. 175). Это опасные слова — ими можно оправдать — и так было — физическое убийство, коль скоро тело подобно «обветшавшему платью», которое мы сбрасываем и надеваем другое. Бренному телу Кришна противопоставляет Единое — «всепроникающее, вездесущее, неподвижное, устойчивое, вечно живущее, неопалимое и неуязвимое». Поэтому «исполни свой долг, назиданье усвоя: воитель рожден ради правого боя» (там же. С. 176). Это долг, разрушающий карму, и исполняющий его безгрешен, но что касается цели, то «удача подобна потере... горе и счастье равны в полной мере... победе равно поражение» (там же. С. 177). Совершая должное, следует быть незаинтересованным в плодах деяний. Если же человек привязан к миру, он не достигнет самадхи — состояния «восторга и счастья». Человек должен быть свободен от желаний. «Итак, не плодов ты желай, а деянья, а ради плодов прекрати ты старанья» (там же. С. 178).

Сказанное Кришной любопытно сравнить с другими местами «Махабхараты», в которых критикуется деятельность и которые давали основания для обвинения индийской культуры в проповеди пассивности. «Дела связывают существа, познание — освобождает, поэтому подвизающиеся, прозревшие Запредельное, дел не совершают» (Мокшадхарма... С. 261).

Человек, заключает Кришна, должен забыть и счастье и несчастье и быть приверженным только той радости, которая внутри него. «Кто в счастье спокоен и стоек в несчастье, не ведает гнева, и страха, и страсти» (Махабхарата. Рамаяна... С. 178). Человек не получает награды за добрые дела, потому что «ни зло, ни добро не приемлет Всевластный» (там же. С. 186). Творя добро, лучше не настраиваться на благодарность. Тем более не ждет ничего хорошего творящего зло, потому что действует закон кармы.

«Бхагавад-Гита» — самое популярное произведение в Индии, потому что обращено к обычному человеку и обещает ему, что, занимаясь повседневной деятельностью, он может надеяться на преодоление кармы и выход из колеса перевоплощений, не будучи ни знатоком Вед — брахманом, ни отшельником. Достаточно выполнять все, что полагается по долгу касты.

В «Бхагавад-Гите» раскрываются основные противоречия древнеиндийской культуры. Нравственное призвание личности признается в выполнении долга, предписанного кармой, однако сама личность считается как бы ненастоящей, и как тогда серьезно говорить об ее ответственности? В этом уязвимость оправдания убийства, с которым нравственное чувство не может примириться.

Основание стойкой в Индии веры в Единое в том, что истина может содержаться только в вечном, нерушимом, но не в преходящих телах. Однако представлением о всеобщей истине оправдывалось и существование тоталитарных обществ. Неру утверждал, что Махатма Ганди и его последователи не видели противоречия между ненасилием и «Бхагавад-Гитой», где бог Кришна побуждает Арджуну идти на бой. «Ясно, что концепция ненасилия значительно больше связана с побуждением, с освобождением от желания совершить насилие, с самодисциплиной и умением сдерживать ярость и ненависть, нежели с физическим уклонением от насильственных действий, когда они становятся необходимы и неизбежны» (Открытие Индии... С. 88). К несчастью, Кришна очень четко обосновал свою мысль, и его аргументы можно использовать для пропаганды насилия.

Разрыв «Бхагавад-Гиты» и ахимсы — разрыв между идеалом и реальной жизнью, который всегда существует. «Ахимса — всеобъемлющий принцип. Все мы — слабые смертные, пребывающие в пламени химсы. Пословица, гласящая, что живое живет за счет живого, таит в себе глубокий смысл. Человек не может ни минуты без того, чтобы сознательно или бессознательно не совершать внешней химсы. Уже сам факт, что он живет — ест, пьет и двигается, — неизбежно влечет за собой химсу, т.е. разрушение жизни, пусть даже самое незначительное. Поэтому приверженец ахимсы будет преданным своей вере лишь в том случае, если в основе всех его поступков лежит сострадание, если он старается избежать уничтожения даже мельчайших существ, пытается спасти их и, таким образом, постоянно стремится высвободиться из смертельных тисков химсы. Он будет становиться все воздержан-

нее, сострадательнее, хотя никогда полностью не освободится от внешней химсы» (Открытие Индии... С. 246–247). Действие невозможно без греха, но результатом деятельности должно быть добро, а это случится, если идеал всегда будет находиться перед глазами.

Слияние с Божеством называется в индуизме самадхи и считается конечной целью раджа-йоги. «Отделить сознание от тела и соединить его с Высшим Духом — это и есть самадхи (экстаз, высшее состояние), или освобождение сознания от всех состояний» (Энциклопедия тантризма. М., 2001. С. 401).

Индуизм представляет собой, по существу, реформированный брахманизм. Он появился в VI–IV вв. до н.э. Ведическая религия, брахманизм и индуизм — этапы развития одной религиозной системы. Индуизм — это приспособившийся к буддизму и джайнизму брахманизм, в какой-то степени ассимилировавший их. На протяжении нескольких веков он боролся за влияние с буддизмом и стал господствующим в Индии с IV–VI вв. н.э.

В индуизме нет единой догматики, обрядности, централизованной церкви, назначаемого и руководимого ею духовного клира. В каждом районе Индии в него входят элементы местных религий: почитание воды (реки Ганг), животных (коров, змей, обезьян, слонов), культ предков. Общим для всех течений индуизма является признание Вед священными книгами, учение о карме, сансаре, дхарме, представление о божественном происхождении кастовых различий.

Согласно воззрениям индуизма, три основные цели или фактора жизни, которые должны находиться в равновесии: дхарма — религия, долг, праведность; артха — материальные интересы, богатство и кама — чувственные удовольствия.

Высшей целью человеческой жизни в индуизме (в отличие от нирваны в буддизме) является спасение, выражающееся в соединении, слиянии атмана с Брахмой (мировой душой), достигаемом выполнением обязанностей, накладываемых кастой, в которой рожден человек, что ведет к новому лучшему перевоплощению. Брахма — объект не поклонения, а абстрактного мышления.

Верховный бог индийского пантеона триедин и обладает свойствами созидания (Брахма), сохранения (Вишну) и разрушения (Шива). В зависимости от главного объекта поклонения — Вишну или Шива — в индуизме различают вишнуизм и шиваизм. В вишнуизме особенно большую роль играют представления об аватарах — воплощениях Вишну в местных богах, людях и животных. Аватарой Вишну считается в индуизме Будда.

Местные божества, которых очень много, истолковываются как частные проявления главных богов (аватары). Самые почитаемые аватары Вишну — Рама и Кришна. Шива способен воплощаться в любом образе. Это самый мужественный, дерзкий и агрессивный бог индусского пантеона, вобравший в себя черты доисторических фаллических богов и ведического Рудры. Шива — разрушитель Вселенной, которую создал Брахма и сохраняет Вишну; покровитель воинов, аскетов и йогов; воплощение мужского начала. В буддизме он еще и дарующий нирвану.

Помимо двух основных течений индуизма, выделившихся в первой половине I тысячелетия н.э. — шиваизма и вишнуизма, имеется множество сект локального значения, таких, как тантризм, сохранивший сильную связь с древней магией, шактизм внутри шиваизма и т.д. В основе индуизма лежит реальная практика народных верований и обычаев, отличающаяся большим разнообразием в зависимости от местных условий.

Центрами отправления культа служат храмы и священные места, но главным образом местные алтари. Руководителями и наставниками выступают храмовые жрецы, деревенские брахманы, мудрецы (гуру), бродячие монахи и др. Многие культовые отправления совершаются перед домашним алтарем главой семьи.

В XIX—XX в. в Индии возникают религиозные реформаторские общества и организации, которые можно объединить под именем неоиндуизма. Исходную посылку индуизма составляет идея о внутреннем духовном единстве всех религий, различающихся своей внешней культовой стороной. На основе этого делаются попытки конструирования «универсальной» религии, ос-

вобожденной от фанатизма и местных особенностей каждой конкретной религии. Одним из важнейших стимулов данных попыток является распространение в Индии всех основных религий и необходимость примирения религиозных противоречий.

Индуизм в настоящее время является наиболее распространенной религией в Индии, которую исповедуют свыше 90% жителей Индии. Он также имеет последователей в Индонезии, Шри-Ланке и других странах Юго-Восточной Азии.

СИКХИЗМ

Сикхизм является, пожалуй, самой молодой религией на Земле. Он возник на севере Индии в Пенджабе в XV—XVI в. под влиянием гуру Нанака (1469—1539) на основе религиозно-реформаторского движения. Сикхизм сформировался как синтез индуизма и ислама. Целью этой религии было примирить последователей двух наиболее распространенных в Индии религий, а также представителей различных каст.

В основе сикхизма лежит идея единого Бога, выражающего себя во всем сущем. Сикхизм провозгласил равенство всех людей независимо от касты и социального положения, отрицал сложную обрядность и аскетизм, внешние формы почитания божества. В этом смысле его можно сравнить с европейским протестантизмом. Сикхизм проповедует, что только внутренние намерения и чистота в служении Богу являются для Бога мерой личности. Каждый из следующих за Нанакой гуру был реформатором в своей общине: индульской или мусульманской.

Третий гуру Амар Дас (1552—1574) превратил власть гуру в наследственную и стал основателем династии сикхских духовных правителей. Пятый гуру Арджуна (1581—1606) составил священную книгу сикхов Адигрантх, представляющую собой собрание стихотворений сикхских гуру, а также индуистских и мусульманских поэтов. Десятый и последний гуру Говинд Сингх (1675—1708) провел реформу внутри сикхской общины. В 1699 г. на общем съезде сикхов она была объявлена общиной равных, а общее собрание — высшим органом сикхов. Наследственная

власть гуру была отменена. Все сикхи были обязаны носить тюрбан, длинные волосы и бороду и постоянно иметь при себе три стальных предмета — меч, гребенку и браслет. Каждому сикху присваивается титул сингх (лев). В 1765 г. сикхи создали свое государство, которое просуществовало до 1849 г., когда его захватили англичане.

Сикхизм в современной Индии исповедуют около 20 млн человек, в основном живущих в штате Пенджаб. Религиозным центром сикхов является город Амритсар, где в «Золотом храме» хранится Адигрантх.

На примере развития религий в Индии хорошо видны этапы преобразования: сначала исходная ведическая религия со множеством богов (политеизм, выходящий из мифологии), потом на следующем этапе становление брахманической религии с одним высшим богом Брахмой (переход от политеизма к монотеизму) и далее разделение на три ветви: индуизм, продолжающий и развивающий брахманизм, джайнизм и буддизм, в которых обожествляется человек. Если сопоставить это развитие с христианством, то в нем также можно обнаружить сходные процессы: политеизм древних мифологических представлений Ближнего Востока переходит в монотеизм иудейской религии Ветхого Завета, затем разветвляющийся на иудаизм, закрепляющий традиции предыдущего этапа и четко следующий им, и христианство, в котором Бог-Творец и Его Сын, соединяющий в себе божественную и человеческую природу, представляют собой две ипостаси единого Бога. Такой же процесс постепенного, так сказать, очеловечивания богов происходил в несколько измененной форме и в Китае, в котором верховный бог древнекитайской религии Шан-ди в даосизме отождествлялся с Юй-ди и Хуан-ди.

Вопросы для повторения

- Каковы основные представления индийской культуры?
- Что такое карма и реинкарнация?
- Что такое Единое и атман?
- Что такое дхарма?

Глава 6. Религии Индии

- Каковы особенности ведической религии?
- Что такое брахманизм?
- В чем значение «Бхагават-Гиты»?
- Каковы особенности джайнизма?
- Что такое ахимса?
- Каковы особенности индуизма?
- Что такое сикхизм?

Литература

1. Открытие Индии: философские и эстетические воззрения в Индии XX в. / Редкол.: Э. Комаров и др. М.: Художественная литература, 1987.
2. Упанишады / Сост. А.Я. Сыркин. М.: Наука, 1991.
3. Бхагавад-Гита / Сост. Б.Л. Смирнов. СПб.: А-сад, 1994.

Глава 7

Буддизм как первая мировая религия

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Начиная с появления мировых религий, религия становится особой отраслью культуры, которую разделяют с мистикой и мифологией не только содержание, но организационное построение и формы взаимоотношения с обществом. После возникновения мировых религий становится возможным провести достаточно четкую границу между мистикой, мифологией и религией. Сделаем это на примере первой мировой религии — буддизма.

Буддизм отказался от признания священного характера Вед и, стало быть, всей предшествующей индийской мифологии. Основные свои догмы он воздвиг над мифологическим базисом, так что боги оказались подчиненными высшим закономерностям жизни, сформулированным буддизмом.

С формирования мировых религий исчезает политеизм. «Поли» заменяется на стадии мировых религий на «моно». Это монотеизм или, если так можно сказать, моноантропотеизм, один Бог, или один человек, или один Богочеловек, единый с Богом-Отцом.

На этапе мировых религий видим две тенденции: с одной стороны, Бог становится более абстрактным и отдаленным от человека (Аллах по сравнению с древнеаравийскими божествами), так что даже налагается запрет на его изображение. Бог лишается человекоподобных свойств. С другой стороны, на место богов становится человек (Будда в буддизме). Человекоподобный бог уступает место абстрактному Богу или идеальному человеку.

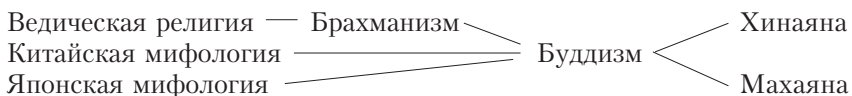
Христианство в плане этих тенденций занимает промежуточное положение, поскольку в нем имеется вочеловечившийся Бог, соединивший в себе абстрактную божественность с идеальной человечностью.

Глава 7. Буддизм как первая мировая религия

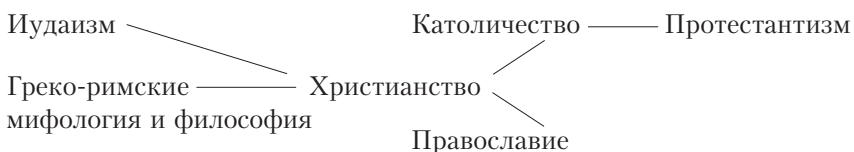
На этапе мировых религий моральная составляющая по сравнению с мифологически-обрядовой продолжает расти, как и рационально-абстрагирующий момент. Мировые религии отличаются от других наличием развитой догматики, которая рациональна не столько в основе, сколько в обосновании и объяснении. Догмы сменяют мифы, как хорошо видно в буддизме.

Если мифология является духовной причиной становления цивилизации как таковой, то мировые религии приводят к становлению мировых цивилизаций, объединяющих различные государства. Так, можно говорить о христианском мире, в состав которого входят католические и протестантские державы Западной и Центральной Европы и Америки и православные державы Юго-Восточной Европы, включая Россию; о буддистском мире — Юго-Восточной Азии; о мусульманском мире, протянувшемся от Индии до Испании. Мировые религии являются духовной причиной образования сверхдержав, столкновение между которыми может привести к созданию единой глобальной цивилизации.

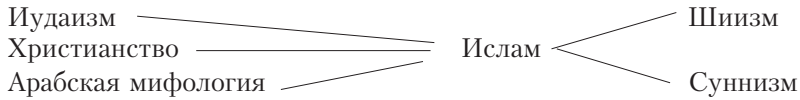
Особенностью мировых религий является то, что они не возникают в какой-либо одной культуре, а накладываются на различные культуры и часто видоизменяются под влиянием этих культур. Достаточно сравнить католичество и протестантизм, но это относится и к буддизму, и к исламу. В применении к буддизму следует говорить о влиянии ведической религии и брахманизма, китайской и японской мифологии. В схематичном виде это выглядит так:

Аналогично корнями христианства были иудаизм и греко-римская мифология и философия:

К исламу применима такая схема:

Общим для всех мировых религий служит признание равенства всех людей независимо от принадлежности к какой-либо касте или нации. В частности, буддизм выступил против кастовой системы Древней Индии. На стадии мировых религий можно рассматривать как один из факторов, творящих религию, личность основателя, что и будет сделано в отношении Будды, Христа и Мухаммада. После возникновения мировых религий людям следует подражать их создателям, что является самым трудным.

ЖИЗНЬ БУДДЫ

Индийская культура — культура самой древней религии, претендующей на то, чтобы считаться мировой. Сиддхартха Гаутама из рода Шакья-Муни, прозванный Буддой («Просветленный»), хотел того же, что и Гильгамеш, и подобно зороастрийцам рассматривал смерть как главное зло. Сына царя, жившего в VI—V вв. до н.э., ожидали все радости, доставляемые богатством и властью. Но он покинул свой дом и стал странствующим искателем истины. Изучив существовавшие в Древней Индии взгляды, он создал религию, не похожую на все, что было до него. И не только в древнеиндийской культуре.

Самая важная тема для Будды — тема человеческих страданий. Не он первый заговорил об этом. Древнегреческий философ Гегесий на основе вывода, что страдание в нашей жизни превышает удовольствие, утверждал, что смерть предпочтительнее жизни, за что получил прозвище «Учителя Смерти». В древнеиндийской культуре это же, а именно что страдания превышают удовольствия, утверждал и Будда, но его рекомендации отличались от древнегреческих. Решение Будды базируется на всем мифологическом и метафизическом богатстве индийской культуры и, прежде всего, на представлении о Едином и мире как ил-

люзии. Поэтому, чем скорее уйдешь из этого мира, но так, чтобы больше в него не возвращаться, тем лучше. К бесстрастности и отказу от личного Я надо стремиться для освобождения от цепи рождений и смертей — вот основной вывод Будды.

Как Сократ в Древней Греции, Будда опирался на разум и опыт, но главная задача для него — избавить людей от страданий. Исходные цели и инструменты те же, но выводы определяются спецификой данной культуры. В соответствии с основным направлением индийской культуры Будда пришел к выводу, что окончательного освобождения от страданий можно достичь, избавившись от колеса перевоплощений, от всех рождений и последующих смертей.

Страдания и аскетизм приветствуются в религиях, потому что они связаны с жертвоприношениями, способствуют достижению высших состояний прозрения и поворачивают человека лицом к духовному миру. Буддизм в этом отношении отличается от всех других религий, поскольку считает страдания злом, а избавление от них — благом.

На Будду в юности произвели большое впечатление встречи с больным, стариком и мертвым, которые показали ему неизбежность страданий. Есть в буддизме рассказ о том, что бог смерти Мара, искушая Будду, послал к нему трех своих дочерей: Вожделение, Неудовлетворенность и Страсть. Но Будда не обратил на них внимания. То, что в роли искусителя выступил бог смерти, понятно, так как Будда боролся именно со смертью. Будда понимал, что мысль о смерти особенно мучит и страшит людей, и потому часто говорил о ней. Смерть уносит с собою человека, говорил Будда, «подобно тому, как бурный поток уносит спящую деревню». Смерть имеет трех вестников: больного, старого, мертвого. И узрев их, человек должен творить благо делом, словом, помышлением.

В своей первой проповеди в городе Бенаресе Будда сказал, что избавление от смерти найдено. Это четыре истины и восьмеричный путь, на котором уничтожаются желания, что возможно только при отказе от себя. Все, имеющее начало, должно погиб-

нать, значит, надо отказаться от начала. Чтобы не было смерти, надо отказаться от жизни, от желания жить. Ученики Будды отреклись от семейных связей, от собственности и соблюдали строгое целомудрие.

В проповеди в городе Бенаресе Будда сформулировал четыре истины.

«Вот, о монахи, **благородная мысль о страдании**. Рождение есть страдание, болезнь есть страдание, соединение с нелюбимым есть страдание, разлука с любимым есть страдание; короче говоря, пятикратная привязанность [к земному] есть страдание.

Вот, о монахи, **благородная истина об источниках страдания**: это жажда [бытия], ведущая от рождения к рождению, связанная со страстью и желанием, находящая удовлетворение там и тут, а именно: жажда удовольствий, жажда бытия, жажда могущества.

Вот, о монахи, **благородная истина о прекращении страдания**: это уничтожение жажды путем полного подавления желания, ее удаление и изгнание, отдаление самого себя от нее, ее недопущение.

Вот, о монахи, **благородная истина о пути, ведущем к прекращению страдания**. Это священный восьмеричный путь, а именно: праведная вера, праведное намерение, праведная речь, праведные поступки, праведный образ жизни, праведное усилие, праведная мысль, праведная самососредоточенность» (*Чаттопадхья Д.* История индийской философии. М., 1966. С. 177).

Полное освобождение от страданий возможно в состоянии **нирваны** (буквально «затухание», «остывание», «угасание»), когда, потеряв все связи с миром, представление о собственном Я, иллюзии внешнего мира и собственных мыслей, человек сливается с неизменной и невыразимой полнотой бытия, как капля воды впадает в океан.

К достижению нирваны призван подготовить **восьмеричный путь** Будды. Он включает освобождение от заблуждений; отрешение от привязанностей к миру, от дурных намерений, от вражды к людям; воздержание от лжи; отказ от уничтожения живого; зарабатывание на жизнь честным путем; искоренение дурных

мыслей; постоянное повторение ранее усвоенного; правильное сосредоточение.

Из восьми ступеней первые две: правильные взгляды (осознание четырех истин) и правильное стремление (достичь нирваны), — относятся к сфере сознания. Три следующие: правильная речь (воздержание от лжи), правильное поведение (ненанесение вреда другим существам и т.п.), правильный образ жизни (добывание питания честными способами), — относятся к внешним формам деятельности. Три последние: правильное усилие (контроль за состоянием психики и т.п.), правильное направление мысли (не думать «это — я», «это — мое», т.е. не концентрировать внимание на собственной личности), правильное сосредоточение (достижение состояния отрешенности от мира и избавление от желаний), — относятся к внутриличностной трансформации.

Понятие нирваны как цели человеческого существования — основное в буддизме. Это такое состояние, под которым понимается «освобождение от собственного Я», преодоление любых мирских связей и, как результат, — «абсолютная свобода» от уз двойственности. Человек освобождается не только от страдания и угнетения, но и от самого себя как источника страданий. Это радикальное освобождение от страданий путем освобождения от собственной личности.

Понятие нирваны получаем, если отринем все возможные образы и определения. Ее определение отрицательное. Так же не подлежат позитивному определению понятия Я, душа, существо, что объясняется наиболее полно в «Алмазной сутре». С понятием нирваны коррелирует понятие чистого сознания, которое у Будды означает сознание, не отягощенное данными органов чувств.

Для достижения искомой цели Будда выбрал средний путь между аскетизмом и потворством желаниям. В своей первой проповеди он сказал: «О братие, в две крайности не должен впадать вступивший на Путь... Одна из них в страстях, соединена с наслаждением страстями, низкая, грубая, свойственная человеку непросвещенному. Другая соединена с самоистязанием, скорбная,

не святая и связана с тщетою» (Жизнь Будды. Новосибирск: Наука, 1994). Будда избрал средний путь, дающий прозрение, знание, ведущий к успокоению, высшему разумению, нирване. Будда указал, что дело не в самоистязании, а в самообуздании. Жечь надо не тело, а сердце, подобно тому, что когда телега не двигается, то ударяют по запряженному быку, а не по телеге. Будда не боится ни людей, ни даже богов, потому что у него нет желаний и ему нечего терять.

Как избавиться от желаний? «Желания происходят от восприятия мира, восприятия происходят от соприкосновений, соприкосновения с миром происходят из органов чувств, органы чувств из нашей телесности, но сама телесность есть призрак и видимость, порождение, так сказать, неправильного восприятия, результат неведения. Поэтому царство страдания уничтожается с приобретением истинного знания, с умиранием всех желаний» (История религии... С. 84).

Восьмеричный путь — это путь обретения добродетели. Как и Сократ, Будда считает, что «лучше стерпеть обиду, чем добродетелей лишиться» (Будда. История прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Око, 2001. С. 492). Незадолго до своей смерти Будда сказал: «истины, которые я преподавал вам, и правила, которые я дал общине, пусть они будут для вас учителем, когда меня не станет» (Жизнь Будды... С. 215).

СТАНОВЛЕНИЕ БУДДИЗМА

Три главных сокровища буддизма — Будда, его учение (дхарма) и религиозная община (сангха). Будда не оставил после себя никаких письменных сочинений. Сохранению его учения потомство обязано памяти его учеников. По смерти учителя Касьяпа (в другой транскрипции — Кашьяпа. — А.Г.), занявший его место, собрал все его метафизические обобщения, Ананда — правила морали и афоризмы, а Упали — правила аскетики. Учение Будды устно передавалось около трехсот лет. Наконец при царе Ашоке (259—222 гг. до н.э.) после Третьего Буддистского собора учение было записано на пальмовых листьях по приказу царя. Все уче-

ние Будды было собрано в трех книгах, известных под названием «трипитака» (три корзины) — Сутра, Винайя и Абхидхарма. В первой заключаются поучения, проповеди и афоризмы Будды, предназначенные для духовных и светских последователей. Наиболее известной частью этой книги является «Дхаммапада» — тексты и афоризмы, излагающие принципы морально-этической доктрины раннего буддизма. В Винайя-питаке содержатся предписания и правила образа жизни бхикшу и, наконец, в третьей — Абхидарма-питаке находится метафизическая часть учения.

Остановимся теперь на самом известном буддийском сборнике изречений «Дхаммапада», содержащем изречения самого Будды. Название «Дхаммапада» состоит из двух слов, каждое из которых многозначно. Слово «дхамма» означает «добродетель», «закон», «учение», «религия», «элемент», «качество», «вещь» и т.д. Слово «пада» в равной степени означает «стезя», «путь», «место», «средство», «причина», «основа» и т.д. Поэтому теоретически существует очень большое количество вариантов трактования названия «Дхаммапады»: «Стезя добродетели», «Стезя учения», «Основа закона», «Слово об учении». Особое положение «Дхаммапады» и ее исключительная популярность подтверждаются многочисленностью вариантов этого памятника культуры. Поэтому в историческом плане этот сборник весьма неоднороден: некоторые из текстов, более простые по форме, относятся к наиболее древним, другие же внесены позже.

Сборник состоит из 26 глав, посвященных разным темам. Например в «Главе парных стрóf» есть такое изречение Будды: «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто не таит таких мыслей, ненависть прекращается». Или: «Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вождление». Считается, что эта последняя фраза сказана Буддой брахманам, которые, решив стать его последователями, вспомнили вдруг о женах и близких. Начавшаяся гроза заставила их укрыться в домах. В одном из них была ветхая крыша, пропускавшая влагу. Имея это в виду и зная настроение брахманов, Будда обратился к

ним со словами, содержащимися в этих двух строфах. На этом примере показано, как рождались афоризмы «Дхаммапады».

В главе II «О серьезности» сказано: «Серьезность — путь к бессмертию. Легкомыслие — путь к смерти. Серьезные не умирают. Легкомысленные подобны мертвецам». В главе VIII «О тысяче» написано: «Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве». В главе IX «О зле» получает дальнейшее разъяснение начатая в предыдущей главе важная мысль о необходимости постоянных усилий на пути к просветлению, а также указывается, что малейшая уступка злу ведет к гибели. «Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу».

В главе XI «О старости» дано впечатляющее изображение старости, разрушения, бренности всего живущего. Наряду с этими картинками здесь приводятся слова Будды, направленные против тех, кто легкомысленно и беспечно относится к жизни, не задумываясь о ее смысле. «Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена, старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней».

Глава XII «О своем Я» раскрывает буддистское понимание души. Будда отвергал реальность индивидуального Я, души, предполагая только Я, данное в опыте. Такое понимание души, индивидуального Я сильно отличается от христианской традиции. «Ибо сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить». Эта мысль продолжена в главе XXV «О бхикшу»: «Ибо ты сам себе господин, ибо ты сам себе путь. Поэтому смири себя, как купец хорошую лошадь». Боги так же, по учению Будды, не могут спасти людей от страдания, как и другие люди. Поэтому отличия людей от богов не столь значительны.

В древнеиндийской мысли человек, понявший, что его душа нераздельна с Единым, сам становится божеством. В философской системе Санкхьи богов вообще нет. Бог не только дал чело-

веку свободу, но сам свободен в отношении к человеку. Он относится к нему, как он хочет, не руководствуясь поведением человека. И человек не должен возмущаться этим, ведь «то, что сделано в расчете на награду, не услуга, а отдача в долг» (Будда. Истории... С. 500).

В главе XV «О счастье» привлекают внимание положительные идеалы, воодушевлявшие последователей Будды в ранний период развития буддизма. Они противоречат представлению о том, что буддизм — пессимистическое учение. «Нет огня большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; нет несчастья большего, чем тело; нет счастья, равного спокойствию». И: «Здоровье — величайшая победа; удовлетворение — величайшее богатство; доверие — лучший из родственников; нирвана — величайшее благо».

Будда приготовил практический путь спасения для людей разных вероисповеданий и каст и обращается к ним на понятном им языке. «Я называю брахманом того, кто не совершил зла ни телом, ни словом, ни мыслью — кто сдерживает себя в трех вещах». Или еще более возвышенно: «Я называю брахманом того, чью стезю не знают ни боги, ни гандхарвы (мифологические мелкие боги. — А.Г.), ни люди; Архата, у которого исчезли желания».

Существует точка зрения, что джайнизм и буддизм возникли в результате протеста неарийского населения против жестко регламентированного ведического культа и кастовой системы. Джайнизм, возникший чуть ранее буддизма, можно считать одним из его источников. Но буддизм, не только отрицающий авторитет Вед, но и реальность мира и признающий материальную жизнь иллюзией, полагает, что страдания порождаются не столько самой жизнью, сколько неведением об ее иллюзорности и страстями, возникающими вследствие этого неведения.

Буддисты считают, что Будда открыл тайну, как избежать перевоплощений. Его подход предполагает признание неограниченных возможностей человека изменять свою внутреннюю природу, хотя и отрицает индивидуальную душу, соглашаясь лишь на возрождение характера в последующих воплощениях.

Буддизм возник в Индии на почве требования отрешенности от чувственного мира. Его цель — нирвана — состояние интенсивной духовной деятельности, которую описать можно лишь в негативных терминах, поскольку всякий термин ограничивает, а нирвана есть приобщение к безграничному. «Нирвана или избавление — это не растворение души, а ее вступление в состояние блаженства, которое не имеет конца. Это освобождение от тела, но не от существования» (*Радхакришнан С.* Индийская философия. М., 1956. С. 281). Это отказ от действия и желания, абсолютное спокойствие. «Нирвана есть лишь разрушение пламени вождения, ненависти и невежества» (там же. С. 381). Нирвана есть определенное психическое состояние субъекта, которое невозможно описать, но можно практически достичь. Это и пустота, и единство всего существующего, психологический коррелят Единого, частью которого становится человек, забывающий о своем Я. Это духовный покой без напряжения и конфликта, состояние совершенства, которое трудно постичь. Нирвана означает отказ от всего внешнего, земного — желаний, разума, семьи, самой жизни. Отказавшись от всего, человек получает все, которое тождественно ничто. Люди не могут реализовать свою истинную сущность без самоотречения и преодоления эгоизма, утверждает буддизм. Освободившись от собственного Я, человек оказывается способным соединиться с Богом. Последовательный в самоотрицании буддизм доходит до утверждения, что мир (а стало быть, любое Я) иллюзорен. Выше этого в отказе от Я человеческая мысль не поднималась. Награда за отказ от Я — вечный покой. Так полагает и индуизм. «Основные идеи буддизма были уже до Будды и глубоко присущи общиндуистскому мировоззрению» (*История религии... С. 70*).

Будда отрицал существование богов и тем самым последовательно развивал древнеиндийские представления. Если мир — майя, тогда и боги неистинны. Свое невнимание к потустороннему Будда объяснял так: человек, в теле которого застряла стрела, должен стараться извлечь ее, а не тратить время на размышления по поводу того, из какого материала она сделана и кем пущена. Но когда буддизм стал религией, сам Будда был обожествлен.

Буддизм отрицал необходимость молитв, священный характер Вед и в отличие от йоги считал излишними физические упражнения, признавая достаточным духовное сосредоточение, или медитацию, особенно ценимую в модном ныне дзэн-буддизме.

Главный аргумент буддизма против брахманических представлений: мир полон страданий, значит Создатель, если бы он был, не всемогущ или не всеблаг (возражение индуизма: мир — школа). Если мир кем-то создан, то человек лишь произведен от высшей силы, и нет места для нравственного выбора (возражение в христианстве: человеку дана Богом свобода воли).

В отличие от брахманизма и йоги буддизм сделал ставку не на определенную систему обрядов и упражнений, разных у различных народов, а на общечеловеческие нравственные ценности. В буддизме постоянно слышатся нотки борьбы с формальной обрядовостью: «почитание должно быть оказано осуществлением намерения, а не благоуханием венков и прочими приношениями» (Будда. Истории... С. 450). Буддизм выбрал средний путь между потворством желаниям, обычным для человека, и умерщвлением плоти, характерным для аскетов. Основной мотив буддизма этический — преодоление страданий, и именно это сделало буддизм мировой религией.

Истинно святым можно стать, только освободив себя от мирских забот. Поэтому для нравственного самосовершенствования надо уйти в лес, став отшельником, а затем, достигнув совершенства, можно уже стать бродячим монахом и в этом качестве учить других. Так объясняется в буддизме необходимость четырех стадий в жизни человека.

Буддистские монахи (бхикшу) — нищие, живущие милостыней, для которых главное — духовное развитие. С их точки зрения, «хорошие поступки — это те, которые совершаются с целью получить счастье в ином мире... Дурные поступки — это те, которые совершены с целью приобрести счастье здесь» (*Радха-кришнан* С. Индийская философия. М., 1956. С. 356). Если человек в этой жизни достигнет просветления и избавится от страстей, у него не будет кармы и не придется воплощаться снова.

Праведная жизнь приводит к окончательному избавлению от страданий и достижению высочайших, божественных созерцаний, возвышенных настроений, а именно: доброжелательности, дружеской, альтруистической радости, сострадания и беспристрастности.

Следование принципу ахимсы способствовало отрицательному отношению буддизма к жертвоприношениям, распространенным в традиционном брахманизме, как и в других языческих верованиях.

«Жизнь разрушать, хотя бы для молений,
В том нет любви, в убийстве правды нет.
Хотя б за эти жертвоприношенья
И длительная нам была награда,
Живое как могли бы умерщвлять мы?» (*Ашвагхоша. Жизнь Будды.* М., 1990. С. 124).

Главное культовое отличие буддизма заключается в отказе от обряда жертвоприношений. Отвергнув жертвоприношения, буддизм продвинулся по пути от мифологии к морали. Отказавшись от животных жертвоприношений, буддизм сохранил жертвоприношения молоком, маслом, рисом и другими продуктами. Можно сказать, что буддизм по отношению к брахманизму совершил то, что затем христианство по отношению к Ветхому Завету, заменив реальные жертвоприношения обрядом причащения, а в дальнейшем протестантизм по отношению к католицизму, отказавшись от буквальной интерпретации обряда причастия.

Будда был против жертвоприношений, но его жизнь построена на желании принести в жертву себя. Он имел все, что нужно для жизни, и ушел от ожидавшего его царства, пожертвовав благами мира. Переход от жертв другими и своей собственностью к жертве собой является прообразом Христовой жертвы, которая в индийской культуре не могла иметь такого резонанса, поскольку телесная жизнь никогда не ценилась в ней так высоко, как в других культурах. Очевидно, однако, что, несмотря на разнообразие религий, они обладают общей чертой, которую можно определить как освобождение через жертву.

Буддизм выступил против деления людей на касты (человек — брахман не по происхождению, а по поступкам), что сыграло большую роль в приобщении к нему простых людей и превращения его в мировую религию. Буддизм обещает спасение всем людям, как и христианство, которое тоже смело социальные и национальные перегородки, заявив, что «нет ни эллина, ни иудея». Обратясь к душе человека, обе религии стали мировыми.

Буддизм показывает, что должно произойти, чтобы религия стала мировой. Для этого она должна выйти за кастовые и национальные рамки и признать всех людей равными. Затем это же сделает мировыми религиями христианство и ислам.

Распространение буддизма при Ашоке привело к массовому строительству храмов — чайтья, монастырей, мемориальных сооружений — ступ и столбов — стамбха. Помимо ступ и пагод (в Китае) имелись пещерные храмы. Создалась своеобразная буддийская культура (архитектура, скульптура, живопись, литература, наука, образование). Монахи нередко выступали в качестве художников, писателей, врачей. Укреплялся культ почитания Будды и бодхисаттв — помощников в спасении. В этом культе имеют место круговые обходы ступ (мемориальных и погребальных куполообразных сооружений). Движение по часовой стрелке служило выражением почтения и применялось в религиозных церемониях у святынь. Распространено также поклонение статуям Будды и других божеств, священным деревьям и т.д., возложение на алтарь храмов приношений и воскурение ароматических свечей, паломничество к святым местам, связанным прежде всего с мощами и следами Будды и его учеников, а также с легендами об их подвигах.

ЭТИКА БУДДИЗМА

Строго говоря, первоначальное учение Будды не было ни религиозным, ни философским. Изучив существующие в Древней Индии взгляды, он создал религию, не похожую на все, что было до него. Будда уклонялся от дискуссий о Боге, о душе и не столько потому, что считал эти темы недостойными или не знал, как на

них ответить, сколько из-за того, что цель его учения была сугубо практическая — помочь избавиться от страданий. Будда выступал против догм, авторитетов, слепой веры; он говорил, что истин так же много, как листьев в лесу, и истина, возвещенная им, не более чем горсть листьев; он часто отвечал молчанием на вопросы людей, которые считали его всезнающим.

Будда покинул свой дом и из наследника царства стал странствующим искателем истины, желающим:

«О сказанном издревле размышляя,
Не запершись в предании одном,
В едином не упорствуя, а в ум свой
Все верные слова светло принять...» (*Ашвагхоша*. Жизнь Будды. М., 1990. С. 111).

Но история его жизни превратилась в другую историю — историю распространения и искажения его учения, историю обожествления Будды и превращения его в целый легион Будд. Во времена Будды в Индии существовала сильно развитая и до деталей разработанная религиозная традиция. Именно она поглощала истинную историю и взгляды Будды. Первоначальное учение Будды смешивается с культом Шивы и магией в тантрическом буддизме, с местными верованиями в тибетском и монгольском ламаизме, с даосизмом и отчасти конфуцианством в Китае, с культом предков в японской разновидности буддизма. В местах распространения в пантеон буддийских богов входили местные божества.

Буддизм из двух вариантов неумирания — не жить и стать бессмертным — выбрал первый. Рождения «не должно допускать, ведь если нет его, тогда зачем, откуда быть страданию?» (Будда. Истории... С. 424). Этот выбор облегчается тем, что жизнь в индийской культуре рассматривается как нечто неистинное по отношению к основе всего — Единому. Буддизм подходит для тех культур и людей, которые тяготеют к этой установке.

Буддизм задался вопросом, что такое Единое? И пришел к выводу, что это абсолютное Небытие, лежащее в основе проявленного бытия. Абсолютное Бытие совпадает с абсолютным Не-

бытием. Это две стороны одной медали, и можно сказать, что буддизм — это обратная сторона индуизма. От Единого шел путь в индуизме — к Абсолюту, а в буддизме — к Пустоте, и достижение этого называется в индуизме самадхи, а в буддизме нирваной.

Из неабсолютности всего существующего следует вывод о неабсолютности божества. В буддизме нет надобности в Боге как творце и спасителе, как в безусловно верховном существе. Бог как высшее существо имманентен (внутренне присущ) достигшему освобождения человеку, что означает потенциальную тождественность человека богу. В силу своих достоинств Будда даже может обрести господство над богами.

Свободная от всех определений Пустота напоминает понятие «вещь-в-себе», введенное в европейскую философию И. Кантом. В буддизме есть аналог и современному научному представлению об эмерджентных свойствах, как свойствах целого, отсутствующих у его частей. Даже если соединить все известные свойства тела, это не будет само тело. Как отмечается в «Алмазной сутре», «совокупность всех признаков не есть совокупность. Это и именуют совокупностью всех признаков» (Жизнь Будды... С. 228). Здесь пример буддистской негативной диалектики. Она напоминает афоризмы скептиков, например: «истинно сущее неопишимо, а описуемое нереально». Но буддизм отличается от скептических утверждений страстным стремлением к неопишиму, но сущему, что и именуется нирваной. Продолжая в том же духе, утверждают, что в «чистом сознании», которое обрел Будда, нет ничего, что могло бы быть обретено. Но есть в буддизме и понятие «верующее сознание».

Буддизм появился именно в Индии, потому что индийцы дошли до представления о Единой реальности, откуда цепочка рассуждений ведет до нереальности смерти. Смерть сама по себе не приносит освобождения от страдания, поскольку за ней следует новое рождение. Буддизм находит ценности выше смерти и тем борется со страхом ее. «Смерть для живых существ — закон немоллимый. Поэтому мне нечего ее страшиться, особенно когда свою всю жизнь я озираю» (Будда. Истории... С. 421). Выше смер-

ти становится совершенство, достигаемое человеком. И в нем страх смерти преодолевается самопожертвованием. Дорогой ценой, если считать, что Я существует, и не очень, если считать, что Я нет.

Отрицая личного Бога как творца всего и главную причину существования, Будда провозгласил закон естественной причинности. Мысля так, буддизм наиболее последователен в утверждении идей реинкарнации и кармы. Он освободил их от мифологической оболочки и, как другие религии, развивался в направлении от обрядовости к моральности. Если все делает высшее существо, то как человек может надеяться вызвать своими действиями его благоволение: эта проблема позже станет и перед христианством, и оно решит ее с помощью идеи свободы воли, данной человеку Богом. А буддизм смыкается здесь с даосизмом в его концепции естественного пути. В понимании кармы буддизм выступает против полного детерминизма. Настоящее согласуется с прошлым, но не определяется им механически, и для человека остается возможность изменить свою карму, достигая освобождения. Буддизм утверждает авторитет нравственности над кармой и социальным положением. «Ни род, ни красота, ни возраст, ни сила выдающаяся, ни богатство в той жизни не дают блаженства никому, коль щедростью и добрым поведением и добродетелями прочими украшен он не будет в этой жизни» (Будда. Истории... С. 413).

Качества, которыми должен обладать каждый буддист: щедрость, терпимость, энергичность, нравственность, медитационное сосредоточение и знание, а также любовь, которая порождает щедрость, кротость и другие совершенства. Один из основных принципов буддизма — милосердие к живым созданиям, куда входит и воздержание от причинения им вреда и т.п.

Буддизм считает удовольствие и добро равно необходимыми и не необходимыми (средний путь, одинаково отвергающий и погружение в чувственные удовольствия и умерщвление плоти). Здесь и полемика с брахманизмом, который считал, что богатство необходимо для совершения нужных дел — жертвоприно-

шений, одаривания брахманов, т.е. выполнения религиозного долга и накопления праведных заслуг.

В буддизме есть своя триада взаимосвязанных факторов: мысль, слово, действие, а также учение о психофизических элементах жизнедеятельности личности, так называемых дхарм. Имеется пять наборов дхарм: чувственное бытие организма в целом, эмоции, представления, кармические волевые импульсы и сознание. Пять совершенных знаний: способность творить чудеса; божественный слух, позволяющий слышать на любом расстоянии; чудесное зрение, позволяющее видеть на любом расстоянии; чтение мыслей; память о прошлых рождениях.

Буддизм считает эгоизм заблуждением, потому что Я нет как реальности. Из заблуждения, что Я есть, проистекает ложная любовь к себе, сопровождающаяся нечистыми страстями, загрязняющими ум: ненавистью, гордыней, невежеством, ложными взглядами и сомнениями. Плохие поступки могут уравновешиваться хорошими, и это напоминает Страшный суд после смерти, на котором взвешиваются хорошие и дурные поступки.

Для буддизма характерна мысль, что тот, кто стремится причинить зло, на самом деле творит добро, так как дает возможность пострадавшему проявить добродетели кротости, щедрости, милосердия.

Высшая ступень созерцания — полное бесстрашие, лишённое как приятных, так и неприятных эмоций. Идеалом буддизма является человек, настолько занятый изменением своего внутреннего психического бытия, что при этом не обязательно устранение обычных жизненных целей. Мораль буддизма всепомогающая и от всех далека. В основе буддистской концепции поведения лежит сознание внутренней отдаленности субъекта от всего окружающего. Буддистский идеал поведения связан с отсутствием направленности вовне (при общей отзывчивости на все) и созерцанием внутреннего бытия. Состояние совершенной несвязанности внешним и самоуглубленности и есть освобождение, или нирвана. Оно означает прекращение жизнедеятельности личности, остановку волнения дхарм, переход их из состояния проявленного в состояние непроявленного, истинного бытия.

РАЗНОВИДНОСТИ БУДДИЗМА

Имеются три основные направления в буддизме. **Хинаяна** («узкий путь спасения») распространилась на рубеже нашей эры в Индии и среди народов Индокитая. В первые века новой эры возникло второе направление в буддизме — **махаяна** («широкий путь спасения»), в котором возможности спасения для мирян значительно облегчаются и расширяются. Третьим направлением в буддизме стал **тантрический буддизм (ваджраяна)** — тайное учение о путях достижения нирваны с помощью магических заклинаний и обрядов, восходящий к древнеиндийским земледельческим культам. Подобные мистические направления имеются и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе, составляя важную часть развитых религий.

Особо следует сказать о **дзэн-буддизме**, современном названию берущего начало в Китае в VI н.э. чань-буддизма. Не ставя непреодолимой преграды между земным и божественным, дзэн-буддизм также относится к мистическим религиозным течениям, сторонники которых ищут соединения с божественным в собственной душе. Внезапное просветление в момент сильного переживания, приводящее к обнаружению Будды в своей природе, носит в дзэн-буддизме название «сатори». Дзэн-буддизм свободен от обрядности, обязательного исполнения культовых действий, что способствовало обретению им немалого количества сторонников на Западе.

В хинаяне учение о спасении принимает форму пропаганды личного совершенствования (идеал архата, т.е. лица, достигшего освобождения). Достичь нирваны может только мужчина-монах. Большая часть хинаянской литературы входит в так называемый палийский канон — «Трипитаку». Имеются монастырские общины и монастыри. Монах выступает в роли религиозного наставника. Совет, даваемый им, — закон для верующего. В странах распространения хинаяны монашество играет огромную роль.

Хинаяна утвердилась в Юго-Восточной Азии и получила название южного буддизма, а махаяна — в северных странах и называется северным буддизмом. Последователи хинаяны живут в

Южной Индии, Индонезии, Мьянме, Шри-Ланке, Камбодже, Лаосе, Таиланде, составляя около 90% населения Лаоса, Камбоджи, Таиланда, 60% Шри-Ланки. Махаяна имеет последователей в Северной Индии, Китае (около 17% населения, в основном в Тибете), Японии (около 50%), в Корее, Индонезии, Монголии, Непале, Афганистане. В Российской Федерации буддисты живут в Бурятии, Калмыкии, Туве.

Махаяна утверждает, что духовное и недуховное реально лишь относительно, а единственной абсолютной реальностью является Пустота (шунья). Махаянисты считают, что предыдущая карма не имеет значения и можно с помощью специальных приемов войти в нирвану «здесь и сейчас». Предлагается множество методов достижения нирваны, в том числе взятых из йоги и тантры.

В махаяне произошло создание синкретического образа Шивы-Будды, т.е. отождествление Бога и человека. Махаяна выдвигает идеал бодхисаттвы (буквально «тот, чья сущность — просветление») — существа, отказавшегося от перехода в нирвану во имя спасения всех других живых существ.

В священные книги махаяны входят джатаки — рассказы о прежних перевоплощениях Будды, которых было 34. В них Будда предстает в различных образах, что дает возможность показать самые разнообразные добродетели. Благодаря концепции перевоплощения бодхисаттве можно приписывать участие в любых действиях. Будда здесь «исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душою в каждом существе» (Будда. Истории... С. 95).

Когда бодхисаттва решил покинуть царский дом своего отца, то на вопрос: «Так почему же тогда ты хочешь покинуть нас?» — он ответил: «Из страха перед смертью... Поэтому я обращаюсь к жизни праведной в лесу». Царь спрашивает: «Но если неотразим страх смерти, чего ты ждешь от жизни в лесу? Какие надежды возлагаешь на праведную жизнь?» Ответ: «И преданному праведности смерть приносит радость потому, что он рождения дурного не страшится» (там же. С. 483, 486, 487). Состояние домохо-

зияна не лучшее в нравственном отношении. Оно «связано со стремлениями, враждебными спокойствию и нравственному поведению. Поэтому оно не доставляет радости заботящимся о своей душе» (там же. С. 282).

В джатаках повторяется основная мысль буддизма: «Повторение рождения — зло ужасное, а также старость и несчастье и различные тяжелые болезни; а мысль о неизбежной смерти рассудок помутить способна. От этих зол спасти весь мир — вот я к чему стремлюсь!» (Будда. Истории... С. 159). Даяние — великое сокровище, недоступное тем, кто может сокровище отнять, — вора, огню, воде и царям. «Даяние есть очищение души от тьмы пороков себялюбия и жадности... великая основа... Подвиг благородства» (там же. С. 124, 125).

Стремление к самопожертвованию присутствует в буддизме, хотя самому Будде оно не потребовалось. Бодхисаттва, как повествуется в «Джатаке о тигрице», может покончить с собой, чтобы голодная тигрица, готовая пожрать своих детенышей, насытилась. Когда заяц предлагает путнику подкрепиться всем, что у него есть — своим телом, это напоминает великие жертвы других религий. Бодхисаттва в образе зайца говорит: «Я должен щедрости дела творить, и рвется к жертвам сердце» (там же. С. 150). Владыка богов Шакра изумлен. «О! Как сегодня он без размышлений, из любви лишь к гостю, легко расстался с телом! Меж тем как слабодушные без дрожи не расстаются даже и с цветами, которые от жертвоприношения остались» (там же. С. 151). Заяц дает урок не только людям, но и богам. Шакра восхищается «блеском постоянных упражнений в добродетелях». Подчеркивается роль привычки в обретении добродетели. «Ведь силою привычки все дела, прекрасные и злые, внедряются глубоко в душу человека» (там же. С. 263).

Цель человека — достижение всеведения и победа над злыми страстями, что приводит к спасению мира из океана бытия, где воздымаются столь страшные волны, как болезнь, старость и смерть. А прегрешения — это причинение вреда живым, стремление к богатству, злословие и опьяняющие напитки.

Жертва называется в джатаках мостом в царство небожителей. Но бодхисаттва недоумевает: «Какая ж связь есть между причинением страданий жертвенным животным и святым законом, пребыванием в мире небожителей или ублажением божеств?» (там же. С. 215). И вывод: «Никогда вред, причиняемый живым существам, не ведет к благополучию, а лишь щедрость, смирение и самообуздание» (там же. С. 223).

Праведное поведение является силой, которая выше сил природы. Когда корабль попадает в бурю и ему грозит гибель, бодхисаттва говорит: «Я, напрягая память, вспомнить не могу, чтобы когда-нибудь обидел тварь живую с тех пор, как помню я себя. Пусть этим словом истины и силою моих заслуг корабль назад вернется!..» (там же. С. 260). И вот ветер подул в противоположную сторону и вместе с течением повернул корабль обратно.

Социальные отношения, государственная власть рассматриваются в буддизме как внешняя сила, накладываемая на народ. Царь — «источник и добра и зла народа» (там же. С. 274).

Идеи махаяны оказали влияние на индийский тантризм, а в VIII в. буддизм сам испытал влияние тантризма, и в результате возник тантрический буддизм, связанный с дзэн. Тантризм — тайное учение о путях достижения нирваны с помощью магии и обрядов, восходящих к древнеиндийским земледельческим культам. Цель — слияние с божеством через чувственное и умственное постижение.

Тантризм (от санскрит. «тан» — расширять; тантра — метод расширения человеческого сознания и способностей) возник к V в. н.э. на основе древних культов доарийского времени. Центральное положение тантризма — Единое как соединение Космического Сознания Шивы с его творческой силой Шакти. Цель тантриста — отождествление с Космическим Сознанием.

Тантризм утверждает дуализм двух начал: мужского — Пुरुши и женского — Пракрити, и их стремления к единству. В момент слияния с Абсолютом человека охватывает неопишуемая радость. Аналогом Шакти на уровне микрокосма является кундалини. Космическая сила притягивает мужчину и женщину друг

к другу. Человеческое тело для тантристов — инструмент, с помощью которого можно пробудить дремлющую психическую энергию — кундалини-Шакти и соединить ее с Космическим Сознанием — Шивой.

Десять тантристских заповедей: ахимса, правдивость, нестяжание, целомудрие, терпимость, стойкость, сострадательность, честность, умеренность, чистота. В тантризме много магических символов. Пятиконечная звезда символизирует пять тонких первоэлементов — землю, воду, воздух, энергию, эфир. Шестиконечная звезда, состоящая из двух треугольников, символизирует развитие Вселенной.

Разница между индуистским и буддистским тантризмом соответствует различию между индуизмом и буддизмом в целом. Если в индуизме цель — слияние с Единым как абсолютным Бытием, то в буддизме цель — слияние с абсолютным Небытием, лежащим в основе всякого проявленного Бытия. Слияние с избранным божеством, являющееся конечной целью индийского тантризма, рассматривается в буддистском тантризме как промежуточный этап на пути к Небытию. Ритуалы и практические техники буддистского тантризма многочисленнее и изощреннее индуистских. Кроме того, для буддистского тантризма характерна многовековая традиция монашеской жизни и духовная иерархия. Но индуистские тантристы активнее используют практические знания.

В тантристских трактатах говорится, что «одна капелька собственной крови ценится выше, чем целая чаша жертвенной крови другого существа» (Энциклопедия тантры / Сост. В. Нугатов. М.: Локид: Миф, 2001. С. 171). В тантризме был культ приносящих себя в жертву божеству, который существовал в Индии до XIX в.

Тантризм хочет освобождения и мирских радостей одновременно. «Там, где есть только мирские радости, нет освобождения. Там, где есть только освобождение, нет мирских радостей. Но и мирские радости, и освобождение лежат в ладони у тех, кто посвятил себя Всевышнему» (там же. С. 92). Тантристы утвержда-

ют, что от кармы можно избавиться с помощью «внутреннего огня», медитации и глубокого душевного покоя.

В средневековом Тибете в результате соединения махаяны и тантризма с древней религией жителей Тибета бон-но (разновидностью шаманизма) образовался особый вариант буддизма — ламаизм (от «лама» — тибет. «высший», «небесный»). Ламой называли буддистских монахов в Тибете, Монголии, Бурятии, Туве, а у калмыков — главу духовенства. Лама считается представителем Будды на Земле. В конце XVI в. ламаизм распространился среди монголов, а в XVII в. проник на территорию России.

Ламаизм придает особое значение ламам, без помощи которых верующий не может достичь нирваны. Богослужение проводится в дацанах — ламаистских монастырях, состоящих из одного или нескольких храмов и келий для лам. Богослужение отличается пышностью, а в пантеоне ламаистских богов присутствуют местные божества.

В V в. в Китае возник дзэн-буддизм, в настоящее время широко распространенный в Японии и проникший в страны Запада. Дзэн-буддизм утверждает, что земной и божественный миры находятся в неразрывном единстве, и с божеством можно соединиться в земной жизни, обнаружив его в собственном духе. Обнаружение Будды в своей природе является внезапным просветлением в момент сильного переживания и носит название «сатори».

Дзэн-буддизм не предъявляет каких-либо сложных требований в отношении обрядности и ритуалов. На смену этому приходит медитация, внутреннее переживание. Просветления можно достичь в этой жизни, «здесь и сейчас» посредством внутреннего сосредоточения на каких-либо объектах по определенным правилам. Эта индивидуалистическая разновидность буддизма очень подошла к современной западной культуре, и число приверженцев дзэн-буддизма на Западе постоянно растет.

Основным регионом распространения буддизма является Юго-Восточная и Центральная Азия, а также Дальний Восток, включая Китай, Японию и другие страны. В XX в. буддизм в форме дзэн получил распространение в странах Запада, особенно

США. Буддизм утверждается в тех странах, где не было своих развитых религий, — Монголии, Вьетнаме, Таиланде, Шри-Ланке.

В разных странах структура и степень централизации буддистских общин различны. В Мьянме и на Цейлоне нет ни строгой централизации, ни прямой зависимости общины от государственной власти. Буддистские общины не связаны друг с другом, и общим руководителем является только закон — дхарма. В Таиланде буддизм — государственная религия, и король (как и в Лаосе) возглавляет буддистскую общину. В Российской Федерации буддистская община руководится Духовным управлением буддистов. Наиболее влиятельная международная организация — Всемирное братство буддистов, созданное в 1950 г. на Международном конгрессе буддистов в Коломбо (Шри-Ланка).

Распространению религии способствует обещание спасения и вечного блаженства. Ветхозаветная традиция, провозгласив второе пришествие Христа, превратилась в повсеместно распространенное христианство; брахманическая религия, модифицировавшись в буддизм, вышла далеко за пределы Индии. Буддизм в соответствии с концепцией перевоплощения считает необходимым для спасения выход из колеса сансары. Буддизм называли пессимистической религией. Но он обещает многое, как и христианство, взамен земных радостей предлагая бóльшие иные. Р. Тагор писал, что буддизм ведет не к отказу от радостей жизни, а к отказу от эгоизма, что избавляет от страданий и приводит к еще большим радостям.

Чтобы избавиться от смерти, надо или не рождаться, или жить вечно. Мировые религии предлагают оба варианта: первый — буддизм, второй — христианство и ислам. Говоря о сходстве буддизма и христианства, можно отметить, помимо обещания вечного блаженства и отказа от земных благ, которыми искушал Иисуса Сатана и Будду бог смерти Мара, также индивидуальность спасения (в буддизме спасти не может даже бог), потребность в добродетели для обретения просветления и святости (творить благо делом, словом, помышлением). В своей этике буддизм уделя-

ет внимание не только действиям, но и мыслям, намерениям, как впоследствии и Иисус Христос. Буддистская этика, как и христианская, — этика запретов, и заповеди ее соответствуют христианским. И в буддизме, и в христианстве присутствует «золотое правило» этики: «что нежелательно тебе, то и другим ты делать не старайся» (Будда. Истории... С. 384). Но и буддизм, и христианство пошли дальше к этике милосердия. Закон любви приводит и в буддизме, и в христианстве к самопожертвованию. Бодхисаттва-заяц, накормивший своим телом голодного, напоминает агнца-Христа.

К отличиям буддизма от христианства относятся, помимо концепции перевоплощения, отрицание им Бога-творца, индивидуальной души и священных книг, отказ от страдания как цель. Вера в достижимость полного знания на Земле, возможность для человека стать выше богов путем достижения нирваны (человек поднимается ввысь, нравственно совершенствуясь, а не Бог спускается к людям для их спасения и искупления их грехов). В христианстве Бог становится человеком Иисусом, в буддизме человек Будда становится выше богов.

Будду не мучили, и буддисты были сторонниками спокойной жизни. Христа распяли, и христиане приветствовали мучения. Но говоря: «лишь испытаньем познается с несомненностью высокое значенье добродетели», царь богов Шакра объясняет страдания Иова, описанные в Библии. Бодхисаттва в отличие от Иова спокойно соглашается со страданиями и не стремится избавиться от них. Более того, он обращается к царю богов с такими словами: «Мы не родня и не друзья тебе, мы не твои актеры и не шуты: так на каком же основанье ты, о царь богов, к отшельникам подходишь с шутками такими?» (там же. С. 301). Царь богов, услышав это, просит прощения. Здесь видно гигантское отличие в отношении к Богу между христианством и буддизмом, для которого этические максимы выше воли богов.

Есть определенное сходство в направленности развития от Вед к буддизму и от Ветхого Завета к Новому. Оно заключается, помимо преодоления социальной и национальной разобщенности,

в том, что Бога дополняет Богочеловек (в буддизме человек сменяет богов) и усиливается устремленность к нравственному идеалу, когда главное значение приобретают наравне с действиями внутренние намерения.

Вопросы для повторения

- Каковы особенности мировых религий?
- Каковы четыре истины буддизма?
- Что такое восьмеричный путь Будды?
- Что такое нирвана?
- Каково отношение Будды к жертвоприношениям?
- Какова этика буддизма?
- Каковы разновидности буддизма?
- Что такое тантризм?
- Что такое ламаизм?
- Как соотносятся буддизм и христианство?

Литература

1. Жизнь Будды / Сост. С.А. Комиссаров. Новосибирск: Наука, 1994.
2. Будда. История прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.: ЭКС-МО-Пресс; Харьков: Око, 2001.
3. Энциклопедия тантры / Сост. В. Нугатов. М.: Локид: Миф, 2001.
4. Дхаммапада. Рига: УГУНС, 1991.

Глава 8

Древнееврейская религия, иудаизм, зарождение христианства

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИЯ

В XXII в. до н.э. в юго-западную часть Ханаана на восточном побережье Средиземного моря пришли филистимляне. Место их поселения названо в Библии Пелешет; позже вся земля Ханаан получила название Палестина. Около 1800 г. до н.э. в Ханаан из окрестностей Ура пришли евреи — западносемитские скотоводческие племена. Родина их праотца Авраама, жившего примерно 4200 лет тому назад, — Ур Халдейский в южной части Вавилонии, на правом берегу самого нижнего течения Евфрата. Через 200 лет они переселились в Египет, а около 1320 г. до н.э. произошел их исход из Египта, и к югу и юго-востоку от Палестины они образовали племенной союз с общим культом бога Яхве, принявший название Израиль («бог сражается»). Союз состоял из 11 племен и одной специально посвященной культу Яхве родоплеменной группы — левитов («двенадцать колен Израиля»). В XIII—XII вв. до н.э. эти племена вели войны с городами-государствами других западносемитских жителей Палестины — ханаанеев (к ним принадлежали и финикийцы). Многие ханаанейские города (например, Иерихон) были разрушены. Позже в ходе борьбы с филистимлянами создается Израильское царство. Прочная государственность на рабовладельческой основе была создана Давидом и его сыном Соломоном (конец XI — первая половина X в. до н.э.). Соломон впервые построил храм Яхве в Иерусалиме (до этого был лишь шатер — «скиния», содержащий особый ларец — «ковчег завета»). При преемнике Соломона государство распалось на два царства — Израильское на севере Палестины и Иудейское на юге (жителей второго стали называть иудеями вне

зависимости от происхождения). В 722 г. до н.э. Ассирия уничтожила государство Израиль. В 586 г. вавилонский царь Навуходоносор II завоевал Иудею и разрушил Иерусалим. В 537 г. персидский царь Кир, покорив Вавилон, разрешил иудеям вернуться из вавилонского плена на родину и восстановить иерусалимский храм. После захвата Иудеи Римом восстание против римского владычества (66—70 гг. н.э.) привело к разрушению второго иерусалимского храма, построенного после возвращения евреев из вавилонского плена, и окончательному их выселению из Иерусалима.

Древнееврейская мифология сформировалась в общении с ханаанской, которая в чем-то созвучна библейской. Основной мотив последней — борьба бога плодородия Баала со своим главным врагом богом смерти Мотом, стремящимся отнять у него царскую власть. Она заканчивается победой последнего, хотя потом его убивает мстящая за Баала богиня охоты и битвы Анат, а сам Баал воскресает, чтобы продолжить борьбу (здесь параллель с мифом об Осирисе).

Главное произведение еврейской культуры — Еврейская Библия, получившая в христианстве название Ветхий Завет. К IX—VIII вв. до н.э. восходят книги «Бытие», «Исход», «Левит» и «Числа», излагающие мифологическую историю мира и израильских племен в духе концепции «завета» и включающие в себя основные моральные нормы, в том числе 10 заповедей, которые, впрочем, за исключением первых двух, присутствуют в египетской «Книге мертвых». Вместе с «Второзаконием» эти книги составили так называемое Пятикнижие Моисея, или Тору, наиболее почитаемую часть иудейского Священного Писания, основу иудаизма. Ветхий Завет вошел и в Библию, став первой частью христианского канона.

В книге Бытия есть потрясающий рассказ о том, как Бог потребовал у Авраама принести в жертву собственного сына Исаака, и Авраам, несмотря на любовь к сыну, готов был это сделать, но в последний момент Бог остановил его. Позже Бог сам пошлет на смерть своего сына, чтобы он принял на себя грехи людей. Хотя ветхозаветный Бог создает мир в отличие от многих других бо-

гов без использования жертвы, он затем для нормального функционирования мира принесет себя в жертву, искупая грехи людей. Здесь жертва перенесена во времени, но без нее не обходится.

В Ветхом Завете формулируются моральные нормы, в основном отражающие представления древних иудеев о правилах общежития. Тут встречаем и «око за око» и «возлюби ближнего своего» и т.п. Наиболее полно мораль Ветхого Завета выражена в 10 заповедях, данных Господом на горе Синае Моисею. Они звучат так:

«Я, Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумиров и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им, ибо Я Господь, Бог твой...

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой — субботу Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела...

Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего» (Библия. Исход. 20:2—17).

К VII—VI вв. до н.э. относятся книги, излагающие историю Палестины с XIII по начало VI в. К периоду царств относится культовая лирика (псалмы царя Давида), к вавилонскому плене-

нию — собрание пословиц и афоризмов («Притчи Соломона»), нравоучительная поэма («Книга Иова»), образец древнего философствования («Екклезиаст»), сборник любовной и свадебной лирики «Песнь песней».

В Ветхом Завете встречаем такой памятник человеческой мудрости, как «Притчи Соломона», приписываемые прославившемуся своим умом царю Соломону. Они состоят из похвал мудрости и нравоучительных афоризмов, которые не потеряли своего значения и по сей день. Например: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою... Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник» (6:6—11).

Если 10 заповедей представляют собой обычные правила общежития монотеистических общин, то в притчах Соломона встречаем систему ценностей, резко контрастирующую с теми, которые встречаются в Древней Индии, в Древнем Китае и в античном мире. Эти ценности, среди которых преобладают милосердие и смирение, затем стали господствующими в христианстве. То же смирение на конкретном примере отношения человека к посланным ему Богом для испытания мучениям встречаем в книге Иова и в творениях ветхозаветных пророков Иеремии, Исаяи, Иезекииля.

Несколько особняком стоит в Ветхом Завете «Книга Екклезиаста», которая напоминает одновременно и скептиков, и Бхагвад-Гиту. Вот два знаменитых отрывка: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море,

но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи — в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (1:2—9). «Все-му свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время шивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (3:1—8).

ИУДАИЗМ

В I в. до н.э. окончательно формируются иудаизм как религия и иудейский канон, состоящий из трех частей: 1) «Тора»; 2) «Пророки»; 3) «Писания», куда относятся «Псалмы», «Притчи», «Книга Иова», «Плач Иеремии», «Песнь песней», исторические книги, «Екклесиаст» и др. Они составили часть Библии (греч. «biblia» — книги) христиан, а именно Ветхий Завет, в отличие от Нового Завета, написанного по-гречески.

Библия не есть нечто единое и однородное. Это, по образному выражению А. Ельчанинова, целая библиотека произведений различных авторов. Библия — собрание наиболее религиозно значимых, философски глубоких, эстетически важных произведений еврейской культуры, которые создавались в течение тысячи лет. И художественные, и философские, и юридические, и исторические тексты объединены здесь в единое целое под главенством религиозных представлений.

Большое значение имели в Израиле пророки — лица, обладавшие даром непосредственного общения с Богом. С пророками Бог говорил сам, а они должны были передавать божественные глаголы народу. Слова Бога — как огонь, горящий в сердце

(по словам пророка Иеремии), который невозможно удержать (вспомним известное стихотворение А.С. Пушкина «Пророк»). Пророки выполняли важные функции по усилению моральной составляющей религии по отношению к обрядовой стороне. Они были «несокрушимыми столпами, вехами и маяками на том пути, по которому должен был, по их мысли, идти народ» (История религии... С. 108). Они учили чистоте сердца, преданности Богу вместо господства культа. «Не носите больше даров почетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть... омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло. Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову», — говорит Бог устами пророка (Исайя, 1).

От пророков шла дорога к Христу. Бог, по их воззрениям, не Бог только евреев, а Бог Вселенной. Пророки становились в оппозицию царю и народу. Затем в христианстве они заменили собой, приобретя статус святых, прежних языческих богов. Так, пророк Илия, разъезжающий на колеснице по небу и управляющий громом и молнией, заменил собой славянского Перуна.

Пророки — неофициальные жрецы, составлявшие особую корпорацию, обличали социальную несправедливость, грозили грешникам божьим гневом и карами, были сторонниками признания Яхве единственным богом, который заключил договор («завет») с израильским племенным союзом и обязался вручить евреям «землю обетованную» в Палестине. Пророки были миролюбивы (Исайе принадлежит призыв «перековать мечи на орала») и в то же время отличались религиозной нетерпимостью противопоставляя Яхве другим богам. Это послужило потом оправданием средневековых религиозных войн в христианском мире и образцом для учения о «священной войне» в исламе.

Главная отличительная черта иудаизма и предпосылка возникновения мировых религий — монотеизм, который, возможно, связан с попыткой ввести его фараоном Эхнатоном. Монотеизм представляет собой новую стадию развития религии после поли-

теистической. Все мировые религии основаны на представлении об одном высшем начале — Боге или человеке. Монотеистический Бог, в отличие от политеистических существ, абсолютен, ему ничего не требуется для создания мира, даже хаоса политеистических систем. Он создает все из ничего. Его моральный статус выше статуса всех богов политеизма, и, стало быть, можно сказать, учитывая важность в религии моральной компоненты, он более религиозен, чем все другие боги. То, что именно в Иудее возникло представление о едином высшем Боге, предопределило последующее возникновение христианства именно на данной территории.

А. Ельчанинов замечает, что в Ветхом Завете человек не исчез перед величием Бога и не уподоблял Бога себе, а имело место взаимодействие Бога и человека. Смысл монотеизма, по А. Ельчанинову, заключается как в единстве Бога, так и в целостности человека. Бог один, и воспринимающий его народ целен и целомудрен в широком смысле слова. «Евреи, — пишет В.Л. Соловьев, — видели в материальной природе не дьявола и не Божество, а лишь недостроенную обитель богочеловеческого духа» (История религии... С. 118). Это получило название «религиозного материализма».

Определенной загадкой является то, что монотеизм возник именно в еврейской культуре. Возможно, ключом к разгадке является обособленность еврейского народа, его способность оставаться верным своим ценностям и противостоять тенденциям к ассимиляции (что с особой силой подтвердилось после рассеяния евреев по свету). Если считать, что появление политеистических систем есть следствие объединения народов, в результате чего «объединились» и местные боги, то тогда сопротивление ассимиляции помогло евреям сохранить своего единого высшего Бога.

Авторы древнееврейских исторических повествований («Книги Судей», книг Царств), вошедших в Библию, создали неритмическую художественную прозу. Еще один вполне оригинальный жанр древнееврейской литературы — короткая сюжетная назив-

дательная повесть («Книга Руфи», «Книга Ионы»). В «Песне песней» встречаем изречение «любовь как смерть, сильна», прочное вошедшее в мировую литературу.

В истории иудаизма различают периоды библейский и талмудический, или раввинистический. В библейский период закладываются основные обряды иудаизма и священные тексты, объединенные в Ветхий Завет. К V веку н.э. обширные комментарии к Ветхому Завету и множество культовых предписаний были объединены в Талмуд. Признаваемый священным в иудаизме «Талмуд» («Учение») представляет собой собрание догматических, религиозно-этических, правовых и бытовых предписаний, основанных на Ветхом Завете и приспособляющих его к нуждам повседневности. Чуть позже возникло мистическое направление в иудаизме — Каббала, в которой заметно влияние воззрений христианских и мусульманских сект и греко-римской философии. В средние века возник раввинат — система руководства религиозной жизнью евреев, который имел особенно большое консолидирующее значение в связи с расселением евреев среди других народов. В XVIII в. в Польше и на Украине возникает религиозное движение хасидов.

Главной святыней Израиля и самым значительным архитектурным сооружением был храм Соломона в Иерусалиме, который построен в IX в. до н.э., разрушен, восстановлен, снова снесен, заменен новым и, наконец, окончательно уничтожен римлянами. Место, на котором построен храм, считается святым в иудаизме и христианстве, так как именно на нем патриарх Авраам (которому явился Бог Яхве и заключил с ним союз — в других землях боги также общались с царями, которые им поклонялись) должен был принести в жертву своего сына Исаака, а также в исламе, так как по преданию именно с этого места пророк Мухаммад вознесся на небо. Храм состоял из притвора, дома Божьего, в котором стоял жертвенник, или Золотой алтарь, и Святая Святых, в котором хранился ковчег завета.

Изобразительного искусства у евреев практически не существовало, так как по религиозным соображениям запрещалось

изображение живых существ (заповедь «не сотвори себе кумира»).

Большое значение имело обучение, прежде всего Торе. «Доколь еврей обязан учиться закону? По день смерти своей» (Хрестоматия по истории мировой культуры... С. 93).

Иудейская религиозная община (синагога от греч. *synagoge* — собрание) возникла, по-видимому, в VI в до н.э. с целью чтения Торы и молитв. С расширением диаспоры в результате расселения евреев вне Палестины и разрушением в I в до н.э. Иерусалимского храма синагога стала центром иудаистского культа. Во главе ее были раввины. Синагога регламентировала жизнь верующих в соответствии с положениями Торы и Талмуда. В настоящее время имеется около 6000 синагог в Израиле и свыше 6000 в США. Синагогой называют также культовое здание в иудаизме.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИФОЛОГИИ И РЕЛИГИИ

В процессе своего многовекового развития мифология изменялась на пути к мировым религиям. Боги мифологических систем — «это составные боги, комплексы богов, результат социальной интеграции. Они имеют множество прозвищ, эпитетов, которые образовались из имен местных богов, поглощенных новыми. Многобожие, или политеизм, представляет собой стадию обобщения, когда объединяются одни боги с другими и боги с тотемами (в этом случае получают полубоги-полуживотные, как сфинксы и кентавры в Египте и Древней Греции). В процессе перехода от анимизма к политеизму боги теряли связь с определенными территориями и сферами жизни и становились все более свободными от ограничений.

Процесс создания политеистических верований в результате систематизации разрозненных местных верований наиболее четко и рационально проявил себя в Древней Греции, что способствовало в дальнейшем становлению античной философии. В других регионах шел тот же процесс, но с меньшей скоростью, и политеистические мифологические системы, не доходя, как в

Древней Греции, до философии, сменялись доморощенными или заимствованными извне мировыми религиями.

Параллельно шел процесс морализации богов. Превратившись из природных в активно социально действующих, новые боги наделялись моральными чертами. Так, Аполлон, появившийся из бога Солнца Гелиоса, становится олицетворением порядка, гармонии, искусства и приобретает человеческие черты; Артемида, возникшая из богини Луны Селены, становится охотницей, воспитательницей, защитницей девственности, помощницей в родах. Нимфы ручьев превратились в музы и т.д. Постепенно боги утрачивали природные черты и приобретали моральные. Это соответствовало общей тенденции усиления морального элемента в религии.

Описывая переход от идеи табу к идее святости, Э. Кассирер пишет: «Все запреты инспирируются благоговеи́мым страхом перед сверхъестественным, но между мерами предосторожности против вторжения таинственных враждебных сил и мерами предосторожности, основанными на уважении к исключительному праву благосклонного Бога, существует большое различие» (Мистика. Религия. Наука... С. 427).

Отличаясь от мистики большей степенью этичности, религия тем же отличается и от мифологии. Монотеистические религии, считает Кассирер, порождение моральных сил. Этическая составляющая растет по мере перехода от мистики к мифологии и от мифологии к мировым религиям. А если считать мистику и мифологию этапами развития религии, то можно сказать, что этические цели, присоединяясь к мистическому и мифологическому элементам, постепенно становятся все более важными в религии. «Одно из величайших чудес, совершить которое должны были все высшие религии, состояло в том, чтобы на основе грубого материала самых примитивных представлений и суеверий развить эту новую особенность и дать этическое и религиозное объяснение жизни» (там же. С. 424). Буддизм представляет собой уход от древнеиндийских мифов к нирване, протестантизм — уход от ветхозаветных мифов, от которых начало отходить уже раннее христианство, к протестантской этике и т.д. Религия в целом дви-

жется от мистики и мифологии к морали по мере развития самой морали. Это мы и видим на примере христианства.

ИСТОКИ ХРИСТИАНСТВА

Древняя иудейская религия сформировалась в контакте с религиозными представлениями других народов, в чем-то повторяя, а в чем-то отличаясь от них. Шумеры внесли представление о рае в прошлом, персы — идею мессианства (ожидания грядущего Спасителя), концепцию борьбы доброго и злого начал (у евреев — Господа и Сатаны), о золотом веке в будущем после окончательной битвы сил добра и зла.

По мнению М. Бойс, зороастризм оказал сильное влияние на иудаизм в период после вавилонского плена, когда персидский царь Кир разрешил иудеям вернуться и восстановить храм в Иерусалиме (VI в. до н.э.). Многочисленные параллели между Авестой и Ветхим Заветом подтверждают это.

В отличие от мифологии, которая все время возвращает нас к началу бытия, ветхозаветные пророки обращались к дням завершения мира. В этом есть нечто близкое к индийскому стремлению преодолеть цепь рождений и смертей. Но в отличие от Индии, в Израиле «жрец всегда был подчинен индивидуальному вдохновению... здесь уже слышатся до той поры неведомые мотивы, восхваляющие мученичество и прославляющие могущество «человека скорби»» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1990. С. 57). Некоторые из пророков, подобно Иеремии, обагрjali своей кровью улицы Иерусалима.

Главное мифологическое действие — жертвоприношение — переходит в религию, но меняется его смысл. Оно уже не связывается с необходимостью поддержания мирового порядка, а скорее выражает любовь к Богу и благодарность за дарованную им жизнь, а также желание загладить вину или совершенный грех. У иудейских пророков (Исайя) внешнее формальное понимание жертвоприношений вызывает критику.

Этот момент очень важен для выявления соотношения иудаизма с христианством. Ренан считает, что «христианство полу-

чило начало в VIII в. до Р. Х., когда первенствующие пророки, овладев израильским народом, сделали его народом Божиим, призванным ввести в мир чистое богопочитание... Переворот совершился в тот день, когда вдохновленный человек, не принадлежавший к духовенству, осмелился сказать: «Как можете вы думать, что Богу угодны курения ваших жертв и тук ваших козлов. Оставьте эти жертвоприношения, которые суть мерзость перед Господом; делайте добро»» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 7).

У пророков радикально меняется отношение и к посту. «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Исайя. 58: 6—7). Рядом призыв перековать мечи на орала и пророчество всеобщего мира.

Исайя будто видел сквозь толщу веков, что произойдет с во-человечившимся Богом. «Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; и род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь» (Исайя. 53: 4—8).

Из порой бессвязных яростных слов пророков в муках рождалось христианство. В течение веков они старались поддерживать в людях огонь любви к Богу, и наконец из искр возгорелось пламя, объявшее мир. Пророки создавали настроение последних дней и прихода Господа, т.е. атмосферу, которая приближала христианство. Они меняли время обыденное на время сакральное.

Что же понадобилось христианству для того, чтобы стать мировой религией? Проповедь жертвы и сама добровольная жертва

Христа, который ничего не писал, как Сократ, не был теоретиком, но шел по тому же пути культуры, по которому шли Сократ и Будда. Ренан замечает, что «величайшие люди нации зачастую именно те, которых она предаёт смертной казни» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 78*).

ЖИЗНЬ ХРИСТА

Приход Христа — это радикальный сдвиг в культуре. Бог наказующий Ветхого Завета сошел на землю ко всем людям, не только к избранным, превратился в Бога жертвующего собой. Бог, которому все приносили жертвы и который готов был отказаться от них, лишь бы люди не грешили, отдал себя на заклятие. Поверить в такую трансформацию Бога не легче, чем в его трехипостасность.

Выполняя программу пророков, Христос пошел в этом направлении до конца. Он переосмыслил ветхозаветные заповеди, понятия жертвоприношения, поста, Субботы и т.п. Это отчетливо прозвучало в Нагорной проповеди. В Ветхом Завете соединяется этика справедливости («око за око») и этика отказа от делания зла (10 заповедей). Возникает вопрос, как реагировать на злое, если оно совершено по отношению к тебе или близким, а адекватная реакция запрещается одной из 10 заповедей. Например, если действует «око за око», то можно ли, по аналогии с этим, действовать по принципу «жизнь за жизнь»? На это ответил Иисус Христос в Нагорной проповеди. «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Евангелие от Матфея 5: 38—39... 43—44). Здесь полный разрыв не только с ветхозаветной мудростью, но и с обычным принципом функционирования нормального государства. Это была этика милосердия.

В других заповедях Христос усиливает ветхозаветный текст. «Вы слышали, что сказано древними: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (там же. 5: 27—28). «Вы слышали, что сказано древними: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (там же. 5: 21—22).

Некоторые заповеди как бы списаны Христом с более древних и принадлежащих другим культурам: «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (там же. 6: 1—4). И, наконец: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (там же. 7: 12).

Много споров в христианстве вызвала начальная фраза Нагорной проповеди, очевидно порывая не только с традициями античной мудрости, но и ветхозаветными притчами Соломона. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (там же. 5: 3). Полностью понять эту фразу можно только в контексте всего христианского противопоставления разума и веры и тех слов Иисуса, которые идут чуть ниже: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (там же. 5: 8). Согласно христианской этике, по словам Б. Рассела, главное — «чистое сердце», которое можно встретить с одинаковой вероятностью как у невежественных людей, так и среди ученых» (*Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 111*).

Нагорная проповедь — символ веры в торжество жертвенности и ее религиозное обоснование. Значение слов Христа можно в полной мере оценить, только поняв роль жертвы в развитии культуры. Иначе неизбежны интерпретации, изменяющие данные

фразы на противоположные: Христос-де выражался образно, а глупцы понимают буквально и думают, что надо подставлять щеку. Умные-то знают, как понимать правильно. Не он ли выгнал торговцев из храма? Так считают многие, называющие себя христианами. На самом же деле Нагорная проповедь и притчи Христа обосновывают его будущую жертву и свидетельствуют о том, что она не случайна. В притче о зерне говорится, что оно должно погибнуть, чтобы появились тысячи зерен. Притча о жертве в основании здания о том же.

Нагорная проповедь аналогична платоновскому диалогу «Горгий», в котором Сократ говорит, что претерпевать несправедливость лучше, чем причинять ее. Это Слово, за которым последовало Дело. А противопоставление религии философии путем прославления «нищих духом» — обычный выпад в борьбе двух отраслей культуры за господство, как неизбежна борьба христианства с язычеством.

Много споров вызвали слова Христа «не мир пришел Я принести, но меч». Как их понимать? Каждая отрасль культуры утверждается в борьбе с другой, главенствующей в данный момент. Схватка неизбежна. Но меч, применяемый в культурной борьбе, — духовный, а не реальный меч, который извлек один из бывших с Иисусом в момент ареста и которого Христос остановил словами: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, от меча и погибнут» (Евангелие от Матфея 26: 52).

Отношение к жертвоприношениям, проповедь братства и милосердия ко всем сближают Христа с Буддой. «Не было человека, быть может, за исключением Сакья-Муни, — пишет Ренан, — который до такой степени попирает ногами семью, все радости бытия, все мирские заботы» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 293*). Чудеса Христа напоминают рассказы о возможностях йогов. В кажущихся жестокими словах «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Евангелие от Матфея 10: 37) слышатся отголоски ответа Сократа на предложение бежать, чтобы не оставлять жену и детей. Христос предвидит свое будущее и готовится к нему. Об этой же реальной борьбе говорят слова: «Кто

не со Мною, тот против Меня» (Евангелие от Матфея 12: 30), которые так полюбились идеологам, помешанным на вражде.

Объяснения ученикам, почему он «говорил народу притчами и без притчи не говорил» (там же. 13: 34), повторяет объяснение того, почему Сократ свои диалоги начинал с общеизвестных истин: «потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат и не разумеют» (там же. 13: 13). Тот же дидактический прием в ином варианте. Но вопреки философскому скепсису относительно достижения истины, одним из самых распространенных оборотов Христа становится «Истинно говорю вам».

Самое сильное обещание Христа — обещание Царства Божия на Земле в ближайшее время. «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (там же. 16: 28). Ветхий мир кончился и начался мир христианский. Царство Божие, о скором наступлении которого возвестил Христос, не ограничивается изменениями социальными, а представляет собой преобразование всей природы. Переворот, к которому стремился Христос, был не политическим, а нравственным.

Иисус Христос «создал и самый объект, и исходную точку будущей веры человечества» (Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 54). Постоянные напоминания, что приблизилось Царствие Небесное, должны были закончиться кризисом и очистительной разрядкой. Жертва должна была произойти. «Идея, что всемогущество достигается страданиями и смиреньем, что над силой можно восторжествовать чистотой сердца, такова собственная идея Иисуса» (там же. С. 120). Отсюда связанная с жертвенностью мысль Христа, что победят кроткие, смиренные, униженные и именно своей кротостью, смирением и унижением. Эпитет «Сын Человеческий» связан с идеей сыновнего страдания за человечество. Говоря о том, что Царство Божие на Земле не наступило, Ренан добавляет: «что за беда, раз его мечта дала ему силу встретить смерть и поддержала его в борьбе, которая в противном случае была бы для него слишком неравной?» (там же. С. 201).

СМЕРТЬ ХРИСТА

В начале Ветхого Завета Бог потребовал от Авраама принести в жертву собственного сына. В Новом Завете сам Бог принес в жертву Сына. Здесь мотив умирающего и воскресающего Бога, широко распространенный в мифологии, накладывается на иудейскую культурную традицию. Исправить людей могла только жертва, и Бог принес ее. Жертва Бога — вершина жертвенности. С другой стороны, человек, стремящийся к самопожертвованию, — Бог. Так было до Христа и осталось после его прихода. И если ныне христианство — самая распространенная в мире религия и величайшее культурное достояние, то причина этого в жертве Богочеловека. «Пальма же первенства принадлежит тому, кто был силен и на словах и на деле, кто не только прочувствовал добро, но своей кровью дал ему восторжествовать» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 102*). Ренан отмечает, «что, видя в своей смерти средство основать свое Царство, он сознательно и обдуманно вел к тому, чтобы заставить убить себя... Собственная кровь представлялась ему водой второго крещения, которою ему предстояло омыться, и казалось, будто им овладела странная поспешность идти навстречу этому крещению, которое одно только может утолить его жажду» (там же. С. 219). В определенном смысле можно сказать, что вся жизнь Христа была жертвой.

Мы видим внутреннюю борьбу Христа в Гефсиманском саду, когда он «пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Евангелие от Матфея 26: 39). Остановив извлечшего меч, чтобы защитить его, Христос сказал: «...или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (там же. 26: 53–54). Чему быть, того не миновать. Отговаривавшему его от добровольной жертвы Петру Христос говорит: «Ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (там же. 16: 23). Горький обратный смысл слов убийц: «других спасал, а Себя Самого не может спасти» (там же. 27: 42) демонстрирует их мораль и понимание

спасения и подтверждает идею Христа: спасать не себя, а других.

Человек объявляет себя Богом и истиной. Напрашивается вывод: уничтожим его и тем самым истину. Пример узости мышления. Пилат удивляется просьбе первосвященника поставить охрану перед гробницей Иисуса, но тот отвечает, что мертвый Христос опаснее, чем живой.

Интересна трактовка предательства Иуды Леонидом Андреевым. Иуда хотел, чтобы люди поняли, увидев поведение Христа после ареста, что он Бог и уверовали в него. Нужна добровольная жертва, распятие — вот тогда они действительно поймут! В этом смысле можно сказать, что Иуда по-своему способствовал возникновению христианства (если к тому же поверить Андрееву, что он любил Христа больше всех других учеников).

Жертва Христа заменила жертвы, установленные древним законом. Сравнение Христа с агнцем показательно и обращает к древним жертвоприношениям. Они были в сердцевине мифологии, но философия, отбросив мифологическую оболочку мысли, привела к человеческой жертве (прообразом которой явилось жертвоприношение Ифигении), а в религии в жертву принес себя Бог. Принесение Христом себя в жертву напоминает обряд умерщвления богов. Но здесь новый момент в том, что в жертву себя приносит сам вочеловечившийся Бог. Все ветхозаветные жертвы отныне закончились. Жертвой Бога искуплены грехи человечества. Ничто не могло быть более сильно действующим средством.

В свете Нового Завета по-новому предстает судьба Иова. Его страдания по воле Бога — прообраз страданий Христа. Смысл «Книги Иова» в том, что Бог хочет, чтобы человек понял ценность страдания для совершенствования человека, не только узнал об этом, а почувствовал на собственной шкуре, как того требует религия. «Свет страстей Христовых открыл нам, — подчеркивает Тойнби, — что страдание необходимо постольку, поскольку оно есть необходимое средство спасения и созидания в условиях временной и краткой жизни на Земле» (Тойнби А. Постигание истории... С. 226). Бог показал людям не только пример силы, но и пример страдания. Разница, правда, в том, что

Христос приносит жертву добровольно, а на Иова лишения сваливаются без его желания. Добровольность жертвы увенчала собой здание религии, стала, используя выражение Христа, закваской, вызвавшей брожение теста. Как сказал Ренан, личное решение Иисуса доныне управляет судьбами человечества. В неожиданном с точки зрения здравого смысла событии — Бог, презрев свое могущество, вочеловечивается и добровольно гибнет в муках на кресте — открывается роль добровольной жертвы в развитии культуры и человечества.

В христианстве преодоление собственного Я идет через любовь и аскетизм. К отказу от Я ведут также болезни и несчастья, которые свидетельствуют о непрочности всего земного. «Любящие душу свою погубят ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную». Христианство вслед за буддизмом считает отказ от своего Я, смирение, преодоление гордыни за благо. Это общее положение, характерное для всех религий.

Иисус Христос как человек был евреем и действовал в еврейской среде, в которой его и распяли (хотя и ученики его были евреями). Проблема национальности, впрочем, никогда не была основной в мировых религиях, и они становились мировыми именно потому, что на первый план выходили проблемы духовные. Эту мысль высказал апостол Павел знаменитыми словами: «нет ни иудея, ни эллина» в том смысле, что все люди равны перед Богом и делятся религии не по национальным признакам, а по силе веры в Бога.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТА

Относительно Воскресения до сих пор не затухают споры, и этот вопрос действительно кульминационный. Его можно поставить и так: хватило ли самой по себе жертвы Христа для победы религии над философией и всей римской империей или необходимо было Воскресение? На фоне Воскресения жертва Христа выглядела событием более традиционным, хотя она не менее удивительна, чем поражающее всех Воскресение. Некоторые видят в Воскресении главное событие христианства. Почему? Оно не более трудно для Бога, для которого все возможно. В обыватель-

ском плане жажды чуда Воскресение более фантастично, но в культурном плане именно жертва связала неразрывными нитями Бога и человека.

Воскресение Христа аналогично прекращению цепи рождений и смертей, произошедшему после казни Сократа, во что тот верил. Здесь имеем дело с возрождением мифологической идеи жертвы как пути к обновлению мира. Если вспомним Будду, то жертва предстает в мистическом свете возвращения к Единому. Праздник Воскресения — Пасха — означает «освобождение», и этим христианство как бы подтверждает высочайшее значение, которое освобождение имело в буддизме. Переход к вечной жизни в рай — аналог буддийского освобождения от перевоплощений. Цель, по существу, и там и там одна, а различия определяются культурными особенностями нации — верой древних индийцев в перевоплощение. Относительно Единого надо сказать, что более древняя религия более мистична. Если понимать Воскресение как рождение духа в человеке, то придем к концепции второго рождения, известного из индийской культуры.

Штайнер интерпретирует жизнь Христа как достижение следующего духовного этапа после Будды. «Он не умирает физически в то мгновение, когда его просветляет свет мира. В это мгновение Он — Будда. Но в это же самое мгновение он восходит на ступень, находящую свое выражение в более высокой степени посвящения. Он страдает и умирает. Земное исчезает. Но не исчезает духовное, свет мира. Следует его Воскресение» (*Штайнер Р. Христианство как мистический факт... С. 85*).

Догмат Воскресения существовал в Израиле задолго до Христа. «Праведники воскреснут, чтобы принять участие в мессианском царстве. Они воскреснут во плоти, на глазах мира, в котором они будут царями и судьями; они увидят торжество своих идей и унижение своих врагов» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 81*). Догмату Воскресения следовали фарисеи, отличаясь этим от саддукеев, верных более древнему иудейскому учению. Воскрешение из мертвых — идея совершенно отличная от бессмертия души.

Важнейший аргумент в споре о воскрешении — жизнь учеников Иисуса. «Наиболее потрясающим доказательством истинно-

сти Евангелия является жизнь ранних христиан. Нам следует спросить себя: что, какая сила заставила последователей Иисуса идти и проповедовать весть о воскресшем Господе по всему миру? Приносили ли их усилия какие-либо видимые блага: авторитет, богатство, более высокое общественное положение? Если да — тогда мы можем попытаться объяснить их поведение, их полное, самозависимо подчинение себя идее «воскресшего Христа» — материальными причинами. Но в награду за свои усилия многие ранние христиане подвергались избиениям, их пытали и казнили самыми мучительными способами: побивали камнями, бросали на съедение львам, распинали. А они продолжали жертвовать своими жизнями, тем самым вручая грядущим поколениям окончательное доказательство их полной уверенности в истинности своей проповеди» (*Макдауэлл Д. Свидетельство о Воскресении. М., 1993. С. 21*).

Воскресение Христа признается решающим фактом в пользу веры в Бога и самой религии. В более общем плане Воскресение есть достижение цели в результате осуществления жертвы, модель торжества жертвы, которая известна не только в христианстве, но и в мифологии (птица Феникс, восстающая из пепла) и в обычной жизни. Суть культуры в целом — победа над смертью. Весть о Воскресении — залог конечного торжества культуры, побеждающей благодаря жертве.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

В I—II вв. н.э. были созданы произведения, составившие основу Нового Завета. Это четыре Евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, «Деяния апостолов», Послания апостолов, «Откровение Иоанна Богослова». Новый Завет вместе с Ветхим Заветом составили Библию — священную книгу христиан.

Что нового внесло христианство? В качестве главных называют такие идеи: Бог — любовь, ценность души, богоподобие человека, Царство Божие. «Пребудет во свете разума тот, кто любит» (1 Иоанн II, 9, 10). Ранее это же утверждала философия, но в христианстве любовь становится личностью. Познание делает человека свободным — «познайте истину, и истина освободит».

дит вас» (там же, VIII, 32). И это было в философии и затем перешло в науку. «Христианство научило людей любить и ценить в человеке не его атрибуты, не его достоинства, а его существенное ядро, его душу» (История религии... С. 129). «...что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою погубит?» «У них есть все, кроме души», — поет современный автор, но с христианской точки зрения, все — это и есть душа, нельзя иметь всего или даже малую часть всего, не имея души.

Учение о причастности человека божеству также было в философии у Платона, но христианство придало ему новую силу: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». Наконец, новый порядок вещей в мире, преодолевающий страдание (а это относится не только к человеку, но «и вся тварь совокупно стонает и мучится» — Рим. VII, 22), — это Царство Божие. Оно внутри каждого человека — «Царство Божие внутри вас есть» — и оно достигается внутренними усилиями личности. Человек может соединиться в течение жизни в своей душе с Царством Божиим (аналогично в буддизме). Но оно же вне человека постепенно зарождается и будет утверждено в мире (как в зороастризме). И все же главным уникальным ядром христианства является этика милосердия, с особой силой прозвучавшая в Нагорной проповеди Христа.

Поведение христианина, подставляющего другую щеку, — такое, которое присуще в животном мире особям, признающим свою слабость перед представителем своего же вида. Победенный волк поднимает шею, подставляя свое наиболее уязвимое место, и остается живым, потому что инстинкт хищника запрещает убивать представителя своего вида, который демонстрирует готовность быть убитым. И может быть такое поведение будет способствовать появлению подобного же инстинкта у человека в будущем. В христианстве присутствует и «золотое правило» этики. «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Евангелие от Луки. 6: 31).

Вскоре после Воскресения Христа стали складываться первые христианские общины. Описывая состояние первых христиан, отмечают, что «смерть — самое страшное для человека — им не была страшна» (История религии... С. 132). Этим объясняет-

ся необыкновенная стойкость в перенесении гонений. После сошествия на учеников Христа Святого Духа христианам стала присуща вдохновенность, исполненность силы Божией. А. Гарнак пишет, что отличительным признаком христианства является «гармоническое соединение полного и смиренного подчинения Господу и полной свободы Духа». Христос был для учеников победившим смерть и искупившим человеческий род. Под влиянием веры в скорое наступление Царства Божия изменилось отношение ранних христиан к собственности, браку и семье как мало важным и мирским.

Первоначально церковью называли собрание христиан, будь то отдельная семья или жители одной местности. Глава церкви — Христос, а конкретное управление совершают особые лица, наделенные видимыми всем божественными дарами, так называемой **харизмой** (это апостолы, учителя, епископы, дьяконы, пресвитеры, вместе составлявшие клир).

Принципы отношения к миру были даны в Евангелии: ищи прежде всего вечного, будь близок к Богу, не привязывайся к эмпирическому миру, не служи Маммоне. Утверждение, что чрезмерная привязанность к миру — зло, напоминает индийские представления, да, пожалуй, присуще религии вообще. Для христианства характерна идея аскетизма, и если не мучительства за идею, то борьбы с плотью. Христос заповедовал честно зарабатывать хлеб свой.

Из двух вариантов преодоления смерти — не умирать или не жить вовсе — христианство, в отличие от буддизма, предпочло первый. К этому затем присоединился и ислам. Христианин хочет вечной жизни, но полностью отдается на волю Божью. «Да будет воля Твоя». В полном уничижении перед Богом христианин также приравнивает свою жизнь к нулю, как и буддист. Он ничто перед Богом, как буддист ничто перед Пустотой. Здесь их отношение к жизни тождественно. Противоположности сходятся. Если пойти в разные стороны земли и идти долго и быстро, то можно встретиться.

Христианские общины пополнялись главным образом людьми бедными и необразованными, и их замкнутость вызывала подозрение у окружающих, в том числе у властей. Во II в. руково-

дящие должности в общине перестали быть выборными и харизматическими, начался процесс объединения общин. Около 220 г. уже возникла единая Церковь от Евфрата до Испании. Противники установления церковной иерархии основали секту монтанистов (по имени ее основателя Монтана, жившего в середине II в. н.э.), призывавших к отказу от собственности и умерщвлению плоти. Одним из сторонников такого подхода был упоминавшийся нами Тертулиан.

Но даже при достаточной умеренности большинства христиан и желания мирно сосуществовать с государственной властью, последняя видела опасности, идущие от новой религии, и подвергала христиан притеснениям и гонениям, которые продолжались до IV в. С распространением христианства на другие области Римской империи закончился его ранний этап и началось превращение в мировую религию.

Вопросы для повторения

- Каковы особенности ханаанской культуры?
- Каково содержание Ветхого Завета?
- Что такое иудаизм?
- Каковы истоки христианства?
- Какова роль ветхозаветных сказаний и пророков в возникновении христианства?
- Что общего и какие различия между христианством и иудаизмом?
- Какова роль жертвы и воскресения Христа в победе христианства?
- Чем объясняется готовность первохристиан добровольно претерпевать мучения?
- Как можно объяснить аскетизм и подвижничество христиан?
- Что общего и какие отличия между христианством, буддизмом и исламом?

Литература

1. Библия.
2. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. М.: Вся Москва, 1990.
3. *Фаррар Ф.* Жизнь Иисуса Христа. М.: Прометей, 1991.
4. Библейская энциклопедия: В 2 кн. М.: NB—press; Центурион: АПС, 1991.

Глава 9

Становление христианства как мировой религии

ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Христианство утвердило себя в качестве мировой религии не в той культуре, в которой возникла, а в греко-римской. Как подчеркнул русский философ Вл. Соловьев, «двумя путями — пророческим вдохновением у евреев и философской мыслью у греков — человеческий дух подошел к идее Царства Божия и идеалу Богочеловека» (*Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. I. С. 271). Поэтому начнем главу с рассказа о греческой мифологии, составившей затем духовную основу римской мифологии и философии, в которой и произошло становление христианства как мировой религии.

Мифология Греции и Рима важна для нас не только сама по себе, но и потому, что христианство как мировая религия сформировалось именно в Древнем Риме, который перенял в основном греческую мифологию, хотя деятельность Христа проходила в Палестине. В этом смысле на становление христианства повлияло не только то, что Ветхий Завет монотеистичен — в нем один Бог, но и то, что в древнегреческой мифологии присутствует верховный бог Зевс, переименованный римлянами в Юпитера.

Представления греков о происхождении мира сходны с имеющимися у других народов. Раньше всего зарождается хаос, а следом широкогрудая Гея и сумрачный Тартар, «в земных залегающих недрах глубоких», сообщает Гесиод в поэме «Теогония», написанной в VII в. до н.э. В «Теогонии» систематизированы местные мифологии многочисленных городов-государств. Получилось четыре поколения богов. Исходная пара — бог Неба Уран и его жена богиня Земли Гея. От них происходит поколение титанов. Младший из сыновей Крон (от него время — хронос) и его

сестра Рея порождают новое поколение богов. Наиболее известны из них Зевс, ставший верховным богом Олимпа, его жена Гера — покровительница брака, их братья Посейдон и Аид, сестра Деметра — богиня Плодородия. Вселенная была поделена между Зевсом, Посейдоном и Аидом. Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Аиду — подземное царство.

Следующее поколение: Аполлон — бог света и искусства, Афина — богиня мудрости, Афродита — богиня красоты, Арес — бог войны и т.д. К этому же поколению относятся титан Атлант, державший на своих плечах небесный свод, и Прометей, давший огонь людям и за это прикованный к кавказской скале по приказу Зевса.

От Мнемозины — богини памяти — у Зевса родилось 9 муз: Урания — муза астрономии, Клио — муза истории, Каллиопа — муза эпоса, Эвтерпа — муза лирической поэзии, Полигимния — муза гимнов, Эрато — муза любовной поэзии, Терпсихора — муза танца, Мельпомена — муза трагедии, Талия — муза комедии.

В «Теогонии» встречаем непорочное зачатие Геей Урана, нимф, Понта. Зевс рождал богов, имея помимо жены многочисленных любовниц, но при желании мог справиться и один, как было с Афиной, которая родилась из его головы. Боги появлялись на свет и без посторонней помощи — Афродита родилась из пены морской после оскопления Зевсом своего отца Крона.

Есть в греческой мифологии не являющиеся богами герои, такие, как полубог Геракл. Знаменитые 12 подвигов совершены им с целью достичь того, о чем мечтал Гильгамеш, — бессмертия.

У греков сформировалось представление о золотом веке, который существовал в прошлом, когда появились первые люди. «Жили они без забот и трудов, питаясь желудями, дикими фруктами и медом, который капал прямо с деревьев, пили овечье и козье молоко, никогда не старели, танцевали и много смеялись. Смерть для них была не более страшна, чем сон» (Хрестоматия по истории мировой культуры... С. 196). Затем были люди серебряного века, которые жили до 100 лет и не воевали друг с другом; люди медного века, которые любили воевать, были грубы и жес-

токи. Люди нынешнего железного века — нечестивые, злобные, несправедливые и лживые. Впрочем, не сами они во всем виноваты. Как Ева в Библии, так Пандора в греческой мифологии ответственна за человеческие неурядицы. Первая женщина, сотворенная Гефестом по повелению Зевса, из любопытства открыла сосуд, в котором заключены людские пороки, болезни и несчастья и выпустила их на волю, отчего до сих пор страдает род человеческий. По мнению Вико, название золотому веку дала пшеница, что свидетельствует о том значении, которое придавалось возделыванию земель. Золотом называли и шерсть («золотое руно»), а дальше идут золотые яблоки, золото как металл и золотые монеты.

Греческая мифология была гораздо более развита по сравнению с предыдущими, хотя многие сюжеты повторяются. Так, миф о Деметре, вынужденной ежегодно спускаться в Аид, заменяя свою дочь Персефону, напоминает мифы об Осирисе и Инанне. Штайнер интерпретирует миф о Деметре как символ души и ее вечного превращения в смене рождений и смертей.

Греческие боги совершали огромное количество деяний, которые копировались с человеческих поступков, что привело к «заземлению» божественного и не понравилось Платону, советовавшему правителям брать пример с египетской культуры. Этот совет оказался утопическим, но мифология уступила свое лидирующее положение философии. Значение мистерий (элефсинских, посвященных богине Деметре и др.) постепенно сходило на нет, и вместе с тем миф покидали мистические силы, ослабляя его.

То, что греки и вслед за ними римляне не проводили резкой границы между богами и людьми, допускали свободное общение между ними и у них существовал особый разряд полубогов (например, Геракл), а другие герои — Менелай, Агамемнон, Одиссей — становились божествами и имели свои культы, облегчало принятие римской цивилизацией христианства с его Богочеловеком. В Древней Греции «богом делалось данное лицо за **человеческие** свойства, но только усиленные, достигшие божествен-

ных размеров, поэтому боги характеризуются красотой, силой, ведением, и одно только свойство качественно отделяет их от людей — их бессмертие. Боги Греции — человекобоги, и религия греков — чистейший антропоморфизм» (История религии... С. 50). Но человекообразие греческих богов имело и отрицательную сторону, которая также способствовала замене греческой мифологии христианством. Эта замена была вызвана дальнейшим усилением морального аспекта религии.

Греческая мифология — самая четкая, логичная, последовательная и яркая, и поэтому не случайно именно она прорвала собственные рамки и стала предпосылкой философии. Психея превратилась в понятие души, Афродита — в понятие любви и т.п. Но и в философии, особенно на ее первом этапе, остается много мифологических представлений, например, представление о посмертном суде доходит до Платона и описывается им в «Федоне». Совершившие преступления мучаются в Тартаре до тех пор, пока не вымолят прощения у своих жертв. «В этом состоит их кара, назначенная судьями» (*Платон. Федон.* 114b).

Основные элементы греческой религии — молитвы, жертвы, гадания. «Храмы строились фасадом на восток и содержали в себе изображения богов и иногда священные реликвии вроде якоря аргонавтов, плеча Пелопса, крови Геракла и т.п. Тот или иной храм приобретал влияние и популярность в зависимости от каких-либо чудотворных изображений, хранившихся в нем, статуй, источавших миро... и т.д.» (История религии... С. 55).

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Рим, основанный по преданию Ромулом и Ремом в 753 г. до н.э., явился второй великой морской цивилизацией после греческой, значение и размеры которой простерлись намного дальше, чем могли мечтать ее создатели. К IV в. до н.э. Рим захватил всю территорию Италии, а с середины III в. по середину II в. до н.э. в Пунических войнах сокрушил Карфаген. Во II в. до н.э. Рим захватил Грецию; в I в. до н.э. — Египет, Иудею, Галлию, часть Британии. В середине I в. до н.э. единоличным правителем римского

государства становится Юлий Цезарь, а после его убийства и гражданской войны императором провозглашается приемный сын Цезаря Август. В III в. император Константин переносит столицу в г. Визант на берегу Боспора, которому дает название Константинополя. В конце IV в. Римская империя делится на Западную и Восточную, получившую название Византии. В 410 г. варвары впервые захватывают Рим, а в 476 г. Западная римская империя прекращает свое существование.

Важным этапом римской экспансии было поглощение греков вместе с их культурой, проводниками которой стали римляне. Потерявшие независимость греки покорили Рим своей мифологией и философией и одержали культурную победу. «Греческая философия уже целые века воспитывала высшее римское общество. Почти все наставники были греки. Преподавание все шло на греческом языке. Блистательнейшая победа Греции была одержана ее педагогами и профессорами» (*Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991. С. 29). Когда римляне покорили Малую Азию, на территории Римской империи стал распространяться культ персидского бога Митры. После захвата Египта в Риме получили известность египетские боги. Захват Иудеи привел в конечном счете к торжеству христианства в Римской империи и во всей Европе. Странствующий немецкий поэт XIII в. Фрейданг объяснил это так:

«Владык великих древний Рим
Поработил мечом своим,
Но за неправду осужден
Принять поверженных закон» (*Зарубежная литература средних веков.* М., 1975. С. 107).

Строгий и практичный стиль римской цивилизации соответствовал задаче, которую она выполняла, — расширение ареала греческой и других культур, их перенесение на громадные расстояния и массы. Рим можно назвать первой цивилизацией, которая пыталась создать единое культурное поле на огромной захваченной территории, на которой (новый момент!) существовало несколько достаточно развитых культур. Помогало этому то,

что римская культура не обладала собственной целостностью, которая противостояла бы другим культурам. Она впитывала в себя и духовно подчинялась культурам покоренных народов, придавая им свою специфику. В гигантском котле смешались многие культуры. Римская империя объединила большинство известных в то время цивилизаций — египетскую, ближневосточные, еврейскую. Это потребовало беспрецедентной культурной работы. Начиная со II в. до н.э., после завоевания Греции, данную роль выполняла греческая мифология и философия, в новую эру она перешла к христианству, ставшему мировой религией. Сама же римская культура участвовала в этом синтезе искусством в лице Овидия, создавшего в своих «Метаморфозах» единую художественную картину мира, и философией в лице римских стоиков, создавших единые идеалы поведения.

Римская культура — прообраз мировой культуры, позволяющий сделать вывод, что это возможно. Правда, Римская империя объединила не весь мир, но можно представить, что было бы, если бы римляне захватили Индию и Китай. Итак, в римской культуре осуществился первый в истории синтез, который повлиял на последующее развитие культуры (достаточно вспомнить, что христианство пришло в Европу из Рима, а мусульманство было бы невозможно без христианства).

Первичные мифы римской цивилизации, например миф о выкармливании волчицей двух братьев — основателей Рима, мало чем отличаются от мифов первобытных народов. Тит Ливий пишет, что первый культ, учрежденный на римской земле Ромулом, был культ Геркулеса (Геракла), так как Ромул был ревностным почитателем бессмертия, порожденного доблестью. Для древнейшего периода римской истории характерен культ семейно-родовых духов-покровителей — богини домашнего очага Весты, пенатов и ларов. Еще один исконно римский бог — двуликий Янус. После завоевания Греции происходит отождествление римских богов с греческими и перенимание структуры греческого пантеона: Юпитер отождествляется с Зевсом, Марс — с Аресом, а взятые от греков боги приобретают новые имена: Афина называется

Минервой, Афродита — Венерой, Посейдон — Нептуном, Гера — Юноной, Гермес — Меркурием.

Овидий в «Метаморфозах» расширил «Теогонию» Гесиода. Он попытался собрать воедино все предшествующие знания от первобытного хаоса до системы Пифагора и соединил мифы, научные и исторические сведения в художественную картину мира, в которой все находится в процессе изменения, метаморфоз. Данный синтез вполне соответствовал историческому значению Римской империи, включившей в себя к началу нашей эры большинство известных земель. Создателем человека у Овидия является Прометей, который «между тем, как, склонясь, остальные животные в землю смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо в небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи» (*Публий Овидий Назон. Собр. соч. СПб., 1994. Т. II. С. 11*). В золотой век не было страха, земля все «сама приносила, плугом не ранена» (там же), реки текли молока и т.д. При Юпитере зародился серебряный век. Появились 4 времени года, люди стали жить в пещерах и трудиться на земле. Дальше были медный век и худший, железный, в который ушло благочестие и справедливость, а пришло насилие и «проклятая жажда наживы», а вместе с ней частная собственность на землю и войны. Юпитер решает уничтожить человеческий род и устраивает потоп. В живых остается один человек с женой, от которого происходят новые поколения.

В «Метаморфозах» Овидия Юпитер в основном занимался любовными интригами, заставляя вспоминать написанную Овидием ранее «Науку любви». Пантеон богов намеренно заземлялся, и ему трудно становится соперничать с нарождающимся христианством. Можно сказать, что здесь происходит подмена. Юпитер Овидия намного легкомысленнее Зевса Гесиода, и верить в благость так себя ведущего бога становится все сложнее.

В императорский период утверждается культ гениев императоров. В новую эру в Рим проникают мифологические системы из покоренных стран — Египта и Малой Азии. Между ними разворачивается борьба за господство. Во II в. в Риме стал популярен культ персидского бога света и правды Митры, который в

религиозном плане был самым большим конкурентом Христа. Это был шаг от политеизма к монотеизму, и в этом смысле почитание Митры подготовило к принятию христианства в начале IV в., на закате Римской империи. А на протяжении длительного времени римские сатурналии воспринимались как жуткий анахронизм, в то время как жертва Сократа для римских стойков оставалась образцом мужества. Философия в Древнем Риме господствовала вплоть до победы христианства.

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕДТЕЧА ХРИСТИАНСТВА

Мы видели, как из определенных философских идей возникли религии в Китае в отсутствие развитых мифологических систем. В этом параграфе более подробно остановимся на роли философии в становлении религии на примере христианства.

Мистические верования, лежащие в основе религиозных представлений, могут появиться даже до возникновения разума и речи. Однако для того, чтобы появилась религия как отрасль культуры, должно было появиться слово, т.е. Логос, разум. Человек должен был сначала стать достаточно рациональным, и тогда «слово стало плотью» (Евангелие от Иоанна 1:14), т.е. Логос воплотился в жизнь. С религией появляется дух в полном смысле слова (до этого преобладает чувство в искусстве, чувство-разум в мифологии, разум в философии), и появляется духовенство как особый социальный слой. Недаром духовность часто отождествляют с религиозностью.

Христианский Бог отличается от языческих богов тем, что представляет собой, по Вико, чистый ум, в то время как в последних тело и ум нераздельны. Перейти к религии помогла философская абстракция, и в религии человек начал испытывать чувства по отношению к тому, что в философии было абстракцией.

Сыном человеческим называют человека и Бога, создавшего человека по своему образу и подобию. «Слово («разум» как переводит «логос» в греческом оригинале Л.Н. Толстой) было у Бога и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна). Человек — это разум,

одетый плотью; не человек, поднявшийся к разумности, а разум, спустившийся к человеку. Вера в религии поднялась над разумом, но не уничтожила его. И разум зрел в религии, чтобы через 1,5 тыс. лет создать новую отрасль культуры — науку.

Верно то, что религия была альтернативной философии отраслью, зародившейся в другой, менее рациональной культуре из мифологических представлений. Ее мифологичность очевидна из сопоставления мифологических сюжетов с религиозными в гл. 3, хотя и здесь имеются принципиальные различия. Однако религия не только боролась с философией, но и много взяла у нее. Между философией и религией есть немало сходства, которое не замечают, когда видят лишь борьбу. Уже Платон, по сути, обожестил понятия, которые для того, чтобы стать религиозными, должны были только сбросить свою рациональную одежду. Без платоновского мира идей и высшей идеи Блага не возникло бы представление об идеальном всеблагом Боге. Если бы не философия, из мифологии не скоро получились бы идеальные (от идей) представления о Боге, столь далекие именно своей идеальностью от языческого пантеона, в котором слишком много приземленно-человеческого.

Хотя Христос проповедовал вдали от философских центров, само христианство была эллинизировано, и без этого церковь не могла бы утвердиться. Религия возникает на основе философии в ее развитой (как в Греции) или неразвитой (как в Индии и Китае) форме. Вот почему самые продвинутые религии — христианство и позже ислам — оформляются в своем завершенном виде именно на эллинистической почве. Причем данные религии благодаря своей доступности не только интеллектуальной элите, но более широким массам приобретают гораздо большее распространение, чем философия, которая уступает религии свою лидирующую роль в культуре.

Многие вопросы, которые решает религия, до нее ставились в философии. Одна из таких самых сложных проблем — «бог и зло». Христианство отвечает на нее утверждением, что Бог дал людям свободу воли; индийская философия — концепцией кармы. Эпи-

курейцы дают свой ответ, считая, что боги не вмешиваются в жизнь людей, потому что в противном случае, по Эпикуру, пришлось бы признать, что допускающие зло боги или не всемогущи, или не всеблагии.

И интересное дело: сам Эпикур, по Лукрецию, оказывается выше богов, потому что боги не вмешиваются, а Эпикур своим учением пытался спасти человечество от страхов. Еще раз убеждаемся: чем ниже ставятся боги, тем выше оказывается человек. «О богах ничего не знаю», — говорит Будда и... обожествляется. Боги не вмешиваются, утверждает Эпикур и... почитается богом.

По Эпиктету, на земле все пленники и одинаково дети бога. К богу Эпиктет взывал так страстно, что даже был назван предтечей христианства. Обнаруживаем мы у Эпиктета и золотое правило этики. «То положение, которое ты не терпишь, не создавай для других. Не желаешь быть рабом, — не терпи рабство около себя».

Марк Аврелий, как все стоики, ищет смысла. «Что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет» (*Марк Аврелий*. Размышления. II, 11). Попытка избавиться от зависимостей, принятая эпикурейцами, делает жизнь бессмысленной. В исполнении разумного промысла — долг человека. «Я исполняю свой долг. Ничто другое не отвлекает моего внимания».

Исполнению долга способствуют добродетели, точнее одна добродетель как единство, в различных ситуациях проявляющееся в виде благоразумия — знания того, что есть добро, что зло; здравомыслия — знания того, что следует делать и избирать, чего избегать; справедливости — знания о воздаянии каждому по заслугам; мужества — знания о страшном и нестрашном; праведности — справедливости в отношении богов.

Говорит Марк Аврелий и о желательности таких черт характера, как простота, добропорядочность, неспорченность, серьезность, скромность, благочестие, благожелательность, любвеобилие, твердость в исполнении надлежащего дела. «Вот и являй себя в том, что всецело зависит от тебя: неподдельность, строгость нрава, выносливость, суровость к себе, несетование, неприхотли-

вость, благожелательность, благородство, самоограничение, немногоречие, величавость» (там же, IV, 5). «Совершенство характера — это то, чтобы всякий день проводить как последний» (там же, VII, 69). Это близко к христианскому аскетизму и отношению их к смерти.

Марк Аврелий подошел совсем близко к евангельскому «возлюбите врагов ваших», хотя был противником христианства. Он дает три оправдания того, почему не стоит гневаться на обидевших тебя: во-первых, на этом проверяется собственное доброжелательство; во-вторых, людей невозможно исправить, а стало быть нет смысла обличать их; в-третьих, «лучший способ отомстить недобрым состоит в том, чтобы им не уподобляться» (там же, VI, 6).

Всеобщий разум распространен повсюду, как воздух, и его надо благодарить за все, даже за несчастья. Судьба назначает человеку нечто, как врач прописывает лекарство. Здесь не философия, как у киников, а судьба-врач. Лекарство же бывает горьким. Так и зло в мире — горькое лекарство, которым лечит природа. Это близко к христианскому представлению о том, что болезнь дается в наказание за грехи, и человек не может и не должен разбираться, за что наказан. Болезни не дала бы природа, если бы это не принесло пользы целому.

Главное в жизни — быть достойным бога, гения, добродетели и сохранить свой собственный цвет, как изумруд. «Свернись в самого себя» (там же, VII, 28). Живи настоящим днем, но не призываясь к нему, и ни на кого не обижайся.

Важное место в философии Марка Аврелия занимает требование быть всегда одинаковым в ответ на действия внешних обстоятельств, что означает постоянную соразмерность, внутреннюю согласованность душевного склада и всей жизни. «Быть похожим на утес, о который неустанно бьется волна; он стоит, и разгоряченная волна затихает вокруг него» (там же, V, 49).

Сходные мысли встречались и у Сенеки. «Поверь мне, великое дело — играть всегда одну роль. Но никто, кроме мудреца, этого не делает; все прочие многолики» (*Сенека А.Л.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 310). Отсутствие целостнос-

ти и цельности — причина того, что люди, запутываясь в перемене масок, оказываются расщепленными. А целостность нужна потому, что сам человек — часть мирового целого, без которого он не может существовать, как рука или нога отдельно от остального тела. Представление о единстве всего во Вселенной постоянно повторяется Марком Аврелием.

Стоицизм в лице Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия и неоплатонизм в лице Плотина и Прокла близко подошли к христианству и заложили, можно сказать, философские основы христианства, хотя оба направления полемизировали с ним (не видя ясно то общее, что было у них с религией). И затем, когда христианство победило, Блаженный Августин уже мог, объединив христианство с платонизмом, создать первую в христианстве религиозно-философскую концепцию «двух градов». Осознавая противоречия между античной философией и религией, не следует упускать из виду то общее, что у них было — представление о Боге.

Недовольные рамками, в которых функционирует разум, обращались к религии. Подрывая выводы разума, скептики все больше склоняли людей к вере и тем самым подготовили победу христианства, для которого вера выше разума. Оказалось, что страх смерти не победить разумными доводами. Христианство стало мировой религией не случайно, распространение его подготовлено логикой развития античной культуры. Людям хочется не только счастья здесь, но и после смерти. Ни Эпикур, ни стоики, ни скептики не обещали этого. Встав перед дилеммой: разум или вера, — люди предпочли веру, в данном случае христианскую. Отвернувшись от рациональной мудрости, более молодое и уверенное в своих силах христианство победило дряхлеющую античную философию. Последняя почилла, как мудрый старик, уступающий место новому поколению.

С конца II в. христианство завладевает умами масс. Можно сказать, что христианство в борьбе с философией победило самую могущественную в истории человечества империю, а единственный в истории император-философ потерпел сокрушительное духовное поражение. Почему это произошло? Ослабление

творческих потенциалов античной философии, изменение духовного климата и социальных условий жизни тогдашнего общества привели к триумфу христианства. Философия была сначала низвергнута, а потом использована для нужд религии, превратившись на полторы тысячи лет в служанку богословия.

В римской цивилизации философия теряет свою теоретическую мощь, становясь преимущественно практической мудростью, что лишает ее главного достоинства — разумного поиска истины. Стараясь быть прежде всего полезной, философия исчерпывает себя.

Несколько смертельных ран богам нанес Овидий, но Лукиан откровенно третирует их. На его «собрании богов» Мом говорит, что люди презирают богов из-за того, что среди них есть легкомысленный Дионис с Силеном и сатирами. Обвиняется сам Зевс за то, что обратил свой взор на смертных женщин. «Чем больше нас стало, тем сильнее увеличиваются клятвопреступления и святотатства, и справедливо поступают люди, что нас презирают», — заключает Мом (*Лукиан. Избранная проза. М., 1991. С. 269*). Римляне дискредитировали богов, которых взяли у греков, и приход новой религии стал неизбежен. Удар по античным представлениям был нанесен с двух сторон — со стороны философии и искусства. Боги, над которыми можно смеяться, уже не вызывают уважения.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ХРИСТИАН

Христианское мученичество, которое было отсветом добровольной жертвы Христа, смело вступило в бой с античной философией и римской империей. «Вера, энтузиазм, стойкость первого христианского поколения объясняются только предположением, что все движение было обязано своим происхождением личности колоссальных размеров» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 287*). Радость, с которой христиане принимали мучения, и даже сами стремились к ним, объясняется просто: они хотели повторить главное деяние Христа, заключавшееся в его жертве. В свете сказанного настроенность христиан на мучения, а затем, когда

их перестали преследовать, на аскетизм и самоистязание есть лишь продолжение той модели поведения, которую с таким успехом продемонстрировал Иисус, и попытка тем самым приблизиться к последним временам, дарующим жизнь вечную.

Сам Христос сказал, что признаком его пришествия и конца века будет наступление времен, когда «будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Евангелие от Матфея 24: 9). Здесь вступал в действие принцип «чем хуже, тем лучше»: чем больше будут мучить и убивать христиан, тем скорее наступит царство Божие на Земле. Христиане как бы сами нарывались на неприятности и провоцировали гонения на них. Ренан отмечал, что всем культам, которые были терпимы к другим, жилось очень свободно в империи; причина же исключительного положения христианства и ранее его иудаизма заключалась в их нетерпимости.

Христиане действовали по завету: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (там же. 10: 28). Были случаи массового стремления к мученичеству. «Когда проконсул Азии, Арий Антонин, приказал однажды принять суровые меры против нескольких христиан, то в его судилище явилась вся масса христиан города с требованием подвергнуть их участи единоверцев, обреченных на мученичество. Взбешенный Арий Антонин приказал казнить немногих, а остальных прогнал со словами: «Убирайтесь вон, несчастные! Если вам так хочется умереть, у вас есть пропасти, есть веревки» (Ренан Э. Марк Аврелий... С. 40—41). Все пресвитеры отговаривали верных произвольно выступать на мученичество, но нельзя было ничего поделать с видевами в приговоре высшее торжество.

Многое не нравилось в христианах, но перед мужественным их мученичеством преклонялись. Ранние христиане следовали принципу «Терпи и покоряйся, не страшась мученической кончины, ибо через нее войдешь в Царствие Небесное». Святой не тот, кто хорошо говорит или пишет, а тот, кто поступает в соответствии с тем, что говорит и пишет, и ради утверждения идеалов не убивает других, а жертвует собственной жизнью. Так и по-

ступали христианские мученики, доказывая своей кровью жизненность церкви.

В культурной борьбе между рабами и их хозяевами «победили рабы и боги рабов» (*Тойнби А.* Постигание истории... С. 168). И здесь победил слабейший, но уже во внутрисударственной, а не межгосударственной борьбе. Причина гибели римской цивилизации не столько в силе завоевателей, сколько в ее внутреннем ослаблении, в том числе ослаблении ее мифологических и философских культурных основ в борьбе против нового феномена — христианской религии.

Философия в то время господствовала в культуре, более того, философ восседал на троне (реализация идеи Платона). Осуществившийся в римской цивилизации единственный в своем роде случай философа-правителя закончился поражением философии. «Фактически царь-философ обречен на поражение, потому что он пытается объединить в себе две противоположные природы» (там же. С. 469). Это относится не только к философу, но к любому деятелю культуры. Марк Аврелий доказал невозможность что-либо сделать для культуры на троне и неизбежность подмен в этом случае. Меч не подходит для торжества философских идей, и применение его дискредитирует философию. Это относится и к религии, как позже докажут римские папы, и к идеологии, как докажут захватившие власть революционеры в XX в.

При Марке Аврелии «философы стали властью в государстве, известным конституционным учреждением, тайным советом, имевшим огромное влияние на ход общественных дел» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 29). Марк Аврелий был не менее добродетелен, чем отцы христианской церкви, и если отличался от них каким-либо недостатком, то разве что тем, что не был мучеником. Казалось, все было в руках философии при Марке Аврелии, но она не смогла осуществить идеалы, за которые отдал жизнь Сократ, чуть было не был продан в рабство Платон и чуть было не осужден Аристотель. Закат философии отчетливо виден в том, что Платон хотел создать идеальное государство, в котором править будут философы, а Марк Аврелий не делал уже никаких

попыток преобразовать государство в соответствии с философскими идеалами и даже скрывал свои занятия философией. В этих условиях гонимая им религия не могла не победить.

Как бы то ни было, победа христианства тем закономернее, что ей противостоял настоящий философ во всеоружии власти. Марк Аврелий ссылаясь на низкие моральные качества людей, и в этом прав. Но не он ли огнем и мечом преследовал безоружных христиан, наделенных лишь силой духа? Не только ничего нельзя сделать духовного мечом, но и подмены неизбежны, когда в руках меч. Почему прекраснейший философ Марк Аврелий, доброта и порядочность которого так воспевались современниками и потомками, преследовал христиан, которые вели себя вполне стоически? Принадлежа к другой отрасли культуры, Марк Аврелий не понимал мотивов действий христиан, называя их фанатиками и оправдывая только такое жертвование собой, которое является плодом собственного суждения, а не простого противодействия, как у христиан; обдуманным, серьезным, способным убедить других, без примеси трагического наряда, не замечая, что у христиан, которым он отказывал в праве считаться «правильными мучениками», как раз все именно так и обстоит. Добрый и милосердный государь смотрит, но не видит. Считал христиан фанатиками и другой знаменитый стоик, автор нравственной гимнастики Эпиктет, и стало быть дело здесь не в личностях, а в том, к какой отрасли культуры они принадлежат. Борьба ослепляла их ум.

И вот разочаровавшись в попытках переустроить общество на разумных философских началах, Марк Аврелий пишет: «Какими жалкими политиками являются людишки, которые берутся устраивать дела по правилам философии!.. Не надейся, что когда-нибудь осуществится республика Платона; довольствуйся тем, что немного улучшил дело, и не считай этот успех неважным. Как, в самом деле, изменить внутреннее расположение людей? А без перемены в их мыслях, что можешь ты получить, как не рабов подъяремных, выказывающих лицемерные убеждения... Задача философии дело простое и скромное: и потому не навязывай мне

притязательного высокомерия» (*Марк Аврелий*. Размышления. IX, 29). Так рассуждал наедине с собой усталый и отчаявшийся, хотя он и был воспитан на идеалах стоицизма, философ.

Платон ошибался, говоря, что философы должны управлять государством. Так может быть только в идеальном обществе. Не прав и Аристотель, поправивший Платона в том смысле, что правители должны прислушиваться к советам мудрецов. Это возможно только в обществе, которое стремится стать идеальным. А Марк Аврелий доказал, что философ по воле судьбы становящийся правителем, должен скрывать, что он философ. Философ мог бы управлять государством только в том случае, если бы победила культура.

Философия пришла к скептицизму, и Марк Аврелий на вершине власти горько заявил: ничего нельзя сделать. Да, на вершине власти сделать ничего нельзя. Но был способ, который открыл Сократ и которому последовал Иисус. Он, как и Сократ, смог сделать, и с его последователями боролся Марк Аврелий, думая, что ничего сделать нельзя. К этому времени все было сделано, но Марк Аврелий этого не знал и боролся со свершившимся. Именно при Марке Аврелии философия убеждается в своей полной несостоятельности руководить, и христианство побеждает уже явно.

Ренан называет смерть Марка Аврелия «предельной гранью античной цивилизации» (*Ренан Э.* Марк Аврелий... С. 5). Наступало другое время. Попытки Марка Аврелия доказывают: если культуре суждено изменить свою форму, даже правитель не может этому помешать. Философ на троне не в силах предотвратить замены философии на высшей ступени пьедестала на другую отрасль культуры.

ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА

«Иисус создал в человечестве религию, как Сократ создал в нем философию» (*Ренан Э.* Жизнь Иисуса... С. 286). Религия победила философскую цивилизацию Рима и похоронила ее. Древний мир закончился. Возникшая затем в том же месте религиоз-

ная цивилизация была совсем иной. Чтобы вспомнить ту, понадобилось Возрождение. Победила новая культура, не жалевшая себя.

Христианство боролось против рационального знания, как демонстрирует притча об изгнании из рая. Человек должен просто иметь страх Божий и выполнять волю Бога, не полагаясь на свой слабый разум. Такое отношение к рациональному определяется «маятником культуры»: люди устали от интеллекта, всегда находящегося в противоречии с чувствами, и устремились к вере.

Подобно Будде, критиковавшему кастовый строй Древней Индии, христианство провозгласило, что нет ни иудея, ни эллина, и этим привлекло к себе весь мир, став мировой религией. Именно религиозное учение впервые в истории человечества смогло выйти на мировой уровень. Степень объединения человечества была достаточна для этого, т.е. социальная предпосылка налицо. Религия не столь рациональна, как философия, и поэтому могла проникнуть к народам, которые в целом не поднялись до рационального уровня, позволяющего воспринять философию. То же потом будет мешать науке. Достичь всемирного уровня смогут только идеологии, которые появляются после мировых религий.

Не только мир шел к христианству, но и христиане шли к миру. В этом движении отмечают пять важных моментов: «1) уподобление Церкви государству по внешней структуре, 2) уподобление язычеству по своему культу, 3) слияние христиан с миром в повседневной жизни, 4) благосклонное отношение к властям, 5) развитие христианской литературы, науки и искусства по типу языческих» (История религии... С. 154).

Что имеется в виду в пунктах 2 и 5? «Вместо прежнего непосредственного богообщения возникает пышное богослужение, величественный и многословный ритуал, сложные молитвы, переполненные символами и риторикой... бесконечное количество местных святых, которые часто в сознании общины сливались с прежде почитаемым местным богом, получая его атрибуты и функции. Как и у язычников, в Церкви приобретают большое значе-

ние амулеты, реликвии, заклинания, жертвоприношения» (там же. С. 155). Делается даже такой вывод: «К началу IV в. между культом христианским и культом языческих богов не было почти никакой внешней разницы» (там же). Появилось «огромное количество благочестивых новелл, поэм, историй о святых и мучениках, просто литературных упражнений, христианское происхождение которых обнаруживалось только по упоминанию христианских имен, терминов и изречений — все же остальное, форма, стиль, образы, даже идеи оставались типично языческими» (там же. С. 156). «Христианская архитектура и декоративное искусство первоначально были точной копией с языческих образцов» (там же. С. 157). Отметим, что этот процесс синтеза с прежними представлениями характерен для всех мировых религий.

В результате в некоторых провинциях Римской империи число христиан было так велико, что христианство стало преобладающей религией, оно стало объединяющим началом для огромной империи, распадающейся на отдельные части. Так что принятие христианства в определенной мере вынужденный шаг властей. Были попытки сделать государственной религией культ самих римских императоров, культ сирийского божества, но больше всего подошло христианство. Со становлением христианства в качестве государственной религии закончилось и свободное развитие христианской церкви.

В 325 г. император Константин объявляет христианство государственной религией. В том же году по велению императора был созван для решения теологических вопросов первый Вселенский собор в г. Никее. Собор осудил ересь Ария, отвергавшего божественную сущность Христа. На этом же соборе был принят Символ веры христианства, в который Константин предложил внести слова: «Единосущный Отцу», закрепляющие представления о божественной природе Иисуса Христа.

Второй Вселенский собор был собран императором Феодосием Великим в 381 г. в Константинополе. Одной из причин, побудивших собрать собор, была распространившаяся ересь, что

Святой Дух не имеет единства с Отцом и Сыном. Отцы собора утвердили апостольское учение, что Дух Святой единосущ Богу-Отцу и Богу-Сыну. Соответствующие изменения были внесены в Никейский Символ веры, и таким образом был сформулирован Никео-Цареградский Символ веры, исповедуемый церковью по сей день.

В 395 г. по указу Феодосия Великого закрываются все языческие храмы на территории Римской империи. Библия объявляется Священным Писанием, в котором все — истина, не нуждающаяся в доказательствах. Появляются священники и монахи, принимающие обет безбрачия.

Не только вырождение, проистекающее из длительного мира, пресыщение, действие сильных эпидемий и неконтролируемое и прогрессирующее истощение почвы, а вместе с ним крах сельского хозяйства — основы римской экономики — стали причиной гибели империи. Произошла культурная революция — христианство победило Древний Рим.

В римской культуре совершается переход от философии к религии как лидирующей отрасли культуры. Христианство возникло в недрах иной культуры, но римляне приняли его, распространили среди покоренных народов, а затем, погибнув под ударами варварских племен, захватили их ею. Именно Римская империя дала возможность христианству стать первой в полном смысле слова мировой религией.

Возможно, причиной гибели целого типа культуры служит внедрение новой отрасли, которую он не может «переварить». Это аналогично разрушению экологической системы, когда в ней появляется чуждый вид. Если это так, то победа христианства в римской культуре и стала главной причиной распада могущественной империи. «Принятие эллинистическим миром христианства положило конец эллинистической цивилизации» (*Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 574*). Рим захватил Иудею, Иудея после этого покорила Рим духовно, да так, что вся его культурная система оказалась разрушенной, что предопределило распад империи.

*РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСТВА
ДО РАСКОЛА ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВЕЙ*

Вершина культового обряда христианства соответствует вершине культурного торжества. Это жертва на литургии, бескровное повторение жертвы Христа. Значение литургии — в становлении всех участвующих сожертвенниками. Главная цель основного церковного действия — бескровная жертва, совершаемая в алтаре, соответствующем ветхозаветной «святыя святых». Это таинство устанавливает связь между мистической и моральной сторонами христианства. Жертва, воспроизводящаяся в литургии, аналог мифологических жертвоприношений, благодаря которым, как верят язычники, возможно сохранение и развитие мира. Евхаристия представляет собой средство духовного движения мира в сторону осуществления христианских идеалов и вечной жизни. Христианская литургия — жертвоприношение без насилия, повторение жизни, смерти и воскресения Господа. Здесь религия возвращается к мифологии на ином, более высоком уровне. Ислам, сохранивший жертвоприношения животных, возникнув на содержательной основе Ветхого Завета, ближе к мифологии.

В основе литургии лежат слова Христа, сказанные на Тайной Вечере: «примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Евангелие от Матфея 20: 26—28). Жертвоприношение осталось, но сам Христос перевел его в духовную плоскость.

Празднование Пасхи есть ежегодное возвращение к той жертве и вечной жизни, которую она даровала. Христианские культы, подобно мифологическим, направлены на постоянное обновление веры в вечную жизнь. Мифология возвращает человека к рождению, религия обещает вечность. Можно сказать, что смысл христианской церкви в том, что она является школой жертвенности. Составители «Всемирного писания» определяют религиозную практику как способ жертвоприношения. «Любое дело, — обобщают они, — подобает совершать как жертву» (Всемирное

писание. М., 1995. С. 454). Сколько же было построено на этой жертве! На ней уместилось и христианство, и даже альтернативный ей ислам.

На примере литургии видно, что даже развитая религия не отказывается от своих мистических корней, но видоизменяет свои мистические основания, о чем уже шла речь в главе 2. «Христианство как мистический факт есть ступень в поступательном развитии человечества; мистерии же древности и их воздействия суть подготовка к этому мистическому факту» (*Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991. С. 132). Штайнер подчеркивает личностный характер религии. Христос взял «на Себя задачу Своей личностью стать для общины тем, чем был прежде культ мистерии для его участников... Отныне то, что было достижимо прежде только мистическими методами, заменилось отчасти у членов христианской общины убеждением, что божественное было дано в обитавшем с ними Слове. Отныне уже не личная духовная подготовка каждого являлась единственным мерилom, но то, что видели и слышали окружавшие Иисуса, а также и переданные ими традиции» (там же. С. 86, 94). «Христианство вынесло содержание мистерии из сумрака храма на дневной свет» (там же. С. 139) для всенародного обозрения и приобщения. В религии, в отличие от мистики, искупление становится уделом не отдельных посвященных, а всего народа, который спасает Мессия. Христос был первым, кто предпринял невероятную попытку спасти всех — «и иудеев, и эллинов». Он создал для этого условия, но не все захотели спастись. «Много званых, мало избранных».

С победой христианства в IV в. «на смену мученичества и явилось подвижничество. Сонм мучеников сменился сонмом преподобных, мучения и казни, служившие горнилом очищения для душ, уневестившихся Христу, заменились пустынею, скорбями и самоозлоблением подвижников» (*Соловьев А.* Старчество по учению святых отцев и аскетов. М., 1995. С. 23). В это время возникает монашество. Монахом (от греч. «монос» — «один») называли человека, удалившегося от мирского и живущего отличной

от других, иной («инок» и означает «иной») жизнью. Существуют четыре вида монашества: отшельничество (его основателем считается в христианстве Антоний Великий, живший в конце III в.); безмолвническое жительство (его основал Макарий Великий в IV в.); общежительное монашество (учредил его тоже в IV в. Пахомий Великий) и, наконец, старчество. Монашество ставило своей задачей воспитание совершенного человека, а теория самосовершенствования рассматривалась отцами церкви как «наука наук и художество художеств».

Среди монашеских добродетелей выделялись терпение, послушание, смирение. Учение о смирении как основе христианской жизни развил в XI в. Симеон Новый Богослов. «Внутренняя жизнь в Боге характеризуется — в области интеллектуальной — пробуждением в человеке особого ощущения вечной жизни, чувством прикосновения к реальностям иного мира, — в области эмоциональной — состоянием восторженной любви к Богу, — в области волевой — чувством глубокого смирения и полной преданности воле Божией» (Мистическое богословие... С. 376). Иоанн Лествичник, составивший лестницу нравственного совершенствования, назвал смирение матерью дарований. Особенно большую роль играло смирение в русской православной церкви, считаясь основой душевной жизни (правда, наряду со смирением второй наиболее характерной чертой православной жизни С.С. Аверинцев считает суровость, которая, по-видимому, находится в диалектическом единстве со смирением).

Одной из высших ступеней нравственного восхождения стало старчество — институт духовного руководства монахами. Православный оптинский старец Варсонофий различал такие виды молитвы: устную, умную, сердечную, духовную и выходящую за пределы сознания. Это соответствует разделению тел человека на плотное, тонкое, астральное, ментальное и абсолютное сознание. «Души... имеют даже одежды, — подчеркивал о. Варсонофий, — только это будет не грубое тело, а более тонкое, газообразное». Каждый последующий вид молитвы основывается на предыдущем. Умная молитва — молитва в уме, сердечная — молитва всем

телом. Первая переходит во вторую. «Первый от Господа дар в молитве — внимание, т.е. когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами, но при такой внимательной, неразвлекаемой молитве сердце еще молчит... Вторая молитва, второй дар это внутренняя молитва, когда уже ум и сердце соединены, т.е. когда мысли и чувства в согласии направлены к Богу... Третий дар есть молитва духовная... Эта молитва — молитва видения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы так, как мы видим чувственные предметы... Они смотрят уже очами духа» (Житие схиархимандрита Варсонофия. М., 1995. С. 219—220). Вот результат одного конкретного переживания: «я понял тогда, что такое настоящая молитва: индивидуум выходит за пределы своего одиночного заключения, чтобы сознать свое единство со всем существующим, опускается на колена, как смертный, и поднимается приобщенный к бессмертию» (Джемс У. Многообразии религиозного опыта. М., 1991. С. 315).

П. Минин писал, что «поскольку христианская мистика сохраняет в человеке самое дорогое для него — его свободу и его личность, и поскольку она общение с Божеством, даже в самой таинственно-интимной стороне его, рассматривает, как общение личностей, она, в отличие от языческой натурмистики, может быть названа мистикой личности» (Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 342). Но заключительная ступень «умного делания», о которой говорит о. Варсонофий, когда человек отказывается от своей личности, позволяет вспомнить индийскую мистику. Божественный мрак, в котором человек познает Бога, сродни буддийской нирване, а смирение и самоукорение входит в восьмеричный путь Будды. Христианский мистик Я. Беме говорит о видении трех миров, причем внешний видимый мир представлял собою порождение двух миров, внутреннего и духовного.

С объявлением государственной религией заканчивается этап становления христианства как мировой религии и начинается его победное шествие по планете и, как следствие, внутренняя дифференциация на различные конфессии с появлением большого количества сект.

Вопросы для повторения

- Каковы особенности греческой мифологии?
- Каковы особенности римской мифологии?
- Каково соотношение греко-римской философии и христианства?
- Что дала философия для возникновения мировых религий?
- Чем объясняются преследования христиан в Древнем Риме?
- Как можно объяснить аскетизм и подвижничество христиан?
- Чем объясняется готовность первохристиан добровольно претерпевать мучения?
- Что позволило христианству стать мировой религией?
- Что представляет собой литургия?
- Каковы особенности христианской мистики?

Литература

1. *Гесиод*. Теогония. Разл. изд.
2. *Публий Овидий Назон*. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Студия Биографика, 1994.
3. *Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М.: Терра, 1991.
4. Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 1, 1993; Т. 2, 1995; Т. 3, 1995.

Глава 10

Христианство в Византии, Европе и Америке

ПРАВОСЛАВИЕ В ВИЗАНТИИ

Возникновение Византии датируют 395 г., когда по завещанию Феодосия Великого Римская империя разделяется на Западную и Восточную. Константинополь (прежний Византий) получил название «второго Рима». Византийская империя существовала более 1000 лет и была захвачена турками в 1453 г.

Главный вклад Византии в культуру — православие. Во II—III вв. шел процесс образования церкви и клира (священнослужителей в отличие от мирян — простых верующих). В начале IV в. в Византийской империи имелось несколько патриархий — Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская, Константинопольская.

Как только закончились мучения внешние — со стороны государственной власти Рима — сразу же в IV в. начались мучения внутренние — подвижничество. Оно возникает на Востоке, потому что в восточном сознании есть смирение и готовность к самоотречению, которое уже продемонстрировал буддизм. В основе подвижничества лежит жажда абсолюта, выхода за пределы временного и ограниченного в человеке. Энергия самоотвержения, жертвы питала христианство и далее.

В IV в. зарождается монашество, основатель которого Антоний Великий роздал свое имущество и уединился в гробнице, куда селянин приносил хлеб — единственную пищу святого и уносил рукоделье, которым подвижник занимался в свободное от молитв и размышлений о божественных истинах Писания время. Антоний Великий изведal, что добрая жизнь от привычки делается приятной, хотя поначалу трудна.

20 лет св. Антоний безмолвствовал в пустыне. В «Добротолубии» это сопоставляется с состоянием гусеницы, когда она за-

вертывается в куколку. Из куколки вылетает прекрасный разноцветный мотылек. И Антоний вышел на служение верующим с полученными в затворе дарами чудотворений, прозрения мыслей, видения на расстоянии, откровений и т.д. Антоний Великий проповедовал принцип Евангелия: «Ибо если мы станем жить, как умирающие каждый день, то не согрешим... Ибо сильный страх и опасение мук уничтожает приятность удовольствия и восстанавливает клонящуюся к падению душу» (Добротолюбие. М., 1992. Т. 1. С. 19). В XX в. экзистенциализм поднимет роль страха до вершин свидетельства подлинности человека.

Началом подвижничества и всепобедительным оружием является готовность на смерть ради Господа и угождения Ему, как говорится в «Добротолюбии» в объяснение подвигов Антония Великого. Путем победы над смертью, проложенным Христом, проходят все души, пошедшие вослед Господу. «Кто дойдет до такой степени готовности (на смерть. — А.Г.), какая была у Спасителя в саду (Гефсиманском, в котором он молился перед тем, как его схватили. — А.Г.), тому предлежит тотчас восхождение в духе на крест, а затем субботствование духовное, за которым следует и духовное воскресение во славе Господа Иисуса» (там же. С. 14).

Невероятным аскетизмом прославился Симеон Столпник (VI в.). Уйдя из монастыря, он сложил себе из камней малое подножие и стоял на нем 4 года в снег, дождь и зной. Потом он воздвиг себе столп в 4 локтя и простоял на нем 7 лет. После этого ему сложили столп в 30 локтей, и он стоял на нем 15 лет. Симеон Столпник обладал способностью творить чудеса, лечить больных и т.п.

Византийская церковь боролась против монофизитства, утверждавшего, что Христос имел только одну природу — божественную, но не человеческую, и против несторианства, говорившего о существовании двух самостоятельных природ в Христе, между которыми существует внешнее соединение, чем нарушалось ипостасное единство Богочеловека. Халкидонский собор 451 г. признал, что Христос единосущен Отцу по божеству и людям по

человечеству и особенность каждой из двух природ сохраняется в едином Лице.

Пятый Вселенский собор, созванный в 553 г. в Константинополе при императоре Юстиниане I, осудил и последователей Нестора, утверждавшего, что Дева Мария родила простого человека, и последователей Евтихия, отрицавшего человеческую природу Христа, а также учение знаменитого церковного проповедника III в. Оригена о предсуществовании человеческих душ и еретиков, не признававших общее воскресение мертвых.

В эпоху патристики (от «патер» — отец) в Византии творили отцы церкви Максим Исповедник, Григорий Нисский, Ефрем Сирин, Исаак Сирин, Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Псевдо-Дионисий Ареопагит и др. Синтез основных научных и религиозных сведений своего времени сделан Иоанном Дамаскином в сочинении «Источник знания».

Главное отличие православия от католичества заключается в том, что римская церковь ввела крещение посредством обливания, а не погружения, признала, что Дух Святой исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына и приняла догмат непогрешимости Папы. Эти различия не столь значительны, хотя рассматривались многими отцами и историками церкви как принципиальные. Они имеют не столько религиозное, сколько цивилизационное основание, и объяснимы разделением Римской империи. Борьба между двумя частями целого, из которых в одной осталась столица, а вторая оказалась более независимой, привела к выделению православия, противопоставившего себя католичеству. Для обеих частей, впрочем, Христос остался непререкаемым авторитетом.

На вершине могущества православная церковь в Византии стала внутренне слабеть, и после захвата Константинополя турками лидерство в православном мире перешло к России. Величие и строгость православной культуры были выбраны русской цивилизацией из трех возможных вариантов и оказали огромное влияние на все стороны ее индивидуальной и общественной жизни.

На все виды искусства в Византии накладывалась печать религии. В театре преобладали мистерии, в музыке — религиозные мотивы. В архитектуре Константинополя встречаем хорошо знакомые нам конструкции, поскольку византийская архитектура оказала большое влияние на русскую: Золотые ворота, воспроизведенные в Киеве и Владимире, построенный в VI в. храм Святой Софии (одноименные возведены в Киеве и Новгороде) и т.п. В VIII—IX вв. в Византии начинает распространяться крестово-купольный тип храма (крестообразно расположенные помещения с куполом в центре), который станет основным в архитектуре Руси. Купол располагался на барабане в противоположность низким и плоским куполам базилик. В крестово-купольном храме алтарная часть обозначалась полукруглой и многогранной апсидой, а в некоторых случаях несколькими апсидами. Такой тип храма выражал идею духовного восхождения человека к Богу, «лестницы», по которой человек восходит на небо, что обосновал Иоанн Лествичник в своей знаменитой «Лестнице».

Иконопись начала развиваться с V в. В VIII—IX вв. Византию сотрясала распря иконопочитателей и иконоборцев (которые были против икон), закончившаяся победой первых. Икона (по-гречески — образ) как предмет культа вместе с крестом и мощами получила особое значение в православии. Икона — это гораздо большее, чем образ: она не только украшение храма или иллюстрация Священного Писания, а полное ему соответствие. Почитание икон — это догмат христианской веры, сформулированный седьмым Вселенским собором. Икона рассматривалась, особенно в произведениях Псевдо-Дионисия Ареопагита, как связующее звено между миром земным и горним. Византийская иконопись оказала большое влияние на русскую, начиная с иконы Владимирской Божьей Матери, ставшей святыней и образцом для русских мастеров.

В иконописи господствовала обратная перспектива, акцентирующая внимание не на глубине пространства и над предметом, как прямая перспектива, а в пространстве зрителя и под предметом. Обратная перспектива, достигшая расцвета в XI—XII вв.,

стремилась выделить центральный объект и сосредоточить на нем внимание. Пространство небес, изображаясь в обратной перспективе, противопоставлялось земному. В XI—XII вв. совокупность икон, отделяющих алтарь от остального помещения храма, стала образовывать иконостас. Славилась византийская мозаика, сохранившаяся в Большом императорском дворце с V в.

Важным литературным жанром в Византии, наряду с житийным, была духовная гимнография. Среди византийских писателей преобладали священники и монахи, что сказывалось на содержании. А вот какой совет дает учащимся византийский писатель XI в. Кекавнен в своем наставлении «стратегикон»: «Много читай и многому учись. Если не разумеешь, крепись, ибо после частого перечитывания книги даст тебе Бог разуместь и понять ее» (Хрестоматия по истории мировой культуры... С. 397).

Византийская культура погибла до становления новой отрасли культуры — науки, произошедшего в культуре западной, которой помогла мусульманская культура, названная Ф. Роузенталем «торжеством знания».

ХРИСТИАНСТВО В ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В истории европейского средневековья выделяют раннее средневековье (V—XI вв.), зрелое (XII—XIII вв.) и позднее (XIV—XVI вв.). Таким образом, в средние века частично входит и Возрождение, по крайней мере итальянское, которое датируется XIV—XVI вв. В других странах Европы Ренессанс наступил в XVI—XVII вв. Эти века называют также эпохой Реформации — протестантских реформ и религиозных войн.

V—VIII вв. — период «великого переселения народов». К IX в. в основном установились границы европейских государств. Франкское королевство в VI в. при Меровингах и в IX в. при Карле Великом (по его имени названа династия Каролингов) представляло собой громадную империю. В X в. при новой Саксонской династии возникает священная Римская империя германского народа. В IX в. образуется единое королевство Англия.

В 1054 г. произошел раскол христианской церкви на римско-католическую и греко-православную, а в конце XI в. начинается эпоха крестовых походов, познакомивших европейские народы с культурой ислама и Византии. В эпоху Возрождения происходит образование национальных государств. Испания после открытия и завоевания Америки становится в XV в. самым мощным и влиятельным государством Европы и остается таковой до разгрома англичанами ее Непобедимой Армады (флотилии из нескольких сотен кораблей), после чего «владычицей морей» становится Англия. Италия в эпоху Возрождения представляет собой множество самостоятельных государств, из которых самыми известными являлись Флоренция — родина Возрождения, Венеция, Милан, Генуя.

О мифах европейских народов узнаем по средневековому эпосу, основу которого они составляли. В эпосе, выросшем из героической песни, сказочно-фантастическое (мифологическое) не отделено от реального. Самый известный немецкий эпос — «Песнь о Нибелунгах». Текст восходит к началу XIII столетия, но происхождение явно древнее. Встречаются различные временные пласты и противоречия между ними, что нормально для эпоса. Нибелунги — сказочные существа, северные хранители клада, за который ведется борьба. Они же богатыри на службе рыцаря Зигфрида, злодейски умерщвленного. Во второй части эпоса нибелунгами называют уже представителей бургундского королевства, разгромленного в 437 г. кочевниками гуннами во главе с Атиллой.

К XI в. вся Западная и Центральная Европа приняла христианство и подчинилась духовной власти римского папы. Еще одно двойное заимствование — варвары победили Рим, но взяли христианство, которое само победило Рим, завоевавший Иудею.

Западноевропейская культура средних веков, по Д. Фейблману, принадлежит к религиозному типу культур с доминирующим институтом католической церкви. Религиозный тип культуры, считает Д. Фейблман, в отношении культурного прогресса всегда играл запрещающую или ограничивающую роль и был консервативен.

Большое значение в религиозной жизни Европы имели монашеские ордена, из которых наиболее значительными были орден францисканцев, основанный христианским проповедником Франциском Ассизским (1181 или 1182—1226 гг.), орден доминиканцев, основанный испанским монахом св. Домиником в 1215 г., и орден бенедиктинцев, основанный св. Бенедиктом (V—VI вв.).

Для тех, кто хотел полностью посвятить себя Богу, создавались монастыри, в которых с помощью аскетизма, рассматриваемого как способ душевного творчества, а не просто умерщвление плоти посредством поста и вериг, монахи общались с Богом молитвой, понимаемой как «умное делание». Аскетизм в христианстве направлен на борьбу со страстями, а не удовольствиями, как у киников и стоиков. Монашество столь же характерно в средние века, как и рыцарство со своим особым моральным кодексом. Наиболее строгие монахи удалялись в скиты, становясь отшельниками. Монашество вдохновлялось борьбой духа с плотью как источником греха. «Голос плоти ослепляет дух», — говорил папа Григорий Великий. В миру же мы встречаем так называемых блаженных, или юродивых Христа ради.

Люди «не от мира сего», которые могли донести до других свои взаимоотношения с Богом, называются мистиками. Одним из наиболее известных в истории христианства был М. Экхарт (1260—1327). В своих проповедях он разделял человека на внешнего и внутреннего. Основная добродетель, которая, по Экхарту, более всего связывает человека с Богом — уединенность, отрешенность от мира. Уединенность — это нечувствительность ко всему, кроме Бога. Уединенность выше любви: любовь — когда человек любит Бога, уединенность — когда Бог любит человека. В соответствии со всей христианской традицией Экхарт положительно оценивает страдание, называя его тем зверем, который быстрее других примчит к уединению. Экхарт дополнил слова, которыми начиналась Нагорная проповедь Христа — «Блаженны нищие духом», своим изречением: «Блаженны нищие волей». Когда человек ничего не желает для себя, он сливается с волей Бога, полагал Экхарт.

Большое значение приобретает слово («В начале было Слово»). Августин Блаженный, христианский теолог и церковный деятель IV в., подчеркивал: все создается Словом. Здесь не только влияние платонизма, но и мистика тождества слова и вещи. Проповедь делается средством образования и видом литературного творчества. Бурно развивается жанр жития святых, зародившийся еще в Древнем Риме; сначала короткие рассказы об отдельных эпизодах, затем все более пространные. Важное место в христианской литературе заняли также апокрифы — книги, описывающие жизнь и смерть Иисуса Христа, апостолов и других персонажей Священной истории, не включенные Вселенскими соборами в состав Нового Завета.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И БОГОСЛОВИЕ

Чтобы прояснить различия между философией и религией, сравним проповедь Христа со спорами Сократа. Главный тезис Сократа «Познай самого себя». Знание для Сократа тождественно добродетели, поэтому самопознание автоматически ведет к праведности. Последующие античные философы отказались от данного тождества, а христианство началось с противопоставления разума и добродетели. Нравственная цель Христа та же, что у Сократа, — праведная жизнь, но пути ее достижения различны: в одном случае познание человека, в другом — следование воле Бога.

По мере универсализации христианства перед его проповедниками вставало все больше проблем, разрешить которые было нельзя без обращения к интеллектуальному потенциалу, выработанному в языческие времена, в том числе в античной философии. С укреплением главенствующей роли христианства (особенно с III в.) связь религиозных споров с философией становится все более заметной, и уже в IV в. философия используется Августином в качестве основы для построения теологической системы. Борьба заканчивается усваиванием. Находясь под влиянием Платона, Августин трансформировал его представление о двух

мирах — мире идей и чувственном мире — в представление о двух градах: Божьем и земном. При этом град Божий есть нечто укрепляющееся на самой Земле.

Важнейший вопрос, который пытался разрешить Августин, — о соотношении судьбы и свободной воли человека. Он возник, конечно, с тех времен, когда развилась астрология, различные формы гаданий, определений характера и т.п. Этические следствия из него вызвали резкие споры между стоиками и эпикурейцами. В христианстве этот вопрос — в виде соотношения свободной воли человека и благодати Божьей (и в более общем плане соотношения религии и морали) — впервые осмыслен Августином.

Человек обладает свободой воли, но она, как все остальное, даруется Богом в знак его благорасположения, ожидания выбора человеком по собственной инициативе верного пути. Свобода воли, однако, может увести человека ко злу, происходящему от извращения божественных предначертаний.

Благодать — дар Божий. Каждый получает свой талант, свою степень поддержки от Бога. Человек действует по своей воле, но так как в основе ее лежит божественная благодать, то все заслуги — от Бога. Такова мысль Августина. Поэтому нет смысла кичиться своими достижениями и проявлять гордыню, а, наоборот, надлежит быть смиренным. Источник морали — в духе, как полагали и стоики, но зиждется она на осознании собственной греховности. Заслуги от самого человека — зло. Если же они хорошие, то от Бога. Мы обращаемся к Богу нашей волей, дарованной им, а он к нам — своей благодатью. «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение», что сами без божественной благодати способны на великие поступки. Пользоваться земными благами, но не радоваться им — этический принцип Августина.

Второй важный вопрос, связанный с предыдущим, — дается ли божественная благодать как награда за добродетельное поведение? Нет, отвечает Августин, возражая тем, кто полагал, что божественное воздаяние соразмерно делам человека. Благодать не может быть воздаянием за заслуги; это противоречит ее определению. Тогда это был бы не дар, а долг. «Благодать не от дел,

чтобы никто не хвалился» (*Августин. О благодати и свободном произволении. VIII, 21*). Она дается не во искупление грехов, а для праведной жизни, и тому, кому Бог пожелает (может и грешнику), как проявление любви, а не вознаграждение. «Возмездие за грех смерть» (там же. IX, 21). Наказание же ждет человека не здесь, а на Страшном Суде.

Еще вопрос — откуда берется зло. Он особенно важен в христианстве, поскольку, по определению, Бог всемогущ и всеблаг. Зачем он допускает зло в мире? Если он не может ничего с этим поделаться, то он не всемогущ; если не хочет, то не всеблаг. Августин в молодости был сторонником учения манихеев, которые в соответствии с зороастризмом утверждали, что в мире существуют две силы — добра и зла, находящиеся в непрерывной борьбе. Как христианин, считающий, что все происходит по воле Бога, Августин не мог допустить, что Бог создал зло, и полагал, что оно результат свободной воли человека, который сам выбирает свой путь в жизни. Зло наказуется, и поэтому необходимо для постижения божественной справедливости.

По Августину, «все, что существует, есть добро». На человеческом уровне добро — результат свободного решения человека. Грех, зло — это отсутствие добра, отступление от предписаний Творца, неправильное употребление свободной воли, данной человеку для исполнения заповедей Бога.

Если у стойков мораль была главной характеристикой человека и замыкалась на него, у Августина ее основа переносится в надзвездные сферы. Не человеку различать добро и зло в высшем смысле этих слов — так можно интерпретировать притчу о запрете Адаму и Еве есть плоды с дерева познания добра и зла. Воля Бога, который выше добра и справедливости, — высшее благо. Так как мораль исходит от Бога, Бог не может быть связан ее нормами.

Вслед за апостолом Павлом Августин считал основополагающими принципами христианства веру и любовь. «Дела от веры, а не вера от дел» (там же. VII, 17). Все существующее — средства на пути к цели — любви к Богу.

Творения Августина относятся к эпохе **патристики**, или деятельности святых отцов церкви, продолжавшейся по IX в. Следующая за ней эпоха (IX—XV вв.) получила название **схоластики** (от «схола» — школа) и характеризовалась углубленным вниманием к философским проблемам богословия. Наиболее яркий представитель ее — Фома Аквинский (1225—1274) в своем главном произведении «Сумма теологии» развивает представление о небесной иерархии с ангелами, архангелами и серафимами, структурно подобной земной.

Соглашаясь с Августином, Фома объявляет зло не сущим. Производное от Бога бытие есть благо, а опосредованное волей человека может быть злом. Значит, нравственная цель заключается в стремлении к Богу, а блаженство достигается при его созерцании. Благодать Божья — необходимое условие добродетели. Но в отличие от Августина Фома считал, что моральный обряд действий гарантирует спасение.

Бог представлен в человеке в виде совести. Как видим, близкие понятия проходят через всю историю: демон у Сократа, гений у стоиков, искра Божия у христиан. Аристотель в этических трактатах говорил о свободе воли человека, но не столько, чтобы удовлетворить христианство. Фоме Аквинскому принадлежит подробное рассмотрение структуры свободного поступка, в котором он выделял стремление (интенцию), выбор, одобрение и действие. Следуя Аристотелю, Аквинат разделял добродетели на умственные и нравственные, но, как христианин, добавлял к ним богословские, считая их наивысшими, — веру, надежду, любовь.

Роль философии в средние века была служебной, так как схоластика «брала свое содержание как данное, а именно данное церковью» (Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. С. 138). Главная задача схоластики, еще не имевшей тогда отрицательного оттенка, появившегося позже, заключалась в доказательстве религиозных истин.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ И ПРОТЕСТАНТИЗМ

За тысячу лет христианства многое в церкви изменилось. Тертуллиан писал во II в.: «Дело Божье ценой золота не продается. Если же есть у нас сокровища, то приобретаем мы их не путем торговли верой» (Хрестоматия по истории древнего мира... С. 281). Но с XI в. церковь стала торговать индульгенциями, давая отпущение грехов за деньги. Это было отступлением от принципов, подменой. Индульгенции предоставлялись также за личное участие в строительстве храмов, крестовых походах и т.д.

Для борьбы с ересями и еретиками в XIII в. была учреждена инквизиция (священный трибунал), деятельность которого достигла кульминации к началу эпохи Возрождения. Инквизиция устроила самую настоящую охоту на ведьм (выражение стало крылатым), в число которых попадали не только подозреваемые в общении с нечистой силой, но и ученые.

В начале XV в. начинается протестантское движение, один из предтеч которого, Ян Гус, сожжен на костре в 1415 г. Церковь шла по пути мирского величия и помпезности, а для этого необходимы деньги и власть. Улучшению материального положения служили индульгенции и крестовые походы, а для обеспечения власти потребовалась инквизиция.

В 1503 г. умирает папа Александр VI (с 1492 г.), при котором в Ватикане царил самый настоящий разврат, подобный которому трудно найти и в языческие времена, а в 1517 г. М. Лютер прибывает к дверям церкви лист с 95 тезисами, положившими начало Реформации. Величайшая подмена расколола церковь и привела к утрате ею господствующего положения в культуре. М. Лютер выступил с требованием проведения богослужений на национальных языках и перевода на них Библии, отказа от икон, мощей, таинства священства, брака и т.п. Вслед за лютеранством в Германии возникают кальвинизм в Швейцарии, англиканство в Англии, гугенотство (так называли французских кальвинистов) во Франции. В ответ католичество создает орден иезуитов, «индекс запрещенных книг» и усиливает деятельность инквизиции.

В эту эпоху, о которой Микельанджело сказал:

Молчи, прошу, не смей меня будить,
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть (Поэты Возрождения. М.,
1989. С. 14), —

и возникает Возрождение. Древняя культура помогла подняться и преодолеть кризис культуре средневековой.

Кризис католичества связан с тем, что в стремлении захватить и распространить свою власть над миром оно отказалось от того поведения Христа, которое привело церковь на вершину. Культура побеждает далеким от мирских путей способом. Разница между Христом и христианством средних веков такая же, как между распятием и сжиганием, гибелью на кресте и крестовыми походами, мучениями первохристиан и инквизицией. Религия возвышалась, когда название «христиане» было уничижительным, и она стала падать, когда это слово стало сочетаться с гордыней.

Понятие «свобода совести» было провозглашено после заключения в 1532 г. Нюрнбергского мира между защитником католицизма императором Карлом V и немецкими протестантскими князьями. Но уже в 1534 г. возник орден иезуитов (первым его главой был Игнатий Лойола).

Главный отрицательный момент в деятельности церкви, по Тойнби, — ее воинственность. Церковь стала бороться за власть не только в сфере культуры, но и в жизни (как позже идеология), и это вело к ее духовной деградации и готовило Возрождение. Авторитет церкви подорвали индульгенции, посредством которых она обменивала грехи на деньги и богатела в грешном мире; иезуиты, признав, что «цель оправдывает средства», не гнушались ничем вплоть до пыток и казней. Религия мучеников превратилась в религию мучителей, преследующих неверных, отступников, сектантов, что не могло остаться незаметным и безнаказанным. С крестовых походов начался кризис религии, который в XV в. при Александре VI Борджиа достиг апогея. Папа Александр VI и проповедник Савонарола — два обрыва пропасти, в которую провалилась религия.

Церковь потеряла лидирующую роль, потому что оставила завет Христа и попыталась победить насилием, что невозможно в культуре. «Поднявший меч от меча и погибнет». Крестовые походы не послужили славе Христовой. Но более всего костры! «Не насилием посеяно христианство в мире; не насилием, а побеждая всякое насилие, возросло оно. Поэтому не насилием должно быть охраняемо оно, и горе тем, которые хотят силу Христову защищать бессилием человеческого орудия! Вера есть дело духовной свободы и не терпит принуждения; вера же истинная побеждает мир, а не просит меча мирского для торжества своего», — писал А.С. Хомяков в послании «К сербам» (*Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 348*). Церковь не выдержала искушения властью и использовала силу в инквизиции и возможность обогащения в индульгенциях. Но энергия жертвы еще сохранялась и породила Реформацию.

На этом примере видим, как связано институционализованное понимание религии с личностным. Когда институционализованное понимание отклоняется от личностного переживания, последнее пытается изменить институт (как в случае с протестом после индульгенций и инквизиции).

На вершине могущества католической церкви, когда казалось, все подчинилось ей, внутри нее возник протест, который привел к ее крушению. Отрасль культуры гибнет на вершине власти и насилия. В церкви произошла подмена, и живой дух ушел из нее частично в протестантизм, который был рационализацией религии, отсекая ее мистические и мифологические части, а частично в науку, которая приняла знамя культуры. Христианские подвижники пытались бороться с духовным регрессом — Ян Гус, Франциск Ассизский, Д. Савонарола, — но выяснилось, что их усилий недостаточно, и тогда внутренняя борьба перешла во внешнюю. К протестантам «присоединились» представители других отраслей культуры. Их общими усилиями позиции католицизма были поколеблены. «Религия несомненно оказала человеческой культуре великую услугу, сделала для усмирения асоциальных влечений много, но недостаточно. На протяжении многих тыся-

челетий она правила человеческим обществом; у нее было время показать, на что она способна. Если бы ей удалось облагодетельствовать, утешить, примирить с жизнью, сделать носителями культуры большинство людей, то никому не пришло бы в голову стремиться к изменению существующих обстоятельств» (*Фрейд Э.* Сумерки богов. М., 1989. С. 125). С триумфом христианства началась подмена его ценностей, которая достигла апогея к XVI в. и потребовала Возрождения, которое можно понимать, как попытку искусства и философии, напитавшись соками античности, занять лидирующее положение в культуре. Христианство применило физическую силу в борьбе с идеалами Возрождения и тем более ослабило себя.

Эпоха Возрождения началась с сомнения в истинности религиозных догм. Как в Древней Греции противоборствующие школы последователей Сократа не смогли прийти к согласию относительно основ нравственности, и возник скептицизм, так в конце средних веков, когда ослабла религиозная вера, скептицизм возродился вновь. Добро и зло, по мнению М. Монтеня (1533—1592), относительно и зависят от нашего взгляда на них. Когда Монтень призывает «сосредоточить на себе и своем собственном благе все наши помыслы и намерения», то этим он выражает одну из основных идей Возрождения, в соответствии с которой в центр мироздания становится человек с его чувствами и желаниями. Обращенность к человеку нужна Монтеню, чтобы выразить сомнение в символе религиозной веры.

Изменения происходили и в искусстве. В средневековом эпосе в отличие от античного меньшее значение имеют боги и большее — люди. Эпос все дальше отходит от мифа, приближаясь к роману. Этому способствовало господство в культуре религии, которая разделяет божественное и человеческое. Христианский Бог выше по отношению к человеку, чем языческий, и взаимодействие его с человеком менее ощутимо, что отражается в литературе.

Пьер де Ронсар (1524—1585) так выразил отличие богов от людей:

«С богами есть у нас
Всего одно, но веское различье.
Не быть тебе, мой друг, счастливым вечно
И вечно молодым,
Мы таем, словно дым,

А жизнь богов светла и бесконечна» (Четвертая книга од // Книга песен. Из европейской поэзии XIII—XVI веков. М., 1986. С. 195).

Эпос играет синтезирующую роль. Овидий в «Метаморфозах» осуществил синтез различных мифологий, Данте — единство мифологии и религии. Данте не только взял идею путешествия по потустороннему миру у Вергилия, а следовал направлению движения античной мысли. Вергилий дополнил греческую мифологию, обобщив ее на римские реалии. Позже Овидий довел обобщение до логического конца, создав почти универсальный для своего времени сборник мифов, а Лукиан через век пародировал его в своих «Разговорах богов». Так получилось и с Данте. Взяв за образец сюжет Вергилия, он обобщил мифологию, введя в нее христианские реалии и создав многогранную мифолого-религиозную систему. «Божественная комедия» представляет собой следующий этап обобщения, когда к античному синтезу Овидия добавилось, используя Вергилиев прием, путешествие в потусторонний мир в качестве главенствующей христианской составляющей. Так была построена новая, более полная художественная картина мира, соответствующая религиозной картине, созданной ранее Фомой Аквинским. Искусство здесь, как и философия, следует за религией, хотя в отличие от философии его вряд ли можно назвать служанкой.

Когда же началась Реформация, поставившая под вопрос традиционную христианскую обрядовость, искусство в лице Боккаччо и Рабле способствовало ниспровержению религии. В Древнем Риме искусство Вергилия, Овидия и Лукиана помогло христианству победить философию и язычество, а позже в лице Данте, Боккаччо и Рабле (сыгравшему роль, аналогичную Лукиану) способствовало ослаблению христианства и в конечном счете замене его на высшей ступени культурного пьедестала наукой.

*ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЕССИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ*

Основные христианские конфессии Европы образовались в результате разделения церквей в XI в., процесса, который получил название Реформация. Наиболее влиятельной конфессией остается католичество (греч. «katholikos» — вселенский, всеобщий), которое сформировалось в результате разделения христианства в XI в. на западную и восточную церкви. Католичество традиционно преобладало и продолжает преобладать на юге Европы — в Италии, где находится резиденция Папы Римского (Ватикан), в Испании, в Португалии, во Франции, а в Восточной Европе — в Польше.

Считая своим источником Священное Писание (Библию) и Священное предание, католицизм в последнем придает большое значение решениям пап и толкованию религиозных проблем (в соответствии с догматом о главенстве Папы над христианским миром и его непогрешимости). Это, с одной стороны, делает церковь более земной, а с другой — обеспечивает возможность гибкого приспособления католицизма к изменяющимся социальным условиям. Поскольку католицизм считает, что путь спасения верующий может обрести только с помощью церкви, особое внимание обращается на укрепление церковной организации и дисциплину. Католическая церковь включает в себя верховный орган во главе с Папой, клир (служители церкви), монашество, объединенное в ордена, различного рода массовые организации (профсоюзные, женские, молодежные, благотворительные и т.п.). Существуют политические движения и партии, в которых религиозная составляющая занимает одно из ведущих мест, что отражается в названии (христианско-демократическая партия в Италии, Германии и т.д.).

Важной сферой деятельности Римской церкви всегда являлось миссионерство — проповедь христианства в других странах. Католические миссионеры действовали в Америке (в Центральной и Южной), в Азии и в Африке, сыграв большую роль в пропаганде христианства на земном шаре. Католичество пыталось

распространить свои идеи и на территории России, особенно в западных областях Украины и Белоруссии. В СНГ католицизм преобладает в Литве. В настоящее время католицизм проводит активную политику по отношению к Российской Федерации.

Протестантизм (от лат. «protestatio» — провозглашение, торжественное заявление) — в настоящее время одно из трех основных направлений в христианстве наряду с католицизмом и православием. Общее во всем протестантизме заключается в отказе от представления о церкви как посреднице между Богом и людьми, принцип оправдания личной верой, отказ от почитания святых, ангелов, поклонения иконам, мощам и т.п.

В рамках протестантизма различают **лютеранство** — по имени немецкого проповедника М. Лютера (1483—1546), **кальвинизм** — по имени швейцарского проповедника Ж. Кальвина (1509—1564), **англиканство** и др. В соответствии с тем, где действовал основатель данной конфессии, лютеранство получило большее развитие в Германии и на севере Европы (из стран СНГ — в Эстонии, Латвии), кальвинизм — в Швейцарии, Шотландии, Франции.

Англиканская церковь возникла в результате отказа в 1534 г. английского короля Генриха VIII от подчинения церкви в Англии власти Папы и ее становления в качестве государственной церкви, возглавляемой английским королем. Хотя она относится к протестантским церквам, в ее культе и организации многое сохранилось от католицизма (но отменено безбрачие духовенства). В англиканскую церковь вошел протестантский догмат о спасении личной верой при сохранении и католического догмата о спасающей силе церкви. Церковная иерархия напоминает католическую, но назначением епископов и решением основных церковных вопросов в Великобритании занимается особый парламентский комитет по делам церкви. Существует Англиканский союз церквей, объединяющий самостоятельные англиканские церкви США, Канады, Австралии и других государств.

В период оформления англиканской церкви наиболее последовательных сторонников очищения церкви от католицизма стали называть **пуританами** (от лат. «purus» — чистый). Они требо-

вали отмены института епископов, конфискации церковных земель, не признавали постов, святых, большинства религиозных праздников. В то же время они отличались строгой моралью, в которой на первый план выходили умеренность, трудолюбие, бережливость. Такая мораль была в целом присуща протестантам и, по мнению выдающегося немецкого социолога М. Вебера, сыграла главную роль в становлении капиталистического общества, заставляя усиленно трудиться и не тратить получаемую прибыль, а вкладывать ее снова в производство, превращая в капитал. Англиканская церковь, сохранившая много от католицизма, кроме власти Папы, преследовала наиболее рьяных пуритан, распавшихся на два лагеря — умеренный и радикальный. Представители последнего — индипенденты (конгрегационалисты) вынуждены были бежать от преследований в тогдашнюю английскую колонию, ставшую после обретения независимости США.

Два основных протестантских направления в континентальной Европе — лютеранство и кальвинизм. Лютер подчеркивал особое значение Евангелия и апостольских посланий (сама лютеранская церковь называется поэтому евангелической). Лютеранство предельно упростило обрядность, сохранив лишь два обряда — крещение и причащение, но заменив католическое учение о реальном превращении хлеба и вина в тело и кровь Христа утверждением, что тело и кровь Христа таинственным образом присутствуют в причастии. Брак в лютеранстве не считается таинством и развод разрешен. Лютеранские священники — пасторы — приглашаются общиной, но она не может их сместить. Общины подчиняются епископам и церковным советам, члены которых избираются из духовных лиц и мирян. В настоящее время лютеранские церкви являются самыми крупными в протестантизме, объединяя примерно 75 млн человек.

Спецификой кальвинизма является догмат о предопределении, согласно которому человек до своего рождения предопределен либо «спастись», либо «погибнуть». Этот догмат был реакцией на введение католицизмом индульгенций как способа спасения. Об избранничестве свидетельствует, в частности, успешное

ведение дел. В кальвинизме нет алтарей, икон, крестов и свечей. Сохранившиеся обряды крещения и причащения понимаются не как таинство, а как символы.

Известны другие течения. К ним относятся **анабаптисты** (от греч. «anabaptizo» — вновь погружаю, крещу) или «христианские братья», которые проповедовали не только религиозное, но и гражданское равенство. Они считали озарение Святым Духом решающим условием правильного понимания Библии и верили в близкое второе пришествие Христа и его тысячелетнее царство. В отличие от кальвинизма они отрицали учение о предопределении и фатальной греховности людей и утверждали, что человек может изменить свою судьбу. Название происходит от того, что ее последователи отказались от крещения в младенческом возрасте и крестили только взрослых (а первому поколению пришлось перекрещиваться). Анабаптисты были за свободное владение землей и пытались осуществить революционным путем принципы уравнительного коммунизма.

К середине XVI в. анабаптизм распался на ряд сект, одной из них стали **меннониты** (от имени голландского священника Менно Симонса). Сохранив догматику анабаптизма, меннониты отказались от насилия и проповедовали непротивление, пацифизм, всепрощение, нравственное самосовершенствование. В настоящее время меннониты тяготеют по своему вероучению и культуре к **евангельским христианам-баптистам**, о которых речь пойдет ниже.

На протяжении XVII—XIX вв. в рамках протестантизма появились новые течения — **методистов, баптистов, адвентистов, пятидесятников** и т.п. Некоторые из них возникли в США, куда переселилось много протестантов, спасаясь от преследования католическими властями и англиканской церковью. О них поговорим в следующем разделе.

В настоящее время во всем мире насчитывается около 300 млн протестантов. В 1948 г. по инициативе протестантских церквей был создан Всемирный совет церквей, стремящийся к объединению различных направлений христианства (так называемое **экуменистское движение**).

Помимо основных протестантских конфессий существуют протестантские направления, возникшие после эпохи Реформации. Так, в Англии активно действует секта **квакеров** (от англ. «quake» — трястись, дрожать), возникшая в XVII в. Основал ее ремесленник Дж. Фокс (1624—1691). С точки зрения квакеров истина веры проявляется не в церковном учении, а в акте озарения Святым Духом, что свидетельствует о присутствии Бога в каждом человеке. Очевидна параллель этого представления с дзэн-буддизмом. Ориентация на внутренний свет, открывающийся в душе верующего, побудила квакеров отказаться от внешней обрядности, что определило ее протестантский характер. У квакеров нет алтарей, икон, они отрицают необходимость духовенства, считая проповедь свободным следствием озарения любого члена общины. Они вводят в свою организацию принципы демократии: равенство всех членов, выборность руководства и т.д. Как многие секты, квакеры придерживаются строгих моральных принципов, аскетизма, честности, обязательности труда, строгого соблюдения брачных уз, уважения старших и т.п. Гражданская позиция квакеров основана на пацифизме, отказе от насилия, благотворительности. Квакеры считают, что социальные конфликты могут разрешаться на основе вечных евангельских истин. В настоящее время квакеры насчитывают во всем мире около 200 000 приверженцев.

Среди не получивших широкого распространения направлений следует упомянуть так называемое безрелигиозное христианство — теологическую концепцию лютеранского пастора Д. Бонхоффера, подчеркивающую не такие ветхозаветные атрибуты Бога, как всемогущество и потусторонность, а его страдательное начало и любовь к ближнему, проявившуюся в полной мере в Новом Завете. В интерпретации Бонхоффера Бог — это жизнь для других по евангельским христианским принципам. Данная концепция интересна своей близостью к буддизму, в котором нет богов, а человек обожествляется в соответствии с соблюдением определенных нравственных принципов.

*ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЕССИИ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ*

Особенностью Северной Америки является то, что в ней преобладают представители протестантских конфессий, предки которых вынуждены были эмигрировать на американский континент, спасаясь от преследования европейских властей, поддерживающих католичество или англиканство. Так как Америка была английской колонией, то среди иммигрантов особенно много выходцев из Англии с пуританскими убеждениями. Интенсивное развитие капитализма в США связывают именно с преобладанием среди ее населения людей, придерживавшихся протестантской морали.

Одними из первых в Америке высадились **конгрегационалисты**, представители радикальной кальвинистской секты, возникшей в Англии во второй половине XVI в., которые выступали за независимость местных религиозных общин и выборность ее руководителей. Конгрегационалисты отрицали церковную иерархию, духовенство как особое сословие, считая своим главой Христа. Они отличались нетерпимостью по отношению к представителям других сект. Процесс централизации общин привел в конце XIX в. к образованию Международного союза конгрегационалистических церквей. В настоящее время в Англии и США насчитывается 2 млн членов конгрегациональных общин.

Наличие среди колонистов представителей самых разных вероисповеданий, многие из которых к тому же натерпелись бед на своей родине из-за религиозных убеждений, привело к тому, что США стали страной, в которой весьма ценилась свобода совести. Один из авторов «Декларации независимости» США Т. Джефферсон (1743—1826) был и автором принятого Контиентальным конгрессом США «Билля об установлении религиозной свободы», в котором отмечалось, что религиозная нетерпимость и ее насильственное внедрение приводит «к искажению основ той самой религии, которую предполагали поддержать, подкупая монополией на мирские почести и вознаграждение тех, кто внешне исповедует и признает ее». В США с самого начала была ут-

верждена религиозная свобода, что способствовало возникновению новых религиозных сект.

Широко распространился в Америке **баптизм** (от греч. «baptizo» — погружая в воду), возникший в начале XVII в. Баптисты строго придерживаются протестантского принципа спасения лишь посредством личной веры, придают большое значение возможности индивидуального мистического общения с Богом, учению о предопределении. Как все протестанты, они не признают икон, святых, мощей, распятия, особого облачения. Собрания баптистов включают назидательные беседы (проповеди), коллективные молитвы и песнопения. Крещение совершается над взрослыми, так как признается необходимость сознательности при совершении данного обряда. Празднуются только праздники, связанные с поклонением Христу, — Рождество, Пасха, Троица и т.п., а также дополнительно введенный день Жатвы — подведения итогов духовной деятельности. Управляются баптистские общины выборным церковным советом и объединяются во Всемирный союз баптистов (штаб-квартира в США). Баптисты близки по духу к евангельским христианам, признающим только Новый Завет.

Следует упомянуть и секту **методистов**, возникшую в Англии в XVIII в. как общество с целью методического (систематического) изучения Библии и расцветшую в Америке, где была основана методистская епископальная церковь. Сохраняя в основном догматику и культ англиканской церкви, методисты делают упор на эмоциональное воздействие религии и мессианство. Методисты 87 стран объединены во Всемирный методистский союз церквей. Всего в мире в настоящее время насчитывается около 20 млн методистов (13 млн в США). Это третья по величине и влиянию конфессия в США после католической и баптистской.

В Северной Америке возникали и новые секты. Так, в 1830 г. Дж. Смит основал секту **мормонов**, или «святых последних дней». Мормоны верят в христианскую троицу, искупительную жертву Христа, в царство небесное, в будущее наказание людей за грехи. Из таинств мормоны признают крещение через погру-

жение в воду и покаяние. Возглавляет секту президент, он же пророк, обладающий неограниченной властью. Мормонов в США около 3 млн.

Примерно в то же время возникла и секта **адвентистов** (от лат. «adventus» — пришествие), которую основал баптист В. Миллер (1782—1849). Адвентисты верят в близкое второе пришествие Христа, страшный суд, тысячелетнее царство на небе («адвентисты седьмого дня»), а человеческую историю рассматривают как извечную борьбу Бога с сатаной, которая оканчивается гибелью сатаны и его последователей (тут параллель с зороастризмом). Адвентисты придают большое значение моральному обновлению личности как необходимому условию подготовки к встрече Христа. Адвентистов в мире порядка 3 млн.

В США находится и штаб-квартира секты **«Свидетели Иеговы»**, которая является одной из наиболее активно действующих. Ее последователи пытаются привлечь в свои ряды и верующих в Российской Федерации: ходят по квартирам, заговаривают с людьми на улицах, предлагают литературу и приглашают на свои собрания. Основана эта секта в XIX в. в США, а в 1931 году образовано «Общество свидетелей Иеговы» — строго централизованная организация с беспрекословным подчинением руководителям «возвещателей» — рядовых верующих. Президент почитается как «наместник Иеговы на земле»; его власть неограниченна. Члены секты считают себя избранниками Иеговы, его «свидетелями», верят в вечную жизнь праведников, а остальным пророчат близкую гибель в грядущей войне Христа с сатаной. Рассматривая историю общества как историю борьбы Иеговы с восставшим против него сатаной, иеговисты, как и адвентисты, сближаются с зороастризмом.

Еще одной протестантской сектой, возникшей в США в начале XX в., являются **пятидесятники**. В основе ее вероучения представление о сошествии Святого Духа на апостолов на пятидесятый день после Воскресения Христа, вследствие чего они получили дар пророчествования — «говорение на иностранных языках». Пятидесятники проповедуют близость второго прише-

ствия Христа, конца света и последующего тысячелетнего правления Господа на земле. Помимо обряда крещения пятидесятники соблюдают обряд хлебопреломления, напоминающий христианскую евхаристию, совершаемую во время литургии, но не рассматривают причащение в качестве таинства. Для них хлеб и вино только символы тела и крови Христа, и они признают лишь нравственное значение данного обряда, посредством которого верующие становятся как бы сомучениками Христа, соучастниками его распятия на Голгофе. Пятидесятники придают большое значение непосредственному мистическому общению с Богом. При этом особая роль отводится Святому Духу, сходящему на человека, становящегося его орудием. Подобное схождение осуществляется на молитвенных собраниях в обстановке религиозной экзальтации и экстаза. У пятидесятников присутствует культ пророков. Данная секта имеет много общего с евангельскими христианами и баптистами и распространена помимо США в других странах, в том числе в России.

Протестантские проповедники выступают в США не только в церквях, но и в огромных концертных залах, приглашая на свои действия большие оркестры. Посещают они и другие страны. В 1990-х годах некоторые наиболее известные американские проповедники выступали в спорткомплексе «Олимпийский» в Москве, в других городах Российской Федерации.

Вопросы для повторения

- Что внесла Византия в мировую культуру?
- Каково значение православия?
- Каково значение православного подвижничества?
- Каковы различия православия и католичества?
- Каковы представления о соотношении свободной воли человека и благодати у Августина и Фомы Аквинского?
- Как решает христианство проблему происхождения зла?
- В чем значение «Божественной комедии» Данте?
- Что такое Реформация и каковы ее основные положения?
- Какие причины привели к эпохе Реформации?

- Какие конфессии и секты существуют в современной Европе и США?

Литература

1. *Августин*. Исповедь. М.: Renaissance, 1991.
2. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. М.: Интерпракс, 1992.
3. *Карсавин Л.П.* Культура средних веков. Киев: Символ — AirLand, 1995.
4. Добротолюбие: В 5 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.
5. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 1, 1993; Т. 2, 1995; Т. 3, 1995.

Глава 11

Православие в России

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

История Российского государства начинается с легендарного события — призвания варягов на княжение в Новгород и образования после похода князя Олега на Киев единого государства — Киевской Руси. Огромное значение для развития русской культуры имело крещение Руси князем Владимиром в 988 г. Древняя летопись так сообщает нам о событии тысячелетней давности, определившем путь России на века вперед. Приходили ко двору великого киевского князя Владимира проповедники, и каждый рассказывал о своей религии — христианской, магометанской, иудейской. В исламе Владимиру не понравился запрет на употребление вина. Как пишет летописец, он ответил магометанам: «Руси есть веселие пити». В иудействе Владимиру не понравилось то, что Бог в своем гневе расточил евреев по чуждым им землям. «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны?! — воскликнул Владимир. — Или и нам того же хотите?» Западное христианство было им отвергнуто, когда посланцы Папы на вопрос, в чем заповедь ваша, ответили: «Пост по силе; если кто пьет или ест, то все это во славу Божию». А вот вера греческая, которая укреплялась в Киеве со времен Аскольда и Дира, была признана Владимиром наилучшей и удовлетворяющей всем главным потребностям души. К этому прибавилось еще впечатление слов от красоты византийского богослужения.

После крещения началось в столице истребление кумиров: одни были изрублены, другие сожжены. Главного из них, Перуна, привязали к конскому хвосту, били тростями и свергнули с горы в Днепр. «Изумленный народ, — пишет Н.М. Карамзин, — не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, быв-

шие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди русские, вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. I—IV. М.: Золотая аллея, 1993. Т. I. Гл. IX).

То, что выбор этот сохранился на тысячу лет, свидетельствует о его правильности. Владимир заботился о том, чтобы религия подходила особенностям русской жизни. Самые красивые здания на Руси — церкви, в которые нес прихожанин последнюю копейку.

Заслуга Владимира конечно не только в выборе самой эстетичной религии и потрафлении слабости русского человека. Православие ставило во главу угла любовь, смирение, самопожертвование, богоявленность, осознание собственной греховности и возможность обретения скорой благодати. Все эти свойства жили в русской душе, что дало основание Тютчеву написать такие строки:

«Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя».

«В душе самого простого человека, — писал С.М. Соловьев, объясняя, почему чувственное представление будущей жизни магметанскими проповедниками не понравилось русским, — есть сознание, что тот свет не может быть похож на этот» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 1. Гл. 7). Такое сознание жило в душе именно простого человека. Князь Владимир предпочел самую строгую из религий и не ошибся: она больше всего подошла русскому национальному характеру.

Расцвет древнерусской религиозной и светской культуры приходится на XI в. (княжение Ярослава Мудрого), но уже в XII в. после смерти Владимира Мономаха начинается период феодальной раздробленности, а в первой половине XIII в. — монгольское иго. Наибольших успехов достигают в это время иконопись и литература. Становление русского централизованного государства

вполне укладывается в схему «Ответа на Вызов», по Тойнби, — в данном случае ответа на вызов монгольского ига. После образования единого Московского княжества территория русского государства неуклонно расширяется на запад и на восток. Постепенно в него входят все исконно русские земли, а также Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ. К XIX в. Российская империя становится самым большим государством мира.

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Данилевский справедливо заметил, что «религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время (вторая половина XIX в. — А.Г.) в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей» (*Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 480*). В этом основная причина названия «Святая Русь» и представления о богоизбранности русского народа. «Самый характер русских, и вообще славян, — продолжает Данилевский, — чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом» (там же).

Эпитет «святая» по отношению к названию страны свидетельствует о том, что главный мотив ее существования — духовный. Православные подвижники осваивали огромную территорию и крестили ее население не для того, чтобы расширить государство, а для того, чтобы приобщить к божественному свету язычников. Они создавали духовную основу для становления огромного государства, не сравнимого ни с Римской империей, ни с последующими царствами. Жертвенность русских православных миссионеров позволяла им привлекать на свою сторону другие народы. Государство использовало его жертвенность в своих целях. В этом преодолении противоречия между негосударственностью русского народа и созданием огромной империи.

Это качество передалось затем русской интеллигенции. Оно представлено А. Тарковским в фильме «Андрей Рублев» в отношении к искусству, а в чистом виде показано в его последнем

фильме «Жертвоприношение». Он же советовал молодым кинематографистам приносить себя в жертву киноискусству. Об этом же у Пушкина в стихотворении «Пророк».

Задача любой культуры — использовать свои положительные черты для создания оригинальных произведений. Черты русской культуры — широта, соборность, самоотверженность. Сущность соборности в свободной ориентации на другого, выходе из себя, порой переходящем в насильственное приведение всех к одной точке зрения. Этой ориентацией на другого пользовалось государство, которое заставляло работать на себя. С другой стороны, соборность позволяла сконцентрировать развитие в каком-либо одном направлении и достичь результата, превышающего возможности других культур. Стремление к единству сделало Россию самым большим государством в мире и первой проложившей дорогу в космос цивилизацией. Национальное качество характера — соборность — проявилось в том значении, которое придавалось в русском православии Троице. Лучшая русская икона — рублевская Троица.

Большим подспорьем православия на Руси было смирение, коренящееся в свойственном русскому народу долготерпению. В словах А. Кюстина, что «русский народ опьянен своим рабством до потери сознания», есть доля истины, но вся она в смирении и отдании себя другому (в том числе государству).

Н.Ф. Каптерев пишет, что русские строили свои притязания на главенство в православном мире не на их высшем духовном развитии сравнительно с другими народами, а на сохранении истинной веры, в то время как первый Рим пал из-за апполинариевой ереси, а Константинополь — из-за Флорентийской унии, предавшей греческую веру «латынству». Не так ли впоследствии вождь большевиков Ленин яростно критиковал русских и зарубежных марксистов больше всего за ревизионизм, т.е. за отступление от истинного правоверного марксизма как он его понимал? Отмеченный Н.А. Бердяевым догматизм русского мышления проявился в русской истории в церковном расколе XVII в. и в последующем светском расколе на западников и славянофилов.

Но и после раскола в русской религиозной жизни были светочи — Серафим Саровский и старцы Оптиной Пустыни, к которым тянулись тысячи верующих, в том числе гениальные писатели — Гоголь, Достоевский, Толстой.

В России не было философии до принятия христианства, которое боролось в основном с язычеством, т.е. с мифологическими представлениями. В процессе этой борьбы с ее неизбежными компромиссами были заложены основы русского православия, несущего на себе отпечаток русского национального характера. Одним из первых оригинальных произведений русской православной культуры можно считать проповедь первого Киевского митрополита из русских Илариона «Слово о законе и благодати», в котором в религиозной оболочке критики иудаизма противопоставляются подчинение закону и жажда благодати.

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ

Эту, по-видимому, проповедь митрополита Илариона, произнесенную в середине XI в., можно считать первым православным произведением Древней Руси. В середине XI в., через полвека после принятия христианства на Руси, митрополит Иларион — первый русский, занявший высший церковный пост в нашей православной церкви (до этого его занимали греки, присланные из Константинополя), создает знаменитое «Слово о законе и благодати».

Это далеко выходящее за рамки чисто церковной или исторической проблематики, пожалуй, первое в русской литературе самобытное произведение ставит и решает фундаментальные жизненные проблемы, обосновывая их религиозными аргументами. Силу своего красноречия Иларион обращает против закона и в защиту благодати. Можно думать, что имеются в виду законы Моисея, как они сформулированы в Библии, но на самом деле мысли Илариона идут гораздо дальше. Иларион толкует понятие закона расширительно, и оно предстает олицетворением всего, что заключает в себе внешние предписания.

В качестве аналогии Иларион использует библейскую притчу об Аврааме, его детях, жене Сарре и рабыне Агари и проводит идею, что люди, подчиняющиеся закону, подобны рабам, детям Агари. Между законом и противопоставляемой ему благодатью такое же соотношение, как между рабом и свободным. Жена Авраама Сарра бесплодна, и чтобы иметь потомство Авраам входит к Агари. Но рабыня может родить только раба. И как только благодаря вмешательству высших сил Сарра смогла, зачав, родить сына, Агари с ребенком предстоит уйти. «И родилась благодать — истина, а не закон, сын, а не раб». Сарра теперь говорит мужу: «Прогони рабу с сыном ее, ибо не будет сын рабыни наследовать сыну свободной».

По аналогии Илариона так же следует относиться и к закону. С рождением Иисуса Христа время законов прошло и наступило время благодати, ниспосылаемой человеку свыше. Закон отошел, когда явилась благодать, как отошел лунный свет, когда явилось солнце. «И кончилась ночная стужа от солнечной теплоты, согревшей землю». Иларион подчеркивает, что именно знавшие закон распяли Христа, хотя это относится скорее не к закону, а к его исполнению. Ослепленные оцепенением законности «свои» (т.е. иудеи) не приняли Христа. «Ты же, — хвалит Иларион православного человека, — ни закона, ни пророков не читав, распятому поклонился». Знание закона, стало быть, может даже помешать, вводя в заблуждение. «Что общего у тени с истиной?» — восклицает Иларион. Закон и назван старославянским именем словом «стьнь», имеющим значение: тень, стена, призрак, подобие, неправда.

В обоснование своей точки зрения Иларион ссылается на Евангелие, но весьма избирательно, приводя цитаты, которые работают на его мысль. Концепция закона как чего-то внешне накладываемого и гнетущего выражена Иларионом в сильных, энергичных выражениях. В этом первом памятнике русской религиозно-философской мысли вполне ясно выразилось и пренебрежение к закону как таковому, и нетерпеливое желание в одночасье провозгласить и достигнуть божественной благодати. Вме-

сто того чтобы представить закон как первую и необходимую стадию благодати, к чему склонялась традиционная трактовка библейских текстов, основывающаяся на словах из Нагорной проповеди: «не нарушить пришел я (имеется в виду закон. — А.Г.), но исполнить». Иларион, воспевая обретенную или обретаемую благодать, отрицает закон как рабство. Парадокс, однако, в том, что отказ от закона как обязательного для всех принуждения делает человека еще более зависимым и ведет к рабству ничем не ограниченному, в то время как благодать остается чисто лозунговой, потусторонней по отношению к реальной жизни идеей. Продолжая аналогию Илариона можно сказать, что Сарра еще не родила, а уже заставляет мужа выгнать рабыню с сыном, делая тем самым проблематичным обретение Авраамом потомства.

БОРЬБА ХРИСТИАНСТВА С ЯЗЫЧЕСТВОМ

После крещения на Руси началась и продолжалась в течение нескольких веков борьба между христианством и язычеством (прежними мифологическими представлениями). Православие требует соблюдения четырех постов, приуроченных к христианским праздникам: Великого (до Пасхи), Рождественского (зимой), Петровского (до 29 июня — Петрова дня), Успенского (в сентябре), а также двух постных дней в неделю — среды и пятницы, когда запрещено есть мясо. На эти дни могли приходиться языческие праздники, сопровождавшиеся ритуальной мясной едой. Князья и их приближенные любили устраивать пиры. Церковь боролась с этим, как и с языческими обрядами и представлениями (с тех пор слово «позор», «позорище», обозначавшее подобные действия, стало восприниматься с негативным оттенком).

Резко изменились сами представления о добре и зле. Злом стало считаться все языческое («поганое»), называемое дьявольским. На смену противопоставления: зима — лето, день — ночь, пришла оппозиция: Бог — дьявол. Силы добра и зла становятся более потусторонними, а солнце из высшего разумного существа превращается в одно из природных тел.

Передовым отрядом в борьбе добра и зла становятся монахи, о чем свидетельствует их одежда. Монашеское одяние — своеобразный мистический аналог воинской формы. Пояс — знак готовности к службе, особый плат «параман» — символ «язв Христовых», черная мантия — отлучение от мира, клобук — шлем. Монахи борются с невидимым врагом — дьяволом и его слугами. Иноческие добродетели — их духовное оружие. Их жизнь сурова, подчинена уставу, как и полагается воинам. Нашедший смысл существования инок радостен и целеустремлен. Женщины-монахини — духовные «невесты Христовы», а русалии — девушки, принимавшие участие в языческих играх, стали называться невестами Сатаны.

В целом борьба христианства с язычеством закончилась компромиссом. Это хорошо видно на примере языческих праздников, с которыми боролась церковь. Один из основных праздников — Купала, совпавший по времени с праздником рождества Иоанна Крестителя, превратился в Ивана Купала. Новый год соединился с Рождеством Христовым и впоследствии появилась елка как символ райского древа жизни, на котором растут золотые яблоки и орехи. Коляды сохранились как рождественские коляды. Праздник Перуна модифицировался в Ильин день (20 июля). Праздник окончания жатвы — в Спас (6 августа). Праздник «первых всходов» соединился с днем Бориса и Глеба (2 мая), благословения хлебов — с Рождеством Богородицы.

Сохранились и названия прежних богов, трансформировавшихся в ангелов и святых. Так, Велес стал святым Власием, покровителем скота. Языческое восприятие природы во многом было перенято христианством. «Стараясь уничтожить народную веру в зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность сил, стихий и явлений природы, — писал А.П. Щапов в «Исторических очерках народного мирозерцания и суеверия», — церковные учителя внушили народу, на основании греко-восточного христианского мировоззрения, что над каждой стихией, над каждым явлением природы Бог поставил особых духов, ангелов». Илья-пророк, который ездит по небу в огненной колеснице и проливает дождь на землю — хороший пример того.

«Народ русский, — пишет Щапов, — при своем практическом характере смотрел на святых большею частию с натурально-практической точки зрения. Он представлял, что святые назначены быть ему помощниками в борьбе со стихиями природы, поддерживать его физическое, материальное благосостояние и ждал от них чудес существенной, материальной, житейской пользы». «Вера в чудеса святых, как в силы и действия, превосмогающие и покоряющие человеку природу, заменяла языческую веру в ведун-волхвов». Под влиянием христианства меняется характер богатырей: материальная сила в них уходит на второй план, а на первый план выходит духовная сила.

Особенно тесно соприкасается христианство с язычеством в очень распространенной на Руси апокрифической литературе. В стихе о «Голубиной книге» читаем: «У нас белый вольный свет зачался от суда Божия; солнце красное от лица Божьяго, самого Христа Царя Небесного; млад светел месяц от груди его; звезды частые от риз Божиих; ночи темные от дум Господних; зори утренни от очей Господних; ветры буйные от Свята Духа; у нас ум-разум Самаго Христа, Самаго Христа, Царя Небесного; наши помыслы от облак небесных; у нас мир-народ от Адамия; кости крепки от камени; телеса наши от сырой земли; кровь-руда наша от черна моря».

В «Беседе трех святителей» святитель Григорий «рече: от коликих частей сотворен бысть Адам? Василий рече: от осьми частей: от земли тело, от моря кровь, от солнца очи, от камени кости, от облака мысли, от огня теплота, от ветра дыхание, от света... дух». Тут соединение древнеиндийских сказаний с христианскими представлениями.

Или Егорий Храбрый из народного стиха. Это и святой Георгий Победоносец, на гербе Москвы поражающий змия, и олицетворение античной добродетели — мужества. Его мать — София, по имени еще одной античной добродетели — мудрости. Образ Софии Премудрости как бы объединяет языческое представление о мудрости с христианством. В России храмы (иначе хоромы, как назывались княжеские дома от «хоро» — круг) в

честь Софии во многих городах были главными (в Киеве, Новгороде).

Все природные явления (знамения и т.п.) сохранили свой магический смысл, но стали восприниматься чаще всего как божья кара. Языческое отношение к природе как активной силе дошло до современной поэзии.

Даже церковные мыслители использовали для своих целей языческие представления. Так, Кирилл Туровский (ок. 1130—1182) писал в «Слове на Фомину неделю»: «Весна убо есть красная вера Христова... бурнии же ветри — греховоднии помыслы, иже покаанием потворишася на добродетель» (*Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X—XVII веков. М., 1990. С. 79*).

Однако христианские понятия о добродетели сильно отличаются от языческих. Одна из главных добродетелей — кротость «бо есть мати мудрости и разуму и помыслу благу и всем добрым делам» (там же). «Смирение предстает в роли кроткой матери, все остальные человеческие добродетели, в том числе и мудрость, являются ее детьми, отец же им сам Господь. Этому «святому семейству» противостоит дьявольская родня, в которой гордыня предстает матерью пороков человеческих, отец же им сам сатана» (там же). О том же в «Слове некоего отца к сыну своему»: «Буди понижен главою, высок же умъмь; очи имея в земле, умънеи (умом. — А.Г.) же въ небеси» (*Изборник 1176 г. М., 1965. С. 165—166*).

В знаменитом произведении начала XII в. «Поучение Владимира Мономаха» говорится о гуманности, сострадании, стремлении предотвратить зло, междоусобные брани, спасти людей от дурных поступков. «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, — это ведь начало всякого добра... Ни правого ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души... Паче же всего гордости не имейте в сердце и уме, но молвите: смертны суть; сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней... Старых чти как отца, а моло-

дых как братьев... Лжи остерегайся и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело... Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны, не пропустите человека, не поприветствовав его и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой... Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее... Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет...»

Владимир Мономах советует избавляться от врагов тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостыней. Читая его поучения, мы вспоминаем заповеди мыслителей Древней Индии, Древнего Китая, Древней Греции и, конечно же, христианские.

Современник Владимира Мономаха митрополит Никифор проводит такую аналогию: как князь распоряжается своими воеводами и слугами, так разум должен повелевать телом.

Постепенно жестокие порядки языческих времен (вспомним месть княгини Ольги древлянам) меняются под влиянием христианства. В «Житии великого князя Владимира» (Святого) есть такой примечательный диалог. «И настолько был милостив и милосерден святой Владимир, что и злодеев, достойных казни, не торопился казнить, даже за великую вину, и из-за этого умножались разбойники, воры и прочих всяких зол деятели. И говорили митрополит и старцы Владимиру: «Почему, князь, злодеев ты не казнишь?» Он ответил: «Боюсь греха». Митрополит же и старцы сказали: «Ты от Бога поставлен властителем для наказания злодеев и поощрения делающих добро. Так что достойно тебе наказывать злодеев, рассмотрев их вину, ибо знай, что, если ты не казнишь злых, значит ты сам совершаешь зло по отношению к добрым, поскольку из-за твоего нерадения умножаются злые на пакость добрым. Так что погуби злых, чтобы добрые жили в мире» (Жизнеописание достопамятных людей земли русской. X—XX вв. М., 1992. С. 21).

Христианские представления о добре и зле, входя в соприкосновение с более древними, укреплялись на Руси, отстраняя языческие взгляды в область сказок и преданий. Распространению христианской морали помогали те люди, которые следовали ей в

наибольшей степени и впоследствии объявлялись церковью святыми.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ КАК НРАВСТВЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ

Войдя в церковь, видим столпы с изображенными на них в полный рост людьми в монашеских, а то и в воинских одеждах. Это святые, на которых как бы держится все здание. Святые на Руси — это нравственные образцы, с которыми должен сверять свою жизнь верующий, опора святой Руси.

Кто канонизируется церковью, получая тем самым право называться святым? Это или церковные пастыри и монахи, как Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Амвросий Оптинский и другие вплоть до Иоанна Кронштадтского и патриарха Тихона. Или благочестивые князья, прославившие Русь своими победами над врагами, как Александр Невский. Или невинно пострадавшие за приверженность к христианской морали, как князья Борис и Глеб, убитые своим братом Святополком Окаянным (первые русские святые). Их подвиги описаны в житиях святых.

Основополагающее значение для развития русской литературы имело изобретение славянской письменности Кириллом (827—869) и распространение ее им и его братом Мефодием (820—885). Самое значительное, но небольшое по объему эпическое произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» — напоминает эпос других народов, не только европейских. Это не героический эпос, хотя, описывая военный поход, по форме напоминает таковой. В России не было героев-рыцарей в западном смысле. Ближе всего «Слово о полку Игореве» к «Песне о Роланде», герой которого погибает. Но русский эпос не героичен, а печален. Он и не куртуазный: культ Прекрасной Дамы только в начале XX в. пытался пересадить на русскую почву А. Блок. «Слово о полку Игореве» обрамлялось житийным жанром, а затем пришла поэзия и позднее роман.

Жития святых написаны по единому канону: сын благочестивых родителей, с раннего детства отличающийся аскетизмом,

любовью к церкви и ее обрядам и изъясляющий желание стать монахом; ведет жизнь подвижника, успешно противостоит козням дьявола и совершает разнообразные чудеса; к нему является Пресвятая Богородица, или ангелы и другие святые; сам он спасает тонущих, поддерживает колеблющихся, помогает обездоленным и притесненным; после смерти святого чудеса от него не прекращаются, а, наоборот, усиливаются. Святой не может иметь отрицательных черт. Это стандарт, которому следуют все авторы.

Житие Феодосия Печерского написано самым известным летописцем Древней Руси, создавшим «Повесть временных лет», Нестором в 80-х годах XI в. В самом начале Нестор уверяет, что он не достоин писать из-за своих многочисленных грехов, из-за того, что он невежда и недалек умом, не обученный к тому же никакому искусству. Верить Нестору, конечно, нельзя. Это сугубое проявление скромности, свойственное всем составителям житий.

Далее идет повествование о жизни Феодосия Печерского, настоятеля одного из древнейших русских монастырей — Киево-Печерской лавры, которую основал учитель Феодосия Антоний — тезка Антония Великого — египтянина, родоначальника монашества, 20 лет прожившего в уединении.

Рассказ о святом Феодосии начинается с его рождения. Когда ребенка принесли крестить, священник сразу понял, что он посвятит себя церкви, и назвал его Феодосием — «посвященным Богу». «Не приближался он к играющим детям... но избегал их игр» (Литература Древней Руси. Хрестоматия. М., 1990. С. 91). «А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?.. Когда же властелин этого города узнал о смиренности и послушании отрока, то полюбил его, и повелел постоянно находиться у себя в церкви, и подарил ему дорогую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий не долго в ней пребывал, ибо чувствовал себя так, как будто носил какую-то тяжесть. Тогда он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья и так ходил... Иногда же, когда было особенно много оводов и кома-

ров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы» (там же. С. 91, 94, 98). Феодосий был для всех монахов образцом в труде и «постоянно учил братию не зазнаваться, а быть смиренными монахами, и самих себя считать недостойнейшими из всех, и не быть тщеславными, но быть покорными во всем» (там же. С. 101).

Феодосий вел непорочную жизнь, помогал бедным и обиженным, защищал вдов от несправедного суда, обличал князей, вероломно захватывающих власть и попирающих закон. «Что внесем, любимицы мои, в мир съй или что имам изнести?» — спрашивал Феодосий. Обращаясь к князю, давал такой совет: «милостынею же милуй не токмо своя веры, нъ и чужая... всякого помилуй и от беды избави, яко же можеши».

Примерно тогда же, когда было написано житие Феодосия Печерского, появилось и «Сказание о Борисе и Глебе», которые признаны святыми из-за их мученической смерти от руки брата. Это были первые русские люди, официально канонизированные в Византии.

Их описание соответствует канону. Борис был «правдив и щедр, тих, кроток, смиренен, всех он жалел и всем помогал» (Литература Древней Руси. Хрестоматия. М., 1990. С. 66). Выглядел он так: «телом был красив, высок, лицом кругл, плечи широкие, тонок в талии, глазами добр, борода небольшая, и ус молодой еще был, сиял по царски, крепок был, всем был украшен — точно цвел он в юности своей, на ратях храбр, в советах мудр и разумен во всем, и Благодать Божия цвела в нем» (там же. С. 75).

Борис был во главе киевского войска, и дружина сказала ему, когда старший брат Святополк вызвал его к себе после смерти отца Владимира Святого: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол — ведь все воины в твоих руках». Он же ответил: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись. И в последний момент, когда убивали его, он воскликнул: «Не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою» (там же. С. 69).

Глеб же, обманом вызванный от имени отца, стал молить о пощаде и потом возопил: «Увы мне, увы мне!» «И как предсказал Господь в псалмах, что возлюбившего зло больше добра Бог сокрушит до конца, так отомстил брат Ярослав (будущий Мудрый. — А.Г.) за убийство братьев и бежал Святополк Окаянный из Киева и бесчестно скончался» (там же. С. 71).

Вот что сказано летописцем об этих святых: «Вы наше оружие, земле Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей!» (там же. С. 74).

Чудеса святых, пишет летописец, происходят во исполнение слов Господа: «Верующий в меня, в дела, которые я творю, сотворит сам их, и больше сих сотвори». И просьба к святым: «Не забывайте отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Так же и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда и болезни не коснутся тела рабов ваших» (там же. С. 75).

Святой, известный всем, — Александр Невский. Это тип святого, отличавшегося воинскими доблестями при жизни (заглавие рукописи о нем «О житии и доблести...»). Святость такого человека уже в том, что и красота его, и храбрость, и ум, и сила, и звучный голос, и победа его не могли быть без божественной благодати. Александр перед битвой просил святого Бориса помочь ему и встать с оружием и щитом. Он же сказал дружине: «Не в силе Бог, но в правде» (там же. С. 204). Все святые как бы связаны одной цепью, и Борис, и Глеб помогли Александру победить шведов, сойдя на землю. Воинство Божие помогало, как сообщает летописец, Александру и во время Ледового побоища. Сообщается, что Александр «любил священников, и монахов, и нищих, и митрополитов же и епископов почитал и внимал им». После смерти его и иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибаем!» (там же. С. 208).

Знаменитейший русский святой — Сергей Радонежский. Его первый биограф Епифаний Премудрый сообщает, что, находясь

во чреве матери, он трижды прокричал во время церковной службы, тем самым обнаружив свое божественное предназначение. Появившийся на свет ребенок отказывался принимать материнское молоко, если мать «пищу некую вкусити, еже мяс» (Житие Сергия Радонежского. М., 1991. С. 16). С юного возраста он постился «въ среду и в пяток ничто же не ядыше, въ прочаа же дни хлебом питашеся и водою» (там же. С. 25). Детство Сергия напоминает нам Феодосия Печерского, следуя по пути которого, будущий «преподобный и богоносный чудотворец» создает монастырь, получивший впоследствии название Троице-Сергиевой Лавры.

В те времена, пишет Е.Е. Голубинский, «наши монахи смотрели на пример современных им монахов греческих, а позднейшие греческие монахи уже не шли из города в пустыни. И вот, богоизбранный юноша Варфоломей (имя до принятия монашества. — А.Г.), отвращая взор свой от примера современных ему монахов греческих и обращая его к примеру древних египетских учредителей монашества — Антония, Пахомия и Макариев, решил монашествовать в том собственном смысле, чтобы подвизаться в удаленной от жилищ человеческих пустыне» (там же. С. 155).

«В последующее время, в XV, XVI, XVII столетиях монашеское подвижничество посредством совершенного уединенного пустынножития не составляло у нас очень большой редкости, — продолжает Голубинский, — но оно началось у нас именно от преподобного Сергия и он был именно первым, кто ввел его у нас. Не так трудно делать что-либо трудное, когда прежде нас уже делали это многие другие, как трудно решиться на это первому» (там же. С. 157).

«Пустыня была настоящая и суровая пустыня: кругом на большое расстояние во все стороны — дремучий лес; в лесу — ни единого жилища человеческого и не единой человеческой стези, так что нельзя было видеть лица и нельзя было слышать голоса человеческого, а можно было видеть и слышать только зверей и птиц» (там же. С. 156).

Важно не только то, что Сергей начал свое великое дело в природе, но и то, как он обращался с ней. Это было то гармонич-

ное взаимодействие, к которому призывает современная экология. «Поселившись среди зверей, преподобный Сергей приобрел их расположение, а с некоторыми из них вступил даже, так сказать, в содружество. Мимо кельи его бегали стада волков, но ему вреда не причиняли; проходили иногда и медведи, но также не беспокоили его. Между медведями нашелся один, который часто начал посещать преподобного» (там же. С. 159). Б. Зайцев пишет, что Сергей Радонежский «благословил природу, в образе медведя близко подошедшую к нему» (там же. С. 215).

Он был поистине другом животных, всей природы. Такое поведение соответствовало общим правилам христианского отношения к природе. Природа в христианстве не одушевляется, как в язычестве, но почитается как творение Божье. Свойства православного святого — смирение и любовь в полной мере переносит Сергей на всю природу. Он любит медведя, которого кормит, и у него нет чувства превосходства перед «братьями меньшими».

Природа для Сергея — способ приобщения к Богу. Уйти от людей в дикую природу и в ней обрести Бога — таков путь Сергея Радонежского. «В самой ограде монастыря первобытный лес шумел над самыми кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами» (там же. С. 266).

Сейчас пишут, что для решения экологической проблемы необходима определенная степень нравственности. Надо любить всю окружающую природу, все существа на Земле. Возражают, что это невозможно. Невозможно для простого человека, но не для святого. Сергию Радонежскому была присуща «любовь совершенная». Сергей побеждал людей и природу без насилия — своим примером. Этим он был похож на другого экологического святого — Франциска Ассизского, читавшего проповеди птицам.

«Житие же его бе сичево: пост, сухоядение, беспостелие» (там же. С. 138). «Пищу преподобного Сергея во время его уединенного пустынножития составляли хлеб и вода» (там же. С. 159). Ходил он в такой «худой» одежде, «что не далека была от того, чтобы называться рубищем» (там же. С. 170).

В пустыни, в совершенном уединении Сергей прожил около двух лет. Стали к нему приходить другие монахи. Свой растущий авторитет Сергей Радонежский использовал для предотвращения княжеских междоусобиц. Он благословил Дмитрия Донского на битву с Мамаем. Своей скромностью преподобный Сергей подавал пример всем, и хотя на месте его пустынножития возник привлекший много людей монастырь, «несохраненная монастырем первоначальная его пустынноность послужила образцом для последующих ревнителей подвижничества к устройению пустынных монастырей» (там же. С. 164). Не менее четверти русских монастырей основаны прямыми учениками Сергия и стали они образцами общежития и преображения природы, как Валаамский, Соловецкий, Кирилло-Белозерский и другие.

Чудотворец Сергей помогал людям и после своей смерти, о чем подробно написано Симоном Азарьиным. Как говорил В.О. Ключевский, «при имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» (там же. С. 271).

После Сергия Радонежского было на Руси много святых — патриарх Гермоген, Серафим Саровский и другие, но имя святого Сергия навсегда осталось наиболее почитаемым. С жизнью других святых мы можем познакомиться по их житиям, а также по художественным произведениям. Приехав в знаменитый православный монастырь Оптина пустынь в 1878 г. в тяжелом душевном состоянии после смерти сына, Достоевский начал там писать свой последний роман «Братья Карамазовы» и в образе положительного героя старца Зосимы воплотил черты оптинского старца Амвросия. Амвросий Оптинский был канонизирован и причислен к лику святых на Поместном соборе Русской Православной Церкви в 1988 г. почти через 100 лет после своей смерти.

Под статью литературе были живопись и архитектура. Вершиной русского искусства по праву считается средневековая живо-

пись. Самые знаменитые иконописцы на Руси: Феофан Грек (ок. 1340—после 1405), Андрей Рублев (1360—ок.1430), Даниил Черный (ок. 1360—1430), Дионисий (1440—1502/3), Симон Ушаков (1626—1683).

Интересны размышления Е.Н. Трубецкого о значении архитектурных форм. «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиг выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным к потустороннему богатству» (*Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991. С. 11*). Иван Великий, по Трубецкому, гигантская свеча, вздымающаяся к небу над Москвой, а многоглавые церкви — многосвешники. Город со множеством храмов как бы горит духовными огнями.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ И ПОСЛЕ НЕГО

Громадным событием в духовной жизни России был церковный раскол XVII в. Постепенно русская церковь обособилась от византийской и внутри нее стали появляться ереси. Вначале — ересь стригольников в XIV в., направленная против церковной иерархии, затем ересь жидовствующих в XV в., отрицавшая триединство Бога.

Внутри самой церкви на рубеже XV—XVI вв. происходила борьба двух течений — «нестяжателей», которые считали, что церковь должна думать прежде всего о духовном, и «иосифлянами» (по имени знаменитого церковного деятеля Иосифа Волоцкого), которые полагали, что монастыри вправе владеть землями и быть экономически независимыми. Раскол произошел из-за церковной реформы, осуществленной патриархом Никоном, которую далеко не все служители русской церкви приняли. Необходимость церковной реформы была связана с тем, что ко второй половине XVII в. территория русского государства существенно расширилась. В результате воссоединения Украины с Россией в

состав Московского государства вошли древнерусские земли, которые до этого находились в составе Польши. И вот выяснилось, что церковные книги, бывшие в употреблении в России, отличаются от тех, которыми пользовались в Малороссии и других православных землях. Различия касались как написания слов (Исус и Иисус), так и некоторых смысловых деталей. Патриарх Никон принял решение в целях унификации исправить богослужебные книги по греческому оригиналу. Этому воспротивились священнослужители во главе с протопопом Аввакумом, считавшие, что утвердившаяся на Руси вера самая истинная и поэтому ничего в русской богослужебной литературе исправлению не подлежит. Обе стороны были непримиримы, и противостояние между ними привело к церковному расколу. Противники реформы преследовались и уничтожались. Наиболее яростные, как Аввакум, были сожжены.

Отношение к церковному расколу неоднозначно. Более ранние и современные исследователи принимают и ту и другую сторону. Одни отмечают, что церковная реформа дала возможность России выйти в более широкое духовное пространство и, стало быть, в целом была полезна; другие пишут, что она привела к отрыву от национальных корней, что негативно сказалось на духовном развитии России. Но все сходятся на том, что сам по себе раскол, да еще приведший к таким жестоким последствиям в жизни церкви и русского общества в целом — это трагедия. В результате раскола русская церковь разделилась на новообрядческую (официальная церковь) и старообрядческую, которая не приняла реформы.

В контексте русского национального характера борьба за истинную веру предстает как основа духовной устойчивости общества и самого существования государства, а, стало быть, причины церковного раскола XVII в. оказываются весьма важными. Они заключались в двух противоположных тенденциях русской жизни, которые в XIX в. разделят светское общество на западников и славянофилов, а в XX в. — на демократов и патриотов: с одной стороны, стремление к подражанию Западу, а с другой — высокомерие по отношению к нему и превознесение своего, свя-

занное с консерватизмом мышления. Официальная церковь стремилась исправить книги и обряды в соответствии с греческими и западными (украинскими после присоединения Малороссии); старообрядцы же считали, что существующее у нас является наилучшим и не нуждается в корректировке по чужим книгам, которые, наоборот, надо исправить по нашим. Раскол оказал негативное воздействие на духовную целостность русского общества, но стимулировал развитие его в различных областях — светское искусство, философия и т.д.

Философия в России имела преимущественно прикладной характер — это была или религиозная, или идеологическая философия, подчиняющаяся религии или идеологии. Философской основой русской космической цивилизации был русский космизм в лице Н.Ф. Федорова и других мыслителей и практиков. Овладение космосом соединяется у Федорова с тягой к бессмертию и воскрешению умерших, а, стало быть, единство с космосом означает борьбу против сил смерти. Федоров писал, что смерть — зло, и поставил перед человечеством задачу воскрешения всех живших на земле поколений — беспримерную по смелости и нравственной мощи цель. Пытаясь соединить науку с христианством, Федоров хотел поставить науку на службу великим нравственным задачам, которым человечество следовало испокон веков, т.е. протянуть единую нить культуры от мистики до науки. Великие же русские анархисты были готовы драться не только с государством, но с самим Господом, как Бакунин, провозгласивший, переиначивая Вольтера: «Если бы Бог был, его следовало бы ниспровергнуть», тем самым уподобляясь мильтоновскому Сатане, который считал Бога тираном.

В.С. Соловьев концепцией всеединства попытался дать ответ на призыв И.В. Киреевского к созданию оригинальной русской философии. Обобщая развитие русской мысли, Н.А. Бердяев в итоговой работе «Русская идея» изложил представление о двух ее этапах — православном и коммунистическом, воплощенных в пришедшем из Византии православии и пришедшем с Запада коммунизме.

Петр I уничтожил патриаршество и взамен учредил Святейший синод, который подчинялся императору. Начался синодальный период в жизни официальной русской церкви. Что же касается старообрядцев, то они преследовались официальной церковью и светской властью и постепенно разделялись на все более мелкие образования.

После 1917 г., когда к власти в России пришли большевики, на русскую церковь обрушились невиданные гонения. От религии первенство перешло к идеологии. Духовное развитие России укладывается в схему двух модификаций русской идеи — православной и коммунистической, впервые предложенной Бердяевым. На переход к главенству идеологии повлиял церковный раскол, ослабивший позиции православия, а также последовавший за ним светский раскол на западников и славянофилов. Главный удар идеологии пришелся на религию как лидирующую отрасль духовной культуры и по существу единственную, имевшую вес в России.

Основатель коммунистической идеологии К. Маркс был гений, и ошибки его были гениальными. Одна из таковых — ставший знаменитым афоризм: «Религия есть опиум народа». Когда же последователи Маркса, уже не гении, хотя безусловно талантливые люди, пришли к власти, то они постарались избавить народ в своей заботе о нем от этого опиума радикальным путем — разрушением церквей, расстрелом священнослужителей и т.п. Результатом стал упадок не только религии, но духовной культуры в целом. Возможно, такое гонение на религию и веру в Бога послужило одной из причин распада СССР.

После крушения коммунистической идеологии православие в России начало возрождаться. Церкви были возвращены храмы, стали возрождаться православные монастыри. Количество верующих резко возросло, и роль религии в жизни общества увеличилась. Свидетельство тому и новый предмет — «История мировых религий», который сейчас преподается в вузах, и отмена «Научного коммунизма» — обязательного предмета в вузах советского периода.

Что ждет религию в России в дальнейшем? Некоторые писатели (в частности, А.И. Солженицын) считают, что православие должно стать, как когда-то, основой духовной жизни русского общества. Это реально, учитывая традиции России и консолидирующее значение религии, но, конечно, при условии, что религия соответствует современным социальным требованиям и дает ответы на животрепещущие вопросы сегодняшней жизни, помогая адекватно решать возникающие проблемы.

Вопросы для повторения

- Как произошло принятие христианства на Руси?
- Каково значение и особенности религии в России?
- Каково содержание «Слова о законе и благодати»?
- Каковы взаимоотношения христианства с язычеством?
- В чем значение русской иконописи?
- В чем значение Сергия Радонежского и других русских святых?
- Каково содержание наиболее известных житий святых?
- В чем причины церковного раскола XVII в.?
- Каковы его последствия?
- Каково современное состояние русской церкви?

Литература

1. *Карташов А.В.* Очерки из истории русской церкви. М.: Республика, 1992–1993.
2. *Жизнеописания достопамятных людей земли Русской (X–XX вв.)* / Сост. С.С. Бычков. М.: Московский рабочий, 1992.
3. *Булгаков С.Н.* Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991.
4. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

Глава 12

Ислам

СТАНОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА

Основу мусульманской культуры составляет ислам (в буквальном переводе с арабского «предавание себя Богу», «покорность»). Слово «мусульманин» (от «муслим») также означает покорность, поклонение.

Ислам был третьей по времени образования мировой религией. Его основатель Мухаммад (570—632 гг.) родился в Мекке и там начал проповедовать, но затем вынужден был уехать в Йасриб (будущую Медину). Сподвижник Мухаммада, ставший после его смерти халифом (главой мусульманской общины) Абу-Бакр объединил Аравию вокруг Медины. При следующем халифе Омаре (634—644 гг.) арабы побеждают Персию и отбирают у Византии Египет, Сирию и Палестину. Создается арабский халифат.

При халифе Османе (644—656 гг.) собраны записи высказываний Мухаммада и составлен канонический текст Корана. К началу VIII в. мусульманские войска захватили Самарканд, Ташкент и дошли до берега Инда и границы Китая на востоке, захватили Карфаген, северный берег Африки, Испанию на западе. В IX в. Арабский халифат распался, но осталась мусульманская культура, объединявшая население многих стран. В XIV в. ислам принимают монголы. В XV в. возникает могущественная турецкая империя, которой удалось захватить Византию. Кроме того, существовали еще два крупных мусульманских государства: империя Сефевидов в Персии и государство Великих Моголов в Индии. На Западе христианам удалось только в XV в. одержать победу над мусульманами (маврами), изгнав их из Испании.

Мусульманскую культуру, так же как и средневековую европейскую, относят к религиозному типу. По мнению А. Кребера,

«магическая религиозная система оказалась едва ли не единственным явлением, вокруг которого позднее сложилась мощная и богатая цивилизация. В этом отношении — а именно в том, что комплекс формул, относящихся к человеческой вере и поведению, предшествовал развитию крупной культуры и стал ее стержнем, — арабская цивилизация напоминает индийскую и китайскую» (Антология культурологических исследований. СПб., 1997. С. 477). Как христианская религия создала христианскую цивилизацию, так ислам создал арабскую цивилизацию. Только доминирующим институтом в данном случае является не церковь, а политическая организация — халифат.

Завоевав в средние века огромное пространство от Индии до Испании, арабы всюду несли с собой ислам, десятичную систему исчисления с арабскими цифрами и сказки «1001 ночи» с Синдбадом-мореходом.

Ислам вырос из арабских преданий и Ветхого Завета, оставшись верным представлению о боговдохновенных пророках, одним из которых объявил себя Мухаммад. Он не перешел принципиальной грани, которую преодолел Христос, заявивший о себе как о Сыне Божьем. Ислам в этом смысле ближе к Ветхому Завету, чем христианство. Различия между исламом и христианством определяются различием культур, в которых произошли и развились данные религии. Эти различия и религиозные: кто есть основатель религии — пророк, через которого Бог говорит с людьми (как в исламе), или сам Бог (как в христианстве), и бытовые: сколько жен может быть у мужчин — одна или четыре — и есть ли в раю гурии или нет. Но, несмотря на эти различия, ислам вполне мог бы сотрудничать с христианством.

Учитывая, что ограниченный азиатским регионом буддизм является не мировой в строгом смысле слова, а скорее первой региональной религией, и то, что сказано об исламе как разновидности иудео-христианской традиции, последняя остается единственной, приведшей религию к господству. Торжество ислама в ближневосточном мире определялось, скорее всего, тем, что он оказался инструментом скрепления различных народов

Ближнего Востока, как христианство выполнило аналогичную роль в Западной Европе. Налицо элемент подражания как в содержательном, так и в организационном плане. Энергии христианской религии оказалось достаточно не только для того, чтобы стать примером для другой религии в смысле канонов и притч, но и в организационном смысле. Ислам признает Христа одним из пророков, Христос смог осуществить косвенным образом воздействие на становление новой религии. По нашему мнению, это можно объяснить жертвой Христа, оказавшейся достаточной и для создания еще одной религии, похожей по форме и соответствующей национальному характеру народов, населяющих данную территорию. В свою очередь, когда в Мекке, отвернувшейся от Мухаммада, был организован заговор с целью его убийства, Мухаммад избежал смерти с помощью хитрости — на его место лег спать его двоюродный брат Али (*Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М.: Наука, 1991. С. 65).

Ислам имел значение для консолидации самого арабского мира и способствовал выходу его на мировую арену. Создание уже в VII в. огромного арабского государства свидетельствует о том, какое большое социальное интегрирующее значение имеет религия.

В Аравии в то время существовали последователи и иудаизма, и христианства. Мухаммад создал религию, которая должна была стать оригинальным синтезом того и другого. Ренан назвал ислам в некотором роде восстановлением иудаизма в том, что в нем наиболее характерно для семитической расы (*Ренан Э.* Жизнь Иисуса... С. 165). Аравизированные и до него иудаизм и христианство Мухаммад уложил в логичную схему. Из христианства были удалены такие вызывающие споры представления, как трехипостасность Бога. В согласии с иудаизмом Мухаммад отрицал божественное происхождение Христа, но признавал божественное происхождение его учения. Христос превратился в пророка, наподобие Мухаммада, но Мухаммад поднимался над Христом как более поздний и последний пророк. Сам Мухаммад признавал ислам исправлением допущенных иудеями и христианами ис-

кажений воли Аллаха, провозвещенной им Ибрахиму (библейский Авраам). Можно рассматривать ислам как попытку преодоления подмен, которые исказили первоначальный смысл иудаизма и христианства. Это своеобразная Реформация, идущая от лица самого Бога.

Из трех мировых религий последняя по времени создания наиболее рациональна. Это особенно заметно по художественной литературе. Так, крупнейшая эпическая поэма «Шах-наме» начинается «Словом о разуме». Ислам — шаг на пути рационализации религии, в то же время подрывающий его господствующую роль в культуре. Споры относительно признания Мухаммада пророком связаны с вопросом о бессмертии, который решен в христианстве признанием воскрешения Христа. Ислам, как и христианство, в отличие от буддизма, обещает человеку вечную жизнь.

Мухаммад хотел, чтобы и иудеи, и христиане приняли его синтез, но этого не произошло. С учением Мухаммада не согласились ни те ни другие, хотя ислам включил в себя, по существу, весь Ветхий Завет. Иудеи отказались принять мессию из неиудеев, а место мессии в христианстве уже было занято. Ислам приобщил религию к нуждам арабов и расширил арабский мир, но не заменил ни иудаизм, ни христианство, став одним из вариантов монотеизма.

Роль, которую у греков, римлян, язычников Аравии играла судьба, рок, фортуна, в исламе перешла к единому Богу. В Коране показано, как религиозная мысль шла от возникающего к вечному. «И когда покрыла его ночь, он увидел звезду и сказал: «Это — Господь мой!» Когда же она закатилась, он сказал: «Не люблю я закатывающихся»... Я обратил лицо свое к тому, кто сотворил небеса и землю, поклоняясь ему чисто, и я — не из многобожников» (Коран. VI: 76, 79).

Древнеаравийский пантеон божеств образовался из культа предков в соответствии с цепочкой:

Захоронение предков → Политеизм → Монотеизм.

Аллах (от ал-илах — «божество») — имя одного из высших богов аравийского пантеона. В исламе он стал единственным бо-

гом и создателем всего. «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и посланник его — Мухаммад». Аллах мусульман в принципе идентичен Богу иудеев и христиан. Итак, имя Аллаха — от языческих арабских верований; то, что он единственный Бог, — от иудаизма; а то, что Мухаммад — последний пророк, — от христианства.

Коран («Чтение») — самый ранний памятник прозы на арабском языке. Воспринятый как слово Аллаха, он сыграл значительную роль в формировании единого литературного языка арабских народов. Исследователи признают, что Коран был неосознанным творением Мухаммада и помещают его между фольклором и авторским творчеством. Когда начинаешь читать Коран, то удивляешься тому, как много в нем из Библии. Многие ветхозаветные повествования перенесены с соответствующим изменением имен на арабский язык (Моисей стал Мусой, Иисус — Исой и т.п.). Единственное крупное изменение — это отказ от христианского догмата троичности Бога как Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Представление же о едином Боге, об аде, рае, Воскресении, Страшном суде, некоторые заповеди перешли в Коран из Библии. Культурный идеал Корана по сути совпадает с христианским.

Интересно, что в Коране в пересказе притчи об изгнании из рая говорится о том, что Сатана (Иблис) искушал первых людей попробовать плодов с «древа вечности», чем подтверждается версия Фрэзера о мифологической первоначальности именно этого дерева и, стало быть, желания людьми бессмертия. Райское дерево в Коране — смоковница-олива — совпадает у мусульман и гностиков. Совпадает также знание Адамом имен всех вещей, что противоречит библейскому представлению о запрете вкушения с дерева познания добра и зла.

Вот представление о рае в Коране.

«Ведь для богобоязненных есть место спасения,
сады и виноградники,
и полногрудые сверстницы,
и кубок полный.

Не услышат они там ни болтовни, ни обвинения во лжи» (Коран. 78:31–35).

С этим соглашались многие арабские поэты, призывавшие к тому же на земле.

Мусульманское предание о перенесении Мухаммада в Иерусалим и о посещении им ада и рая, возможно, повлияло на сюжет «Божественной комедии» Данте. Представления о Страшном суде сродни не только христианским, но и египетским: «И у кого тяжелы будут его весы — те счастливые, а у кого легки его весы, — те, которые нанесли убыток самим себе, в геенне пребудут вечно» (Коран. 23: 104–105).

В Коране много повторов, обычных для эпоса. Отдельные части — суры — распределены по объему. Ранние суры — короткие, поскольку в начале своей деятельности Мухаммад говорил резкими, отрывистыми фразами — в конце Корана. Поздние, ниспосланные в Медине, когда проповедь Мухаммада стала более спокойной и рассудительной, — в начале.

Ангелы пришли в Коран из христианства, а вот джинны — духи, могущие быть и дружественными, и враждебными людям, — исконно аравийские существа. Злые джинны назывались еще шайтанами. Они были опорой дьявола — Иблиса. Ангелы жили на небесах, джинны — на земле. Ангелы в Коране ниже человека в том смысле, что Аллах научил человека именам всех созданных вещей, а ангелы не могли назвать их, хотя человека Бог создал из глины, а ангелов из огня. Отсюда истоки неповиновения Иблиса: как можно кланяться созданным из глины людям существу, созданному из огня? Потомство людей на земле стало объектом борьбы между Аллахом и Иблисом. Здесь элементы зороастризма. Аллах предоставляет право Дьяволу искушать людей и наказывает тех, кто поддается.

Мировая история предстает в Коране как цепь катастроф, происходящих с разными народами, созданными и уничтожавшимися Аллахом. Пользуясь дарованными Аллахом благами, каждый из народов забывал про веру и становился обуреваем гордыней. Аллах избирал из среды людей пророков, чтобы его проповедь обращала их к вере. В тяжелые времена неверия и развращения появлялся пророк, который пытался вернуть людей на путь ис-

тины. Большинство людей насмеялись над ними, пророков побивали камнями, но каждый пророк старался выполнить свою миссию на языке времени. У пророка и Аллаха есть взаимные обязанности. Пророк должен быть терпелив, а Аллах должен ему помогать в выполнении его миссии. В ответ на обвинения во лжи и сумасшествии Мухаммад говорит: «О народ мой! Творите по своей возможности; я то же буду делать, и потом вы узнаете, к кому придет наказание, унижающее его, и кто — лжец. Выжидайте же, я вместе с вами жду!» (Коран. 11: 95–96).

Коран постоянно напирает на значение немногочисленных пророков и праведников, без которых мир был бы уничтожен Богом, ниспосылающим катастрофы, в которых гибнут все, кроме уверовавших. Хотя постоянно упоминается, что Аллах милостив и милосерден, тем не менее в Коране столь же часто подтверждается тезис о неизбежности наказания для неверующих. Жестокость Аллаха оправдывается следующим: «Аллах не был таков, чтобы их тиранить, но они сами себя тиранили» (Коран. 30: 8).

Итак, Коран рисует такую картину мировой истории. Сменявшие друг друга народы достигали благоденствия по воле Аллаха, но затем забывали о Боге, переставали следовать указаниям посланных им пророков, и за это Бог насылал катастрофы, в которых они погибали. Данная схема развития мира хорошо сочетается с принципом жертв и подмен.

Кроме Корана источником, определяющим поведение мусульман, является Сунна — совокупность правил поведения, основанных на хадисах — рассказах о жизни Мухаммада. Строгое следование Корану и суннам определило понятие «мусульманский фундаментализм».

С самого начала в исламе господствовала теократическая точка зрения, в соответствии с которой светская и религиозная власть неразделимы. Поэтому в мусульманстве не возник религиозный институт (церковь), существующий наравне с государством. Основное разделение мусульман на суннитов и шиитов (от арабского «шия» — партия) связано с вопросом организации власти.

Согласно суннитам, имамом (т.е. верховным правителем) всех мусульман является халиф. Согласно шиитам, имам не может быть выборным и верховная власть является наследственной в роду Али — двоюродного брата Мухаммада, женившегося на его дочери. В настоящее время ислам — вторая по численности последователей религия. Мусульман на земном шаре 1300 млн человек. Около 90% из них сунниты.

ЭТИКА ИСЛАМА

Социальные нормы, проповедуемые исламом, свидетельствуют о попытке создания справедливого общества, которая, как и более ранние и поздние, оказалась нереализованной. Как показывает история, возникновение подобных идей характерно для переломных эпох в развитии общества, а таковая и была в то время на Аравийском полуострове.

Относительно конкретных бытовых предписаний Коран отличается от Библии настолько, насколько обычаи и традиции древних арабов, живших на Аравийском полуострове, отличались от обычаев народов, в среде которых возникло и развивалось христианство. Коран запрещает ростовщичество, азартные игры, вино, свинину, но разрешает многоженство. Исключались поклонение изображениям Бога и музыка в мусульманских храмах — мечетях.

Пять основных моральных заповедей ислама: исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада, пятикратная ежедневная молитва намаз — «ключ к раю», паломничество в Мекку на родину пророка Мухаммада, пост в течение одного месяца в году (когда разрешается есть ночью, но не днем), налог в пользу бедных (нечто вроде христианской милостыни). Когда Мухаммада спросили, какое деяние наиболее добродетельно, он ответил: «Чтобы ты умирал, а язык твой поминал Аллаха, великого и всемогущего». Богослужения состоят из общей молитвы, чтения Корана и проповеди.

Моральные предписания не сосредоточены в Коране в одном каком-либо месте, и несмотря на некоторые противоречия, среди

них нет таких расхождений, как между 10 заповедями Ветхого Завета и Нагорной проповедью Христа (так и должно быть, поскольку Коран создан одним человеком). Кое в чем мораль Корана напоминает заповеди Ветхого Завета (например, повторяется заповедь «око за око» — 5: 49). Несмягченный Христовым «непротивленчеством» ислам более воинствен по отношению к тем, кого называет неверными, т.е. немусульманам. Мухаммад подал этому пример, участвуя в подготовке военных экспедиций в Мекку и Сирию. Одно из предписаний ислама состоит в священной войне за веру (джихад). У мусульман есть специальное слово, обозначающее пожертвовавших собой за веру и почивших мученической смертью, — шахид. Им гарантирован рай, куда они попадут, минуя испытания в аду и в мусульманском чистилище. Как писал Пушкин в «Подражании Корану»:

«Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье
Не отравляемом ничем».

В других случаях Коран ближе к Новому Завету: заповедь «не клянись» и «невыпячивание добрых дел». «Если вы открыто делаете милостыню, то хорошо это; а если скроете ее, подавая ее бедным, то это — лучше для вас и покрывает для вас ваши злые деяния» (Коран. 2: 273).

Большое значение в Коране уделяется понятию благочестия. «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, — и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, — это те, которые были правдивы, это они — богобоязненные» (Коран. 2: 172).

Понятие милосердия не менее важно в Коране, чем в Новом Завете. «Никогда не достигнете вы благочестия, пока не будете

расходовать то, что любите» (Коран. 3: 86). В Коране многократно высказывается пожелание милостыни и признание излишеств.

Коран, как и Библия, обещает исполняющим моральные заповеди вечное блаженство. «И устремляйтесь к прощению от вашего Господа и к раю, ширина которого — небеса и земля, уготованному для богобоязненных, которые расходуют и в радости и в горе, сдерживающих гнев, прощающих людям» (Коран. 3: 127—128). «А те, которые уверовали и творили благое, те — обитатели рая, они в нем вечно пребывают» (Коран. 2: 75—76).

Тем же, кто делает зло, Коран грозит возмездием: «Да! Тот, кто приобрел зло и кого окружил его грех, то они — обитатели огня, они в нем вечно пребывают» (там же). Возмездие рассматривается Кораном как способ воспитания и формы его могут показаться очень жестокими уже здесь на земле, не говоря о небе. «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что ни приобрели, как устрашение от Аллаха. Поистине Аллах — великий, мудрый» (Коран. 5: 42). Женщина, по Корану, как и по Библии, должна повиноваться мужчине, но опять-таки в Коране это выражено в более сильной форме. «А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их» (Коран. 4: 38). В Коране еще больше, чем в Библии, подчеркивается вред сомнения. «Истина — от твоего Господа. Не будь же сомневающимся» (Коран. 3: 43).

Неизбежное противоречие монотеистических религий между всемогуществом Бога и наличием зла в мире Коран разрешает таким образом, что зло Аллах посылает для испытания человека. Зло — произведенное Богом и, стало быть, объективно существующее искушение человека пороком, которому он, обладая свободой воли, может поддаваться или нет. Проводником зла выступает свободная воля человека. «Что постигло тебя из хорошего, то — от Аллаха, а что постигло из дурного — то от самого себя» (Коран. 4: 81). Все послано Богом, но ответственность за свои поступки несет сам человек.

О соотношении божественной предопределенности и свободной воли человека мусульманские теологи спорили столь же рья-

но, как и христианские, но в целом можно заключить, что ислам более фаталистичен, чем христианство, и в Коране неоднократно повторяется, что Аллах воздает всем по заслугам и сообщает благодать тем, кого любит. «Быть благословенным на бытие правым и добрым составляет часть человеческого счастья, равно как часть его несчастья — непрекращающиеся ошибки» (*Роузентал Ф.* Торжество знания. М.: Наука, 1978. С. 85).

«Вложи в его руку меч, избавь его от бессилия.
Пусть он станет либо борцом за веру, либо грабителем.
Мы оказали милость человеку, дав ему свободу воли.
Половина стала пчелами, половина змеями» (Коран. 24: 35).

Зачем испытывать человека? «Целомудрие ничего не стоит, если отсутствует искушение пороком».

Среди добродетелей, почитаемых в исламе, можно назвать разум, рвение, скромность, богобоязненность, праведность, верность, искренность, смирение, негневливость, прощение, а среди отрицательных свойств характера — склонность к мирским украшениям, жадность, ненасытность, похотливость, которые в символической форме представлены четырьмя птицами: павлином, уткой, вороной и петухом.

Как в любой религии, основополагающее значение имеет в исламе вера. Но в отличие от христианства мусульманство высоко ценит и знание. Решая вопрос о сущности веры, мусульманские богословы ссылаются на слова пророка: «Вера есть знание в сердце». Веру в Аллаха связывали в исламе с признанием его истинным. Отсюда уважение к знанию. В определенном смысле ислам является синтезом греческой философии и христианской веры. Обучение рассматривается в мусульманстве как религиозный долг и путь в рай, а ученый человек превосходит благочестивых верующих, насколько полная луна превосходит звезды (там же. С. 96). «Знание есть самое исключительное счастье и наивысшее совершенство и достоинство» (там же. С. 240). Али говорит: «Знание лучше собственности, ведь знание защищает тебя, тогда как собственность должен защищать ты сам. Тратя собственность, мы теряем ее, тогда как знание от траты процветает» (там же. С. 250).

«Человек, который не способен ценить историю и поэзию, который засыпает, слушая стихи или рассказы из истории, подобен осле в обличье человека» (там же. С. 251).

«Знание — высшее благородство, так же как любовь — сильнейшая из уз» (там же). Пророк Мухаммад сравнил «ученых на земле со звездами в небесах». «Твое знание принадлежит твоей душе. Твое богатство принадлежит телу» (там же). Отсюда рекомендация: «Сын, седи у ног мудрецов, поближе к ним, ибо Бог дает сердцам жизнь, через свет мудрости, подобно тому, как Он дает жизнь мертвой почве посредством небесного дождя» (там же. С. 84).

Овладеть знанием, однако, не просто. «Знание есть нечто такое, что не дается тебе даже частично, пока ты не предашься ему полностью, а когда ты целиком предашься ему, то обретешь лишь надежду, но не уверенность, что тебе достанется эта частица» (там же. С. 85). Зависит это и от намерений человека. «Искать знания — хорошо, и распространять знание — хорошо, если делается с праведными намерениями» (там же. С. 86).

«Но если в сердце правды свет горит,
Тебя в молчанье мудрость озарит» (*Фирдоуси*. Шахнаме. С. 16).

«Знание бывает двух видов: знание в сердце и знание на языке; знание сердца есть знание полезное, тогда как знание языка есть довод Бога против слуг своих» (*Роузентал Ф.* Торжество знания. М., 1978. С. 238).

Люди, лишившиеся определенных нравственных качеств, могут лишиться и знания. Знание — свет, который может исчезнуть от сутяжничества и препирательства. Первый признак исчезновения знания — потеря смирения. «Человек знает до тех пор, пока ищет знания и продолжает учиться. Когда же он считает, что уже знает, он превращается в невежду» (там же. С. 250).

Мухаммад выделял четыре порока знания: хвастовство своими знаниями; ощущение превосходства перед признанными учеными; использование знания в соревнованиях с дураками или с целью привлечения людей на свою сторону; попытки добиться

посредством знания благосклонности со стороны людей, занимающих влиятельное положение. «Ученый не пользуется знанием ради денег. Преисполненное достоинства спокойствие ученого вызывает у людей желание учиться» (там же. С. 252). «Человек может заслужить любовь Бога, если он, будучи ученым, в то же время ведет себя так незаметно и скромно, как если бы был невежественным» (там же. С. 256).

Вслед за верой, знанием, благочестием идет действие. Мусульманская этика зиждется на неразрывном единстве знания, веры и действия. Мало верить, чтобы попасть в рай. Нужны еще добрые деяния. Знаменитый принцип Али: человек ценится по тому, что он знает или умеет делать. «Как воину бессмысленно тратить всю жизнь на экипировку, так и ученому — на накопление знания» (там же. С. 301). «Знание без действия — что лук без тетивы» (там же. С. 261). «Знание есть начало действия, а действие есть конец знания; начало без конца бесплодно, а конец без начала абсурден» (там же. С. 241—242).

Собственные деяния, например, раздача милостыни, обеспечивают божественную защиту, если это усваивается окружающими. Распространение знания, так же как действие, рассматривается как долг ученого (подобно тому, как долг каждого человека — учиться). В мусульманской литературе существует понятие адаба как воспитания, соединяющего в себе обучение основным представлениям всех наук плюс овладение кодексом поведения, основанным на соблюдении обычаев и благочестии. Прививаемые при таком образовании качества — скромность, стремление избегать дурного общества, способность к упорному труду, выносливость, бесстрашие, серьезность. Условия приобретения знания — пронизательный ум, избыток времени, способности, упорный труд, опытный учитель, желание. Среди требований, которым должен удовлетворять учитель, — благочестие, чувство собственного достоинства и другие, а среди обязанностей ученика особо подчеркивается подчинение авторитетам и соблюдение дисциплины. Плод такого образования: адиб — всесторонне образованный человек, в отличие от алима — человека, овладевшего знани-

ем в какой-либо одной области. Адиб мог заниматься государственными делами и создавать литературные произведения на любую заданную тему. Он был прообразом европейского творца эпохи Возрождения.

Как в христианстве, в исламе в дополнение ориентации на общепринятые нормы поведения было мистическое направление на индивидуальное Я и бесконечное внутреннее самосовершенствование. Мусульманских мудрецов-мистиков называли суфиями (от араб. «суф» — «шерстяной плащ»), и есть много общего между ними и христианскими мистиками. Внутреннее самосовершенствование признается в исламе бесконечным. «Нет, мне до цели не дойти, и, видно, нет конца пути» (Коран. 17: 46).

Этика суфиев предусматривает соблюдение основных заповедей ислама, но в более сильной степени: больше молитв и паломничеств (причем и в места, связанные с жизнью суфийских святых, что может рассматриваться как еретичество), пост вплоть до каждого второго дня. Что же касается налога в пользу бедных, то он отпадает, поскольку монахи-дервиши и суфии обрекают себя на добровольную нищету.

МУСУЛЬМАНСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

Ислам — это попытка соединения веры и разума, что подтверждают частые ссылки мусульманских авторов на греческую философию. В мусульманской философии было два направления: аристотелизм как попытка рационального объяснения истин Откровения (Аль-Фараби (870—950 гг.), Ибн-Сина (980—1037 гг.)) и суфизм как мистическое истолкование Корана (Аль-Газали (1058—1111 гг.), Ибн-Араби (1165—1240 гг.)). Арабы первыми осуществили синтез религии с философией Аристотеля, который затем продолжил Фома Аквинский. Таким образом, они внесли крупный вклад в мировую культуру и подготовили европейское Возрождение.

Аль-Фараби строил свое философское учение на основе соединения аристотелевской космологии с представлениями неоплатоников об эманации (истечении) божества как способа со-

творения мира. Он учил, что «интеллект — это не что иное, как опыт». Таким образом, в мусульманской философии уже содержались в зародыше представления о важности эмпирического познания, которые позже были развиты в философии Нового времени (особенно в английском эмпиризме). Согласно Аль-Фараби, разумная душа в человеке бессмертна и после смерти индивида она соединяется с бессмертным деятельным разумом. Предвосхищая эпоху Возрождения, арабские философы уделяли внимание проблеме идеального общественного устройства. В «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» Аль-Фараби сравнивает идеальное общество со здоровым телом, в котором все органы во взаимодействии друг с другом выполняют предназначенные им функции. Представление об обществе как организме затем получает всестороннюю разработку в эволюционизме (особенно у Г. Спенсера).

Арабские философы были также и выдающимися учеными, как, например Ибн-Сина, который был также знаменитым врачом. Этим арабская философия также предвосхитила европейскую философию Нового времени. Ибн-Сина пытался постичь идеальность мысли и связь мысли с материей, организмом и мозгом человека.

Суфизм возник как мистико-аскетическое течение в исламе в середине VIII в. на территории нынешнего Ирака и Сирии. Его относят к мистико-пантеистическим учениям, возникшим как протест против ортодоксального ислама. Цель — слиться с Богом путем внутреннего очищения и самосовершенствования. Каждый, по учению суфиев, содержит в себе божественную субстанцию. Существует несколько течений в суфизме: от поднимающих человека до уровня Бога до призывающих людей к непротивлению злу.

У суфиев было представление о «божественном свете», исходящем от Аллаха, который несет в себе часть души человека — «тайник сердца», обращенный к Богу. В суфийском учении есть и концепция предвечного договора, заключенного между Аллахом и людскими душами до их появления в материальном мире.

Присягнув в верности Аллаху, души, обретя телесную оболочку, забыли о договоре. Цель суфия — вернуться к своему предвечно-му состоянию путем внутреннего самосовершенствования.

Суфизм широко представлен в исламе не только потому, что мистицизм свойствен любой религии, но и в силу специфических причин, к которым следует отнести запрет на видимое изображение Бога. Бог как бы уходил из поля зрения людей, затрудняя его рациональное истолкование, и мистика приобретала исключительные права. В суфийской литературе есть притча об изучении слона в темноте. Дотронувшись до хобота, один человек решил, что слон похож на шланг. Второй ощупал ухо и пришел к выводу, что слон похож на опахало. Третьему попалась нога, и он уподобил слона живой колонне. Четвертый, положив руку на спину, решил, что слон — это трон. Все по-своему правы, но никто не смог адекватно оценить Единое. Так стоит ли быть непримиримыми друг к другу, когда изучается столь сложный объект?

В суфизме имеется представление о «стоянках» на «мистическом пути». В отличие от мистических состояний, которые даруются Богом помимо воли человека, достижение «стоянки» требует постоянного самосовершенствования, самоконтроля и неукоснительного соблюдения соответствующих правил и ограничений. Только полное выполнение требований предшествующей «стоянки» гарантирует обретение последующей, причем добродетели, обретенные на низшей «стоянке», сохраняются на более высокой. Первой «стоянкой» является раскаяние. Вслед за раскаянием идет осмотрительность и благочестие. Оно влечет воздержание и аскетизм. Затем идет бедность — «плащ благородства». Бедность предполагает терпение, а оно — упование на Аллаха. Упование некоторые суфии связывают с «гибелью души» (т.е. своего Я). За упованием идет удовлетворенность, под которой понимается отказ от собственной воли и спокойствие, даже ликование сердца при ощущении мистической близости к Богу, слияния к ним. «Стоянки» обретаются путем подвижничества, служения и благочестивых упражнений. «Состояние» же нисхо-

дит на сердца, но не длится долго. К «состояниям» относятся наблюдение, любовь, страх, надежда, успокоение и т.д.

У суфийской практики много общего с православным старчеством — беспрекословное подчинение учителю, правила внутреннего распорядка и т.п. Суфийские братства с их иерархической организацией и определенным уровнем дисциплины напоминают христианские монастыри. Но первые, в отличие от монашеских орденов на Западе, менее строго организованы и не имели централизованного управления.

Известный мусульманский мыслитель Ибн-Араби создал учение о «единстве бытия», включающее в себя суфийскую теософию, мусульманскую метафизику, неоплатонизм и другие компоненты. Оно основано на примате боговдохновенного интуитивного знания. Ибн-Араби считал, что душа, воплощаясь в объекты материального мира, подвергается искажениям «низкой природы» материального бытия, от мутности материальных элементов. Здесь объяснение жертв, к которым вынуждается культура в мире, и подмен, которые происходят, когда соответствующая отрасль культуры достигает материального господства.

Богословские вопросы решались и в произведениях искусства. Проблему закона ставит «Шах-наме»:

«Ты правый суд зовешь, но где же он?

Что — беззаконье, если смерть — закон?»

(*Фирдоуси*. А. Низами. Ш. Руставели. А. Навои. М., 1996. С. 15).

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В МУСУЛЬМАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Последовательность развития мусульманской культуры напоминает средневековую европейскую: сначала создается религия, а затем эпос, в котором присутствует религия, дорелигиозная мифология данного народа и частично подлинная история, которая еще не более важна, чем мифология и религия.

К наиболее прославленным поэтам мусульманского мира относятся А. Фирдоуси (ок. 940—1020/1030) — автор грандиозного эпоса «Шах-наме»; О. Хайям (ок. 1048—после 1122), бывший еще ма-

тематиком и философом; Низами (1141–1203) — автор знаменитой поэмы о любви «Лейли и Меджнун»; Саади (1203/1208–1292).

«Лейли и Меджнун» — одна из лучших поэм о любви в мировой культуре. Любовь Меджнуна и Лейли поднимается над чувственным желанием. Как писал позже А. Джами (1414–1492 гг.), «любви чистота, в коей жажды слияния нет». Это напоминает суфийскую любовь к Богу, которая, в свою очередь, близка к платонической любви.

Наиболее известный автор рубаи О. Хайям — последовательный критик ислама. Результат этого — безутешность и безнадежность, проглядывающая сквозь чашу с вином.

В поэзии Хайяма преобладает скептицизм.

«Приход наш и уход загадочны — их цели
Все мудрецы земли осмыслить не сумели.
Где круга этого начало, где конец,
Откуда мы пришли, куда уйдем отселе?»
(Классическая восточная поэзия. М., 1991. С. 166).

Слышны у Хайяма и буддистские мотивы:

«Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней» (там же. С. 169).

К этому выводу приходит тот, кто считает:

«Я душу получил на подержанье только
И возвращаю ее, когда настанет срок» (там же).

Саади почти повторяет Конфуция:

«Муж благородный радостей нигде
Не ищет, коль народ его в беде» (там же. С. 330).

А притчи Д. Руми (1207–1273 гг.) напоминают «Притчи Соломона». Непритязательные, но глубокие стихотворные рассказы о мудрости писал Джами, последний из славной плеяды мусульманских поэтов, который был и суфийским шейхом.

Мусульмане унаследовали от иудаизма запрет на изображение живых существ, и поэтому изобразительных искусств осо-

бое развитие в исламе получила орнаменталистика преимущественно растительного характера. Одной из форм орнамента была каллиграфия. Знаки и слова имели символическое религиозное значение. Слово «Аллах» обозначалось четырьмя вертикальными линиями, которые символически изображали буквы, входящие в данное слово. Два пересеченных квадрата образовывали восьмилучевую звезду — самый распространенный элемент мусульманской орнаментики. Треугольник изображал око Бога, пятиугольник символизировал пять заповедей ислама и т.п.

В VI в. сложился тип арабской мечети, напоминающий крепость с глухими стенами и квадратным или прямоугольным двором. Рядом воздвигался минарет — башня, с которой специальный служитель муэдзин призывал правоверных на молитву. Минарет мог быть квадратным или круглым. Замечательными примерами мусульманского зодчества являются мечеть «Купол скалы» в Иерусалиме, построенная на месте разрушенного римлянами храма царя Соломона в 687—691 гг.; мечеть Омейядов, построенная в Дамаске в 705—715 гг., перестроенная из христианской базилики Иоанна Крестителя, воздвигнутой на месте римского храма Юпитера Дамасского, основанием которого послужило святилище арамейского бога Хадада; мавзолей Тадж-Махал в Индии; крепость Алькасаба в Испании и др.

То, что в Коране не славил «нищих духом», дало возможность исламу овладеть духовными богатствами других народов. В отличие от христианства, которое завоевывало себе место под солнцем, борясь с высокоразвитой языческой культурой Рима, ислам полемизировал с христианством и не отрицал значения рациональных отраслей культуры.

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСЛАМА

Суннизм (от араб. «сунна» — обычай, переданный от предков) представляет собой ортодоксальное направление в исламе, последователи которого признают как Коран, так и Священное Предание, состоящее из рассказов (хадисов) о деяниях Мухаммада и его изречений. Сборники хадисов рассматриваются как

вторая после Корана вероучительная книга ислама. Большинство мусульман в Российской Федерации — последователи суннизма.

Высшим духовным лицом в суннитской ветви ислама, уполномоченным давать разъяснения по религиозным вопросам, является муфтий (от араб. «афти» — высказывать мнение).

Второе по числу приверженцев направление в исламе — шиизм (араб. «шиа» — партия). Шииты в отличие от суннитов верят в возможность перевоплощения душ, считая, что в телах имамов воплощена пророческая душа Мухаммада. Имам (от араб. «амма» — стоять впереди, руководить чем-либо, предводительствовать) — глава мусульманской общины. Это не сан и не профессия. Имам признается таковым, поскольку действительно осуществляет руководство молитвой. В первые годы ислама функции имама выполнял сам Мухаммад, а после его смерти — халифы. Халиф по суннитской версии является верховным имамом всех мусульман. Согласно шиитской доктрине верховная власть имама predetermined свыше, поэтому имам не может быть выборным, а власть главы мусульманской общины передается по наследству в роду Али. Власть шиитских имамов основывается на авторитете «семьи Пророка».

Шииты ждут второго пришествия по воле Аллаха исчезнувшего в IX в. двенадцатого по счету законного имама, который обеспечит торжество шиизма во всем мире и золотой век социального равенства и справедливости. Представления шиитов, что душа Мухаммада и его зятя Али переселяется в имамов, посылаемых на Землю, чтобы руководить духовной жизнью верующих, близки к буддистским.

Жизнь мусульман регулируется шариатом (араб. «законоположение») — сводом законов, составленных на основе Корана и сунны и содержащих нормы наследственного, уголовного, брачно-семейного права, предписания о хадже и джихаде, регламентацию молитв, поста и т.д.

Почетным званием у шиитов является аятолла (араб. «знамение Аллаха»). Этот термин стал широко применяться с 40-х годов XX в. по отношению к ученым-богословам, имеющим право выносить самостоятельное решение по важнейшим вопросам фикха (араб. — «глубокое понимание, знание») — исламской доктрины о правилах

поведения мусульман. Аятоллы не имеют рангов, их социальное положение и авторитет зависят от глубины знаний и могут быть выше, чем у светских правителей. Так, у населения Ирана огромным авторитетом пользовался аятолла Хомейни. И после исламской революции 1978 г., не занимая никаких официальных постов, он стал, по существу, единоличным правителем государства.

В отношении мусульман чаще всего приходится слышать о религиозном ренессансе и фундаментализме. Объясняется это до некоторой степени тем, что в исламе светская и религиозная власть, в отличие от христианства, нераздельны, поэтому светские правители по традиции осуществляют и религиозное руководство, а религиозные авторитеты претендуют и на управление государственными делами.

Исламская революция в Иране оказала большое влияние на мусульман всего мира. Это была, пожалуй, первая современная революция под религиозным флагом в мире, в котором значение религии вроде бы уменьшалось. Усилению влияния ислама, да и религии в целом способствовал кризис всех современных идеологий — коммунистической, националистической, капиталистической. Мусульманский ренессанс в России и странах СНГ непосредственно связан с распадом СССР и обострением противоречий между вновь образованными государствами, исповедующими разные религии (например, Азербайджаном и Арменией). К обострению межрелигиозных отношений в Российской Федерации привела война в Чечне.

Особенно часто при разговорах о мусульманском фундаментализме вспоминают ваххабитов, сторонников религиозно-политического движения в суннитском исламе, возникшего в Аравии в середине XVIII в. Ваххабиты проповедуют очищение ислама от позднейших наслоений, в том числе культа святых. В общественно-политической сфере ваххабиты проповедуют социальную гармонию и единство мусульман, выступают за строгое соблюдение моральных принципов ислама, осуждают роскошь, стяжательство, а также важное место отводят идее джихада. Для части ваххабитов действительно характерны религиозный фанатизм и политический экстремизм.

Если мы посмотрим на ситуацию в мире в целом в связи с процессами глобализации, то здесь можно отметить обострившиеся отношения между единственной ныне сверхдержавой — США и мусульманским миром, который располагает громадными запасами важнейшего природного ресурса цивилизации — нефти. Именно на мусульман падают основные обвинения в терроризме после взрыва двух зданий в торговом центре Нью-Йорка, а некоторые мусульманские деятели оправдывают эти обвинения призывами к священной войне против неверных под знаменем Аллаха. Все это напрямую мало связано с исламом, как и с религией вообще, поскольку любая религия в принципе имеет миротворческую, а не агрессивную основу и больше думает о вечном и бесконечном, чем о преходящем и земном. Это так же относится к исламу, как к буддизму и христианству.

Вопросы для повторения

- Каково происхождение ислама?
- Каковы его основные особенности?
- Расскажите о Коране.
- Как связан Коран с Библией?
- Как связан ислам с христианством?
- Какова этика ислама?
- Каково значение знания в исламе?
- Каковы основные направления мусульманской философии?
- Что такое суфизм?
- Какие виды искусства развивались в мусульманской культуре?
- Что такое «Шах-наме»? Каких мусульманских поэтов вы знаете?
- Что такое арабские цифры?
- Каковы научные знания мусульманской культуры?
- Каково значение мусульманской культуры в целом?

Литература

1. Коран.
2. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М.: Наука, 1991.
3. *Роузентал Ф.* Торжество знания. М.: Наука, 1978.
4. Ислам. Энциклопедический словарь / Редкол.: Г.В. Милославский и др. М.: Наука, 1991.
5. Суфии: Восхождение к истине / Сост. Л. Яковлев. М.: Эксмо, 2003.

Глава 13

Значение религии и тенденции ее развития

ФУНКЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИИ

Объединяют все религии функции, которые они выполняют в обществе. Вопрос о функциях — это вопрос о том, что дает религия, зачем она нужна человеку, грубо говоря, какая польза от религиозной веры. Человек должен воспринимать лучшее, что существует в окружающей его жизни, в том числе и религию. Конечно, и в религии не все однозначно, но и из религии надо брать лучшее.

Первая из функций, которую рассмотрим, заключается в том, что религия дает ответ на вопрос: каково происхождение и устройство мира. Это ее **онтологическая функция**. Религия подчеркивает значение творчества и Творца, а также значение законов природы, которые установил Бог. Ведь это в примитивных религиях Бог вынужден создавать все, например, лепить из глины каждого рождающегося человека. В развитых религиях Бог совершает акт творения только качественно нового, а воспроизводство идет по создаваемым им законам. Понимание наличия этих сотворенных Богом законов лежало в основе развития науки. В мире есть чудо, потому что есть Бог Творец, творящий по собственному произволу, но в мире есть и законы, которые может познать человек. Онтологическое значение религии переходило в **гносеологическое** значение. Недаром ученый Сваммердам писал: «Я докажу вам существование божественного провидения, анатомируя вошь». В то же время ученые понимали, что Бог непосредственно не открывается в изучаемых ими явлениях и законы природы действуют сами по себе.

Религия ориентирует на то, что человек способен познать мир, потому что создан по образу и подобию Творца. Эта вера вдохновляла на познание природы, и посредством познания люди уподоблялись Богу, что особенно подчеркивалось в эпоху Возрождения. Вдохновленный Богом человек становится пророком,

и таковым был и поэт, и ученый. Христианство оказало большое влияние на становление науки в западном мире, а ислам всегда подчеркивал значение знания.

Вера в широком смысле слова как вера в мир вокруг нас лежит не только в основе религии, но и науки. Без веры в объективный мир познание лишилось бы творческой основы. Это хорошо показано Б. Расселом в книге «Человеческое познание. Его сфера и границы». Таким образом, вера и познание составляют единое целое. Как ни странно это покажется, именно философия в своем развитии дала место вере и привела тем самым религию на высшую ступень пьедестала духовной культуры. Это сделала античная философия, но ее результаты подтвердил и Кант в Новое время, а позже Б. Рассел.

Выделяя **антропологическую** функцию религии, следует сказать, что и онтологическая, и гносеологическая функции, конечно же, имеют отношение к человеку, но в данном случае речь идет о значении религии для обычной жизни человека. Люди слишком поглощены бытом и мало думают об отдаленном будущем. Религия обращает их взор к вечному, тяга к которому живет в их сердце. Тем самым религия обращает человека к нетленному в нем самом. Она находит формы для выражения вечного и сообщает их людям. Конечно, самой религии грозит искушение проходящим, и, чтобы быть полезной людям, она не должна поддаваться этому, оставаясь символом вечности.

Религия утверждает, что земное существование не случайно и не бесцельно. Формируя свой дух на путях жизни, человек готовит его к вечности. Каждый призван на Земле «собирать себе небесные сокровища» (евангельские слова). В результате развивается и спасается душа. Итак, религия помогает понять смысл и перспективу человеческой жизни. Это ее **смыслообразующая** функция. «Древо жизни» бессмертно, и человек должен приобщиться к нему. Как? Очевидно не как Адам и Ева, а как-то иначе. По словам А. Меня, «эволюция биосферы — это побег от смерти, история же человека — это путь к воскресению и одухотворению материи» (*Мень А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В 7 т. М., 1991. Т. 1. С. 130*). Воскресение из факта одной

религии поднимается до универсального символа. Дух как способ победы над смертью есть путь к осуществлению этого самого сильного желания человека. Сейчас это невозможно для смертного человека, но может быть в перспективе.

Религия имеет значение для повседневного быта человека. Назовем эту функцию **прагматической**. Она поддерживает его во все моменты жизни — в делах и в болезнях, в решении сложных проблем и в организации его досуга. Говоря о прагматической функции религии, нельзя не коснуться так называемого прагматического аргумента в пользу веры, сформулированного американским философом Уильямом Джемсом (1842—1910). Если вера окажется ложной, то я ничего не теряю и не окажусь в худшем положении, чем неверующий; но если она окажется истинной, я обеспечу себе спасение и вечную жизнь. Не стоит терять единственный шанс, и, значит, есть резон верить в Бога. Прагматический аргумент веры, конечно, тоже способен оказать влияние, и все же он не может быть главным. Вера рождается не из меркантильных соображений, а прежде всего на основе искреннего чувства.

Религия имеет и важное **психологическое** значение для преодоления страха смерти. Отталкиваясь от замечания У. Джемса, что зло может пониматься как жертвоприношение, можно сказать, что, осознавая значение жертвы в культуре (и прежде всего в религии), мы с помощью религии справляемся со страхами, преследующими человека, и особенно со страхом смерти, проистекающим из ее осознания, и не только в том смысле, что верим в загробное существование, но и потому, что осознаем смерть как необходимое в цепи других для жизни в этом мире жертвоприношение, которое имеет место не только в случае, когда человека распинают, но и когда он умирает в собственной постели.

Велико **этическое** значение религии. Моральные представления, начиная с древности, были заключены в мистическую, мифологическую и религиозную форму (например, 10 заповедей). Религия выполняет важную нравственную миссию: учит почитать родителей, любить и прощать, раскаиваться в своих грехах, не зазнаваться и т.п. В религии в наиболее сильной форме представлена идея жертвоприношения. Если она связывается с мора-

лью (скажем, через восприятие зла как жертвоприношения), то тем самым связываются религия и мораль. Но религия, в отличие от морали, принимает зло как данность, а не просто клеймит его; не пропагандирует зло, а ограничивает его при внутреннем неприятии. Конечно, Иисус Христос выгнал торговцев из храма, но он же добровольно взошел на Голгофу и не обвинял с креста распявших его и молчаливо взиравший народ.

В религии Бог становится моральным примером для человека, высшей нравственной идеей, облекшейся в плоть и кровь. Но религия может и расходиться с обыденными правилами и ожиданиями, поскольку имеет примат над человеческим пониманием добра и зла. Мораль, а тем более этика не тождественны религии. Моральные максимы являются одной из сторон религии, а этические представления (особенно в наше время) не обязательно присутствуют в религиозной форме, но также в философской, научной, идеологической. Говоря о соотношении религии и морали О. Пфлейдерер пишет, что «богослужение совершается двояко: богослужение в узком смысле слова — это культ, непосредственное общение с Богом; в широком смысле слова — это соответствующее Божественной воле нравственное поведение в мире» (Мистика. Религия. Наука... С. 125). Конечно, это не всегда и не у всех людей соединяется вместе. Можно соблюдать все обряды и вести себя безнравственно, а можно, наоборот, поступать нравственно, не соблюдая требований культа. В целом религия укрепляет веру в конечное торжество справедливости, т.е. помогает реализации этой сущностной потребности человека.

В лице церкви как социального института религия играет важную **социально-консолидирующую** роль. Религия имеет такое же социальное значение в жизни современных мировых цивилизаций, какое мифология имела для становления ранних цивилизаций. Т. Гоббс называл религию необходимым и подходящим политическим инструментом. Основная функция религии, по Б. Малиновскому, состоит в соблюдении традиций, которые сами освящаются ею (там же. С. 378). По Э. Дюркгейму, важнейшей задачей религии является «позитивное поддержание нормального течения жизни» (там же. С. 207).

Имея в виду влияние религии на индивидуальную и общественную жизнь, Вольтер со свойственной ему афористичностью провозгласил: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать», а русский анархист Бакунин со своих позиций преобразовал данное высказывание следующим образом: «Если бы Бог был, его следовало бы упразднить». Основоположник политологии А. Токвиль считал, что людей в государстве скрепляют две силы — патриотизм и религия. Правда, в XX в. религию в этой ее функции потеснила идеология, но, как показывает опыт (и, в частности, опыт СССР), одной идеологии для этого далеко не достаточно.

В религии культура достигает своего высшего духовного развития, почему порой и отождествляется не совсем справедливо (хотя основания для этого есть) с духовностью. «Она превращает несовершенное земное создание во что-то целостное, она возвышает нас к вечности, вырывая из страданий и борьбы бытия, подчиненного времени» (там же. С. 134). В последующих отраслях культуры — науке и идеологии — происходит спад духовности. Те, кто этого не хочет, остаются с религией. Обеспечивая высшую степень духовности своим последователям, религия выполняет тем самым **эволюционную** функцию, поскольку духовное направление представляет собой один из путей эволюции человека как вида.

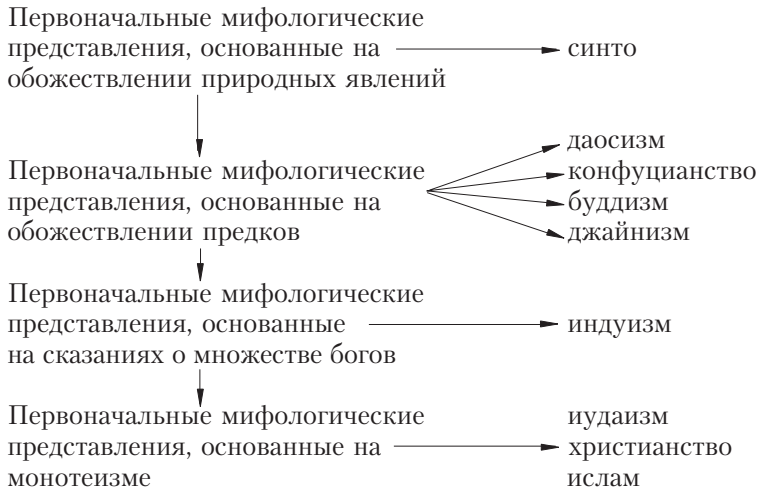
В XIX в. основатель позитивизма французский философ О. Конт (1798—1875) высказал мысль, что человеческое мышление прошло в своем развитии три этапа. Сначала оно было религиозным (теологическим) и объясняло все происходящее действием богов. Потом оно стало философским (метафизическим) и выводило все из умопостигаемых идей и сущностей. В последовавшее за эпохой Возрождения Новое время мышление стало научным (позитивным), и оно делает выводы на основе эмпирической проверки теоретических построений, открывая законы природы.

Такое представление было в XIX в. очень популярным, и оно развивалось в двух направлениях. С одной стороны, основатель коммунистической идеологии К. Маркс (1818—1883) выдвинул тезис о том, что цель религии отвлечь трудящихся классового общества от борьбы за свои права. С другой стороны, против религии выдвигается обвинение, что, защищая слабых, она препят-

ствуует эволюции, в которой выживают сильнейшие (Ф. Ницше). Было провозглашено, что «Бог умер», а большевики после революции 1917 г. в России пытались это осуществить на деле, закрывая храмы и репрессировав священнослужителей. Эта чудовищная попытка избавиться от религии оказалась тщетной. В XX в. мысли об эволюции человеческого мышления были скорректированы К. Ясперсом в том смысле, что религиозное, философское и научное отношение к действительности не сменяют друг друга, а сосуществуют. Роль религии не изменяется в течение значительного промежутка времени, и нет оснований считать, что она уменьшится в обозримом будущем. Это свидетельствует о том, что религия выполняет важные социальные функции. Причина, приведшая к возникновению религии как отрасли духовной культуры и социального института, о которой говорилось в первой главе, остается поныне, а стало быть, религия сохраняет свое значение.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕЛИГИЯХ

У каждой религии имеются свои особенности генезиса в зависимости от условий их возникновения. Это видно из схемы генезиса религий, представленной ниже.

Общей является направленность развития религии: от олицетворения сил и явлений природы до их представления в виде множества богов (например, в ведизме Агни — бог огня, Индра — грозы и дождя, Сурья — Солнца, Варуна — неба, Сома — Луны и опьяняющего напитка, Вритра — засухи), затем до представления о едином верховном божестве (Брахма — в брахманизме, Яхве — в иудаизме) и до обожествления человека (Лао-цзы и Конфуция в Китае, Будды и Джинны в Индии, соединение божественного с человеческим в образе Христа).

В Коране говорится о том, что Бог использует катастрофы для того, чтобы погубить отошедшее от его заветов человечество. Но можно сказать, что Бог использует и эволюцию для развития человека. Не только человек появился в результате эволюции (творение в шесть дней тоже эволюция), но и духовная культура и сама религия появились в результате эволюции, и религия до сих пор остается высшей духовной вершиной человечества. Религия представляет собой развитие духовной сферы, можно сказать, ее рационализацию, имея в виду общую тенденцию рационализации, присущую развитию человека и вообще живого на Земле.

Все религии учат смирению и в этом похожи. Смирение заставляет человека понять ограниченность своих возможностей в океане Бесконечного. Но к иным обстоятельствам религии относятся по-разному. Для буддизма страдание — зло, для христианства — испытание, для ислама — наказание.

Три разных подхода к высшему у трех мировых религий: отрицание богов в самой древней — буддизме, признание Бога невидимым и неизобразимым в самой молодой — исламе и представление о вочеловечившемся Боге — в христианстве. Но все три подхода объединяются способностью верить и стремлением постигнуть Бесконечное.

Подход к текстам также различен. При жизни Будды запись его деяний не велась, тогда как Коран написан самим основателем ислама (по его словам, наговорен ему архангелом Гавриилом), а жизнь Христа описана его учениками.

По образному выражению Д.Л. Андреева, религии — это отдельные лепестки единой «Розы мира».

Религия как социальный институт приспосабливается к обычаям народов, среди которых распространяется. Человек индивидуален, и по большому счету каждый вправе включать в свои религиозные представления личностные мотивы. То есть религиозные убеждения не только общи, но и индивидуальны. «Господствовать религия может только в том смысле, что она, в качестве центра человеческой душевной жизни, будучи тесно переплетенной с личностью ее носителя, дает всем другим проявлениям его духа направление и освящение, но этим как раз не только не осуждает и не парализует постоянного развития всего истинно человеческого, но способствует ему» (Классики мирового религиоведения... С. 167).

Это способствует эволюции религии, которая развивается, как и все на Земле. Человеческая природа не идеальна, и религиозные догмы и объединения не индивидуальны. В религии, как во всех социальных институтах, всегда будет присутствовать противоречие между идеальным, божественным, вечным и несовершенным, человеческим, временным. Иначе не было бы социального развития.

Церковная мораль — это усредненная мораль, которая не может намного превосходить средний уровень морали в обществе, поскольку церковь не может оторваться от своей паствы. Но отдельные индивидуумы могут подниматься на самые высокие уровни нравственности, переходя от этики справедливости к этике милосердия. Если в обществе появляются группы людей, недовольных моральной составляющей церковной практики, то они могут пойти за человеком, находящимся на более высоком нравственном уровне. Так образуются секты и новые конфессии, как было с протестантизмом.

К. Тиле предостерегает от отождествления религии и церкви. «...если исходят из того, что церковь — это и есть религия и вне моей церкви нет святых, тогда появляются клерикализм, нетерпимость, религиозная ненависть и война за веру — характерные симптомы того, что религиозная жизнь больна» (там же. С. 189). Для религиозного человека важно понятие благочестия как ува-

жения к Высшему. «...высшим выражением благочестия является любовь, т.е. стремление к проникновеннейшему духовному соединению с Богом... В этом настроении, в этой набожности, которая есть состояние духа, по праву усматривали сущность религии... Религия как оболочка необходима только для ядра, а религиозность как раз и является ядром, в котором пребывает существеннейшее в религии... По отношению к этой внутренней религиозной жизни вероучение есть ее описание; культ, т.е. исповедание посредством слова и дела, есть ее раскрытие; церковь — ее организация» (там же. С. 191, 192).

В современном религиозном движении можно выделить два во многом противоположных направления — фундаментализм и модернизм. В то время как фундаментализм подчеркивает необходимость следования основам (фундаменту) данной религии, модернизм озабочен приспособлением религии к реалиям современного мира. Фундаментализм подчеркивает уникальность данной религии и ее высшую ценность по отношению к другим. Всем известно словосочетание «исламский фундаментализм». Воинственность ислама М. Вебер объяснял тем, что ислам обращался прежде всего к воинам. Но слово «фундаментализм» можно отнести ко всем религиям, так же как и слово «модернизм». Последний в отличие от фундаментализма более нацелен на взаимодействие религий и связь с современными социальными проблемами. Сюда относится и экуменическая деятельность, и современные дискуссии в рамках всех мировых религий, например, дискуссии в католичестве относительно разрешения возводить в сан священника женщин, отказа от обета безбрачия для священнослужителя и т.п. Надо иметь в виду, что церковь остается на сегодняшний день одним из самых консервативных социальных институтов.

К тенденции модернизации относится и создание новых религий. Общее число возникших в XIX—XX вв. новых религий можно определить в несколько сотен, от ставших широко известными «Аум Сенрикё» и «Белое братство» до известных только в местах их возникновения. Обычно в центре новой религии стоят

«откровение» ее создателя и описание его жизненного пути. Основателя новой религии в большинстве случаев почитают как святого и даже обожествляют. Многим новым религиям присущи апокалиптический и хилиастический характер и критика действительности.

В качестве примера рассмотрим религию Бахаи, отпочковавшуюся от шиитского ислама. Ее предтеча Баба (буквально «врата») (1819—1850) объявил себя исчезнувшим двенадцатым имамом Махди, который, как верили шииты, вернется на Землю тогда, когда несправедливость между людьми переполнит чашу терпения, чтобы основать тысячелетнее царство мира. Баба как еретик и предатель ислама был казнен, а жестокие преследования его сторонников и последователей только укрепили новое религиозное движение. Основателем религии Бахаи стал Мирза Хусейн Али (1817—1892), прозванный Баха Улла — «Блеск Божий» (по этому имени и получила название религия).

Хотя бахаизм возник в мусульманском мире, он по своему вероучению приблизился к христианству и представляет собой, как большинство новых религий, синтетическое направление. Бахаизм строго монотеистичен. Бог непознаваем, он создает все посредством эманации, как пишущий создает текст, ничего не теряя из своей целостности. По сравнению с бытием Бога бытие его творений — Ничто. Бахаизм воспринял эволюционные идеи. Он утверждает, что новые религии возникают тогда, когда человечество достигает состояния деградации, и задача их в том, чтобы принести людям новое знание. Таким образом обеспечивается духовное развитие человечества. Все религиозные истины зависимы от времени, от исторической эпохи, однако вместе они образуют мистическое единство. Главное зло, от которого страдает человечество, по утверждению Баха Улла, отсутствие единства — единого мирового государства, законодательства, письменности, цивилизации. Таким образом, Бахаи — это эволюционная и универсальная религия. В грядущем мировом сообществе религия и наука, по утверждению бахаистов, будут развиваться в гармонии друг с другом.

В бахаизме отсутствуют священники, а наиболее важные решения принимаются большинством голосов. Молитвенные дома называются «домами благоговения». Имеется и универсальный «дом справедливости» в г. Хайфе. Слияние человека с Богом носит название «мистического союза». Бахаизм предлагает объединение всех религий. Считая христианство «религией любви», иудаизм «религией справедливости», ислам «религией самоотдачи», буддизм «религией освобождения», зороастризм «религией чистоты», бахаи претендует на синтез религий и называет себя «религией единения». Последователей бахаизма около 6 млн (40% живут в Индии, 20% — на африканском континенте, 5% — в западных странах).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИИ И ЕЕ БУДУЩЕЕ

Прослеживая эволюцию религии, видим в ней усиление этического момента. Он стоит у истоков религии, отличая ее от мистики и в меньшей степени от мифологии, в которой присутствует, но не всегда так четко и однозначно, как в религии. Этический момент становится более заметным в мировых религиях. Усиление его по отношению к обрядовому прослеживается и в динамике развития самих мировых религий. Это соответствует общей тенденции эволюции морали в обществе как процессе, коррелирующем с ростом материальных возможностей человека, в противовес становящейся все более могущественной технике уничтожения. Религия — это путь от мистики и мифологии к морали, синтез мистики, мифологии и морали.

Вторая тенденция — тенденция укрупнения религий, она является одним из выражений общей тенденции к укрупнению форм социальной жизни. Данная тенденция проявилась уже в процессе формирования мировых религий и в дальнейшем переходит в стадию становления единой глобальной религии. В результате социальной интеграции происходило увеличение количества богов и создание политеистических систем, которое затем, когда богов стало очень много и их отношения запутанными, привело к замене политеистических религий монотеистическими.

Сами политеистические религии, развиваясь и усложняясь, готовили почву для замены их новыми, более интегральными религиями (греческой мифологии — христианством и т.п.). По К. Тиле, монотеистические религии являются высшей формой религии, этическими религиями в отличие от естественных, и их монотеизм вытекает из их этико-индивидуалистического характера.

В эпоху информационного взрыва, когда любые учения проникают во все точки земного шара с помощью Интернета практически мгновенно, возникают новые направления, которые порой основываются на том или ином синтезе существующих религий. Синтетические направления появляются зачастую на периферии главных религий: не на Западе, не в Индии и Китае, не в России и Израиле, а, скажем, в Корее, где возникла Церковь объединения Муна. Это один из ростков, который может развиться или исчезнуть, чтобы появилось нечто более крепкое и жизнестойкое.

К числу новых направлений можно отнести такие, которые пытаются синтезировать достижения религии, философии и науки. Сюда относится концепция ноосферы Тейяра де Шардена, в которой постулируется образование некой духовной сферы и ее сгущение в единую точку Омега. Сюда же относится теософия, соединяющая древние мифические представления с современными эволюционными взглядами. Вариантом теософии является антропософия Р. Штайнера, которая была необычно модной в начале прошлого века. Ныне очень популярны книги Кастанеды и других современных писателей мистического толка. В задачу данного учебного пособия не входит подробное рассмотрение этих направлений; скажем только, что развитие нетрадиционных подходов продолжается донныне и, очевидно, будет продолжаться дальше.

Тенденция глобализации социальной жизни и культуры объективно ведет к созданию единой мировой религии, хотя научные прогнозы здесь мало что могут дать. В основе ее, возможно, будет христианство, синтезированное с исламом и взявшее из

индийских религий представление о карме (причем окончательное возмездие за грехи можно отдалять до Страшного суда). Второе русло, по которому идет движение к объединению религий, — экуменизм, который становится все более широким.

Наконец, третья тенденция — это тенденция рационализации. Эволюция христианства особенно хорошо показывает, как нарастает в религии рациональный момент. Появляется протестантизм, и в нем происходит отказ от мистических и мифологических компонентов, хотя, казалось бы, можно было просто отказаться от индульгенций и инквизиции.

За 1500 лет тенденция рационализации сделала свое, и появилось большое количество людей, скептически относящихся к мистике и мифологии. Для них это в лучшем случае полезные символы, но они уже не могут воспринимать их буквально.

Мировыми религиями становятся такие системы, которые взяв все рациональные выводы из мифологических воззрений, не основе которых они возникли, освободились от самих мифологических образов, которые составили основу этих воззрений. Далее. Мировые религии обращались не к отдельным народам и слоям общества, а ко всем людям. В результате религии смогли стать мировыми и сделать религию ведущей отраслью культуры.

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИИ С ДРУГИМИ ОТРАСЛЯМИ КУЛЬТУРЫ

Все отрасли культуры имеют свою специфику и в то же время в определенных отношениях сходны друг с другом. Религия не составляет исключения. О сходстве и отличии религии от мистики и мифологии мы говорили в двух первых главах. В этом параграфе поговорим о сходстве и отличиях между религией, с одной стороны, и философией и наукой — с другой, хотя кое-что об этом было сказано выше.

И философия, и религия пытаются каждая по-своему приоткрыть завесу над Бесконечным, разгадать тайну жизни и смерти. По Гегелю, «философия и религия имеют своим предметом *истину*, и именно истину в высшем смысле этого слова, — в том

смысле, что *Бог и только он один, есть истина*» (Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1975. Т. 1. С. 84). Жажда вечной жизни стимулирует познание и ведет к обнаружению истины. «Философия не есть мирская премудрость, не познание *немирского*; не познание внешней массы, эмпирического наличного бытия и жизни, а познание того, что вечно, что есть Бог и что связано с его природой» (там же. С. 219). Любопытно это определение философии как познания немирского сравнить с фрагментом «Нового Завета»: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Коринфянам 2: 6–7).

Смерть — тайна из тайн. Как родовому существу человеку противостоит природа (все люди объединяются для борьбы с ней), как социальному существу — общество (группы людей противостоят друг другу), и, наконец, как индивиду, человеку противостоит смерть (каждый встречает ее один на один). Люди делятся на верующих в вечность своего Я, неверующих и сомневающихся. Различные философские системы вращаются вокруг этих вопросов. История философии — это совокупность аргументов за и против бессмертия.

Нет никаких эмпирических данных о смерти. Обыватель убивает время, чтобы забыть об ужасе смерти, и мало у кого хватает мужества заглянуть в глаза страшной неизвестности. От боязни смерти не избавиться ни запрещением, ни привычкой думать о ней. Единственный способ — подняться над ней духом не только в волевом (заставлять думать или не думать — успеху этого препятствует бессознательное), но и в содержательном плане. К этому ведут философия и религия.

Большинство философских работ относится к «философии смерти». Бердяев писал: «Я отношу к философам-мистикам не только Плотина, но и Платона, не только Якова Бема, не только Шеллинга или Баадера, но и Гегеля и Шопенгауэра» (Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.

С. XIII). Везде, где есть разговоры о вневещественных реальностях, имеем дело с «философией смерти», психологической основой которой является потребность в бессмертии, а не тяга к знаниям, точно так же, как алхимиков жажда обогащения, а не знания, заставляла искать философский камень; как и астрологами руководило желание узнать будущее. Наука древних, ориентированная на познание сущности мира, исходила преимущественно из потребностей загробной жизни. Современная наука, ориентированная на технический прогресс, определяется потребностями посюсторонней жизни. В целостной культуре обе цели соединяются.

В той мере, в которой философия обращается к проблеме бессмертия, она религиозна. Порой возникновение и развитие философии и религии объясняют «абсурдом существования», который привел к центральной проблеме религии и философии, — эсхатологии.

От религии философия отличается тем, что сомнение в ней перманентно, хотя в философию идут для того, чтобы обрести твердую почву под ногами. Декарта обвинили в том, что, начав с сомнения во всех основаниях, он пришел к созданию системы на основаниях столь же сомнительных. Философия начинается с сомнения в чужих положениях и приходит к концепции, основанной на индивидуальном духе. Теологические системы Августина и Фомы Аквинского занимают промежуточное место между философией и религией, поскольку они индивидуальны, но покоятся на внешнем авторитете.

Человек начинает философствовать, когда у него закрадываются сомнения в смысле жизни, но отыскать его он во что бы то ни стало хочет. Однако если он заставит себя поверить в какой-либо вариант, то из философии перейдет в религию. Если же он вообще не интересуется смыслом жизни, то никогда не дойдет до философии.

Люди с большим запасом телесной энергии склонны к «философии жизни». Главный психологический корень «философии смерти» — потребность в вере в вечную жизнь. Сторонники это-

го направления имеют меньше телесной энергии, но больше силы духа. В философском мистицизме велик момент веры, что сближает его с религией.

Между философией и религией то общее, что философские истины столь же интуитивны, как догматы веры, но первые рационально обоснованы, вторые — нет. Философ обязан обосновать с логической непротиворечивостью (но не доказать — это невозможно) то, во что он верит и подкрепить разумом веру.

Арджуна еще спрашивает у Кришны: «Ты должен мне ясно ответить: что лучше?» Будда уже достигает просветления сам, но его способ не рационален. Ясперс критикует теологию за инертность и пренебрежение доводами «чистого» разума. Но если философия все трансцендентное расценивает как шифр (именно так поступает экзистенциализм), тем самым она противопоставляет себя вере и вместо утешения дает понять, что понять бытие нельзя.

«У философа должно быть «око», которое зрит божественное», — писал М. Штирнер (*Штирнер М.* Единственный и его собственность. СПб., 1868. С. 291). Бог для философии не менее важен, чем для религии, хотя часто он выполняет функцию понятия о мыслительных сущностях, первостепенную для философии. Философский бог не тождествен религиозному, и его присутствие не гарантирует, что мы имеем дело с философией религии. Бог религии не только мыслительная сущность, но еще и личностен. Он менее рационален, чем философский, но верующим ближе и понятней.

Связь между философскими и религиозными представлениями прослеживается четко и совсем не удивительно, что именно в греческом политеизме сформировалась философия Платона с его царством идей, а в монотеистической христианской Европе, два с лишним тысячелетия спустя, появился Гегель с единой Абсолютной Идеей.

И в философии, и в религии присутствуют рассуждения о Боге. Но «в споре нет смиренномудрия», говорили оптинские старцы. А философия не обходится без спора. Оружие религии — молитва, философии — логичный аргумент.

Стремление философа к истине ненасытаемо, потому что он не знает, «попал в цель» или нет. Если он уверен, что истина у него в руках, он становится верующим. Если уверен, что ничего найти нельзя, погружается в материальную действительность. Религия обращается ко всем людям, но несет одну истину как единственно верную. Философия не претендует на истинность какой-либо одной системы. Она конструирует пригодные для всех духовные дома, которые хотя и связаны с традициями определенной культуры, но в принципе универсальны. Она преимущественно спрашивает, и удачные вопросы и ответы входят в сокровищницу человеческой мудрости. Религия и идеология дают ответы соответственно для той и этой жизни.

Остановимся теперь на соотношении науки и религии, тем более что существуют различные точки зрения по данной проблеме. В атеистической литературе пропагандировалось мнение, что научное знание и религиозная вера несовместимы и каждое новое знание уменьшает область веры, вплоть до утверждений, что поскольку космонавты не увидели Бога, то стало быть его нет.

Водораздел между наукой и религией проходит в соответствии с соотношением в этих отраслях культуры разума и веры. В науке преобладает рациональность, но и в ней имеет место вера, без которой познание невозможно, — вера в чувственную реальность, которая дается человеку в ощущениях, вера в познавательные возможности разума и в способность научного знания отражать действительность. Без такой веры ученому трудно было бы приступить к научному исследованию. Наука не исключительно рациональна, в ней есть место и интуиции, особенно на стадии формулирования гипотез. С другой стороны, и разум, особенно в теологических исследованиях, привлекался для обоснования веры, и далеко не все церковные деятели соглашались со словами: «верую, потому что абсурдно».

Итак, области разума и веры не разделены абсолютной преградой. Наука может сосуществовать с религией, поскольку внимание этих отраслей культуры устремлено на разные вещи: в науке — на эмпирическую реальность, в религии — преимущественно

но на внечувственное. Научная картина мира, ограничиваясь сферой опыта, не имеет прямого отношения к религиозным откровениям, и ученый может быть как атеистом, так и верующим. Другое дело, что в истории культуры известны случаи резких конфронтаций между наукой и религией, особенно в те времена, когда наука обретала свою независимость, скажем, во времена создания гелиоцентрической модели строения мира Коперником. Но так не обязательно должно быть всегда.

«То, что в традиционных религиозных представлениях противоречит результатам научного познания, не может считаться объективной истиной, поскольку в противном случае это привело бы к внутреннему противоречию разума и означало бы отрицание единства Бога, который является единственной основой любой истины. На протяжении своей истории она уже неоднократно делала это, но, как правило, неохотно и с опозданием. Но в каждом из этих случаев в конце концов выяснялось, что религия от этих уступок не теряла ничего из того, что имеет действительную ценность, но даже выигрывала, облагораживаясь и становясь духовно глубже» (Мистика. Религия. Наука... С. 146). В то же время «наука, стремящаяся разрушить религию, на самом деле служила и будет служить ей ценнейшей подмогой. Но это возможно только в том случае, если религия откажется от попыток контролировать науку, предоставит свободу исследований и признает ее служительницей истины, а следовательно, и Бога» (там же. С. 147). «Истинная наука, работающая по правильному методу и правильно осознающая свои границы, не угрожает религии; искусство, которое действительно жаждет прекрасного и стремится его осуществить, не осквернит религию» (Классики мирового религиоведения... С. 196).

Существует еще и область суеверий, которая не имеет отношения ни к религиозной вере, ни к науке, а связана с остатками мистических и мифологических представлений, а также с различными сектантскими ответвлениями от официальной религии и бытовыми предрассудками. Суеверия, как правило, далеки и от подлинной веры, и от рационального знания.

На состоявшемся в 2003 г. саммите организации «Исламская конференция» премьер-министр Малайзии М. Мохаммад сказал: «Нам предписано читать и стремиться к знаниям. Ранние мусульмане поняли это правильно и принялись штудировать древних греков, дополняя их учения собственными открытиями. В результате они дали миру великих математиков, физиков и астрономов, превзойдя остальные народы своего времени по знаниям. Поэтому они смогли преумножить свои богатства, построить передовые армии, защитить свой народ и дать ему предписанный исламом собственный путь жизни... Но потом пришли новые интерпретаторы ислама, которые принялись понимать под наукой лишь исламскую теологию. Все остальное отвергалось. И начался регресс... Наша религия учит нас готовности защищать свой народ... Для обороны нам нужны автоматы и ракеты, бомбы и военные самолеты, танки и боевые корабли. Но из-за собственного отвержения науки мы сегодня не имеем возможности производить все это оружие». Эти слова справедливы не только для ислама и не только в отношении материальной техники. Религия и наука дают человеку духовное оружие в позитивном смысле этого слова, оружие созидания, и в этом качестве они должны действовать сообща.

ВЕРА КАК УСЛОВИЕ И СЛЕДСТВИЕ ОБРЕТЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЦЕЛОСТНОСТИ

Важный вопрос, который возникает в связи с изучением религиоведения, — вопрос о том, как оно соотносится с верой, которая может не быть результатом всестороннего знания. Помогает ли оно вере или, наоборот, препятствует? Выскажем предположение, что изучение истории религии расширяет основания веры и служит еще одним ее источником.

Для того чтобы что-то делать добротнo, человек должен верить в то, что все это не напрасно и имеет непреходящее значение. Безверие мешает настоящему делу. Напротив, что-то получается даже у того, кто просто верит в свое предназначение. А если он к тому же работает над собой не время от времени, а все силы своего ума, души и тела отдает тому, что считает своим пред-

назначением, то непременно достигает результатов. Религиозная мысль, хорошо представляла себе значение веры. «Все, во что мы верим, удастся. Верьте в то, чего нет, для того, чтобы оно могло быть: в наших руках находятся созидательные силы воображения». Апостол Павел писал: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евреям 11: 1). Человек может поправиться от болезни не только за счет лекарств, но благодаря вере — таков взгляд «христианской науки». Когда человек внушает себе, что он здоров, это помогает ему выздороветь. Когда внушает другим, что они здоровы, они на самом деле выздоравливают. В этом смысл лечения внушением и самовнушением (известен эффект плацебо). Через внушение человек может управлять телом и потоками мировой энергии. В чудеса верят и чудесное происходит — от силы веры. Но большинство людей настолько слабы, что не могут верить в чудесное. Тогда им нужны пастыри — люди, верящие сами и обладающие такой огромной силой веры, что могут внушить ее другим. Эта сила передается через личный контакт тому, кто жаждет поверить и настраивается на веру. Отсюда процедура посвящения, таинственность ритуалов и т.д. Каждый должен прежде решиться поверить в то, во что хочет и может уверовать, и тогда в нем открываются силы для реализации веры. Научное знание эмпирически проверяемо, и для веры в него не нужно много внутренних сил. В век науки теряется напряженность веры. Вера в чудеса трудна и непроверяема. Отвлеченный разум не дает настоящей уверенности ни в чем. Последняя появляется тогда, когда акты мышления, обеспечивающие основу для ее обретения, не останавливаются на уровне абстракции, а трансформируются в акты жизни человека. Для этого разум должен стать целостным и весь мир воспринимать как нечто живое. Такое восприятие мира — шаг к вере. Акты целостного мышления, связанного с истоками духовной жизни, вызывают веру и приводят человека в состояние гармонии со своей природой.

Даже отвлеченное мышление зиждется на вере. Как ни парадоксально, и атеистические мировоззрения секрет своих успехов

имеют в вере. Правда, в век безверия вера слаба сама по себе и вынуждена прикрываться «научными» аргументами. Современная вера прячется под покров объективной научной истины, и задача состоит в осознании этого феномена. Сама наука зиждется на вере. Тем не менее различать, где наука и где верование, полезно, потому что между наукой и верой нет обратной зависимости: если наука основывается на вере, то вера не обязательно нуждается в науке. Это обосновывается тем фактом, что вера существовала практически во все времена, а наука — недавний феномен. Все, что связано с проблемой утверждения веры, неподвластно современной науке, которая оторвалась от истоков веры и, по крайней мере формально, обособилась от нее. Однако вера в наше время не может основываться только на Откровении. Она должна базироваться на всех данных природы и культуры, в том числе и на науке.

Вера, как отмечалось, нужна для скрепления разума, чувств и воли. И наоборот, для обретения веры все силы в человеке должны устремляться друг к другу. Важным компонентом формирования личности является синтез разума и веры, преодоление той обособленности, которая характерна для настоящего времени. Кант показал, что не трудящийся для веры «чистый» разум может доказать только свою бессмысленность. Мысль современного человека отделена от веры, и мучения другого философа — Кьеркегора — из-за трудности поверить глубоко симптоматичны. Имеется, конечно, определенное базисное противоречие: когда мыслю, я склонен сомневаться во всем; когда верю, склонен фиксировать свое сознание на постоянной мысли. Для веры как таковой как будто не нужен разум, и особенно чутко вера чувствует опасность отвлеченного разума. Некогда христианство выступило против римско-эллинской мудрости. Однако затем пришел Декарт со своим знаменитым сомнением, и в нем вера была постепенно утеряна.

На самом деле разум никогда не выключается на пути обретения смысла жизни и веры в смысл. Чем больше область веры, тем меньше у разума ниспровергающей работы, но тем больше рабо-

ты обосновывающей. В отсутствие конструктивной работы разума вера слабеет. На первых порах это протекает незаметно, поэтому и кажется, что коль есть вера, разум не нужен. В то же время и конструктивная работа разума в присутствии веры менее заметна, потому что в этом случае меньше препятствий. Разум показывает всю свою мощь, когда появляются препятствия на его пути.

Великая задача религии — примирить веру с разумом. В расщепленный век это сделать весьма сложно: разум человека отвлечен и сам он не способен к вере, даже если прозревает все ее значение. В наш век, когда торжествует отвлеченный разум, а вера слабнет, обретение ее, по мнению Л. Шестова, будет означать начало подлинного человеческого возрождения. Именно на таком пути обретается единство разума и веры. Оно зиждется на том, что разум не столько сомневается в вере, сколько **для** веры. Человек — единственное существо, обреченное на поиски смысла бытия. В нем бытие пытается осознать себя. Это нелегкий процесс, и человек не так силен, чтобы бесповоротно отдаться ему. Но он поистине отвечает своему предназначению, пока ищет смысл своего существования. Он сомневается в своей вере для того, чтобы прийти к вере более прочной, чем прежняя. Современный человек, уйдя из духовного дома веры, пребывает в постоянном страхе, и для обретения спокойствия ему необходима экоургия — строительство нового духовного дома веры, столь же важного, как строительство дома материального, — преобразование природы и собственного тела.

Умные люди видят все жуткие противоречия жизни и отчаиваются в ней. Но это именно такой ум, который процветает в эпоху безверия и на который ополчалась христианская вера, провозглашая: «станьте, как дети». Это не призыв впасть в детство, но сохранить и развить детскую веру и попытаться (подавив, если нужно, «умное» отчаяние) воплотить их в жизнь.

Религиозные культы, как все земное, историчны и направлены на то, чтобы поддержать веру. Они меняются во времени. Отход от культурных традиций может быть следствием и укрепления веры, и ее ослабления, и именно второй вариант осуществил-

ся. Гёте называл человека «первой беседой, которую природа ведет с Богом», и считал, что он сам только с Богом может говорить о многих вещах. Но многие ли сейчас способны на это.

Много в наше время говорят об агрессивности современного человека. Последняя идет от страха, а страх — от безверия и духовной измученности, которая сопровождает безверие. Психологические истоки страха — в проблематичности будущего, но это может породить и надежду. Основу жизни правильной назвать страхом-надеждой. Отдельный человек и все человечество находятся в постоянном колебании между страхом и надеждой. В эпоху становления и укрепления данной отрасли культуры преобладает надежда, затем, когда она постепенно догматизируется, на смену надежде приходит страх и самая его мощная разновидность — страх смерти. В эти эпохи в культуре начинается мысль, что надеяться на что-то вообще нелепо и надо трудиться «без надежды на успех», ясно осознавая абсурд бытия.

В эпохи безверия надежда действительно наивна. Но маятник двинется в сторону веры, когда над осознанием обреченности вспыхнет звезда детской, быть может, нелепой надежды. Отвлеченный рационализм старается вообще ничего не чувствовать и тем самым не испытывать и чувства страха. Но для человека как разумно-чувственного существа полное бесстрашие невозможно, и отказ от чувств мстит сильнейшим чувством страха и ощущения бессмысленности прожитой жизни. Другой путь преодоления страха смерти — накопление веры. Это трудный путь, могущий привести к тяжелым мукам в течение жизни и не исключаяющий, как и в первом случае, страдание. Но это единственный путь, на котором можно достичь желаемого. Страх смерти — чувство и его можно преодолеть только чувством, соединенным с разумом. Бесстрастному рационализму никогда не прийти к истинной вере. Даже фанатичный атеизм ближе к ней, чем отвлеченный рационализм, поскольку основан на чувстве. Вот почему все фанатики немного религиозны. По этой же причине рассматривающий человека как чувствующее существо экзистенциализм ближе к вере, чем рационализм Нового времени.

Путь от страха к надежде длинный и извилистый. Если основа страха — осознание смертности, то основа надежды — прозревание вечности. Последнее столь же отличает человека от животного, как и первое. Тот факт, что человек под воздействием каких-либо идей может сделать нечто в ущерб своей эмпирической жизни, говорит о том, что он выше закономерностей физического мира. Надежду подает сам факт существования человека. Если он благодарит родителей за свое появление на свет, то насколько больше он должен благодарить бытие, которое обеспечивает эту возможность. Надежда начинается с благодарности за дарованную жизнь и усиливается жизненным героизмом. Прозревание вечности наталкивает человека на поиски смысла жизни, через подход к которому он обретает веру. Не отказываться от видения этого мира и в то же время прозревать сквозь него мир иной — задача человека.

Он убежден в посюсторонней значимости своих деяний, в том числе любовно-творческих. Однако эмпирически понимаемые любовь и творчество ущербны, потому что время грозит их уничтожить. Вера в вечное значение любви и творчества может спасти человечество от абсурдности и бессмысленности существования. Дело, однако, не только в заботе о будущем человеческого рода, а в обретении спокойствия души, которое дается верой в величие и вечность человеческих деяний. В конечном счете человек может прожить и без веры за счет «мужества отчаяния». Однако последнее совсем не то, что мужество веры — в нем нет радости бытия.

Вера — это результат не только разума и чувства, но прежде всего воли, направленной на всего человека как целостность. Это тоже творчество и любовь, но не только разумное творчество и не только чувственная любовь, а целостное творчество и целостная любовь.

Отчаяние безверия было основой расщепления человека, а вера и надежда — основы обретения целостности. Для того чтобы понять в каком направлении пойдет развитие духовной культуры, надо рассмотреть корни культур современных и современного безверия. Они в слабости людей, в боязни не только природ-

ных и общественных явлений, но и самих себя. Если бы люди шли по пути реализации своей природы, им не понадобился бы Бог, прощающий и наказывающий, и они не впали бы в безверие, связь которого с бессилием ясно осознал Кьеркегор. Эволюция общества через веру в Бога как всемогущего и справедливого начальника, отражавшую бессилие человека перед природными и социальными явлениями и самим собой, и через безверие, которое было отражением той же слабости или псевдосилы современного человека, должна прийти к вере истинно духовной личности в вечность, в которой (вере) воплощены человеческие мечты о любви и творчестве. Духовная культура должна быть основана на вере в вечность природы и личности. Вечность — чудо, и оно присутствует в таких земных феноменах, как любовь и творчество. Вера в любовь и творчество есть вера в вечность. Цель человека — вечное счастье. А средства к этому — вера и неуклонное движение по пути любви и творчества. В вере утверждается воля быть вечно, и вечность становится желанием, доведенным через волевое действие до реальности. Вера в вечность препятствует эмпирическому эгоизму и действию по принципу «после нас хоть потоп» и подготавливает почву для утверждения лучшего устройства человека и общества.

Закончим словами русского религиозного философа С.Н. Трубецкого. «Человека нередко определяли как животное двуногое, животное разумное и словесное, животное политическое. Можно также определить его как животное верующее... Человек верит в определенный смысл мира и смысл существования, в безусловную цель, идеал своего существа. И когда такая вера у него отнимается, существование его представляется ему бессмысленным, беспредельным, случайным и лишним» (*Трубецкой С.Н. Собр. соч. М., 1908. Т. 1. С. 381*). Люди приходят к вере, отходят от нее сами или отстраняются насильственно и вновь возвращаются к ней.

Вопросы для повторения

- Каково значение религии с точки зрения О. Конта?
- Каковы функции религии?

Вера как условие и следствие обретения человеком целостности

- В чем заключаются онтологическая и гносеологическая функции?
- В чем заключаются антропологическая и психологическая функции?
- Каково этическое значение религии?
- Каково социальное и эволюционное значение религии?
- Что общего и что особенного в мировых религиях?
- Каково происхождение мировых религий?
- Каковы тенденции развития религий?
- Каково значение религиозной веры?

Литература

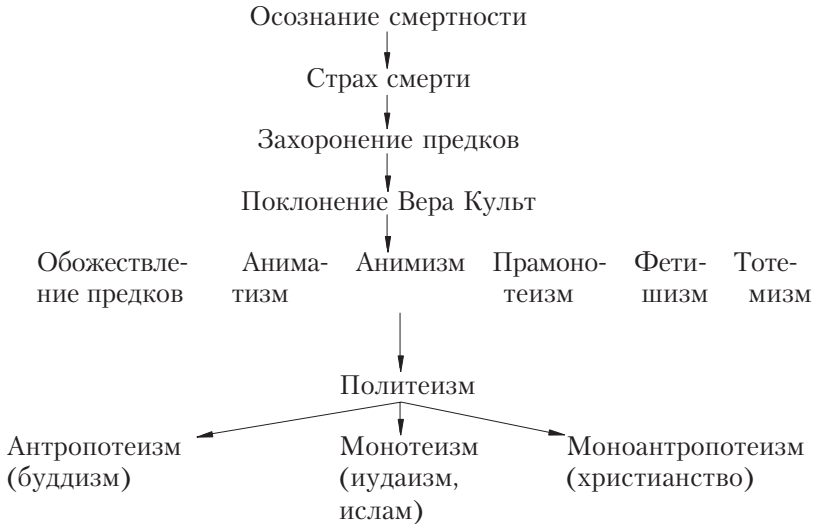
1. Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1996.
2. Мистика. Религия. Наука. М.: Канон, 1998.
3. *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

Мы видим религию как одну из главных ветвей древа культуры, которая, в свою очередь, состоит из многих более или менее крупных веточек, появившихся раньше или позже. Можно изучать то общее, что есть у всех религий, и то, что отличает одну от другой. Религиоведение помогает понять сущность религии как отрасли культуры, ее значение в жизни человека и общества. Этим дается ответ на вопрос, зачем его нужно изучать.

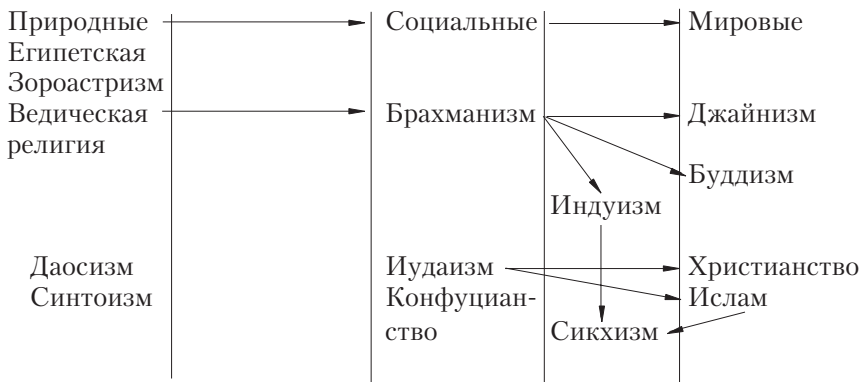
Таблица 1. Возникновение религий

Название религии	Время возникновения	Время жизни создателя, или того, чья деятельность привела к возникновению религии
1. Ведическая религия	II – начало I тыс. до н.э.	
2. Зороастризм	X–VII вв. до н.э.	Заратустра (ок. 1000 г. до н.э.)
3. Брахманизм	VIII–VI вв. до н.э.	
4. Джайнизм	VI в. до н.э.	Джина (599–527 до н.э.)
5. Буддизм	VI в. до н.э.	Будда (ок. 581–ок.501 до н.э.)
6. Индуизм	VI–IV вв. до н.э.	
7. Иудаизм	II тыс. до н.э.	
8. Христианство	I в. н.э.	Христос (0–33 гг.)
9. Синтоизм	Начало I тыс. до н.э.	
10. Даосизм	Конец I тыс. до н.э.	Лао-цзы (601 г. до н.э.–?)
11. Конфуцианство	Конец I тыс. до н.э.	Конфуций (551–479 гг. до н.э.)
12. Ислам	VII в. н.э.	Мухаммед (570–632 гг. н.э.)
13. Сикхизм	XVI в. н.э.	Нанак (1469–1539 гг.)

Схема развития религий

Классификация религий

Древо религии

Таблица 2. Количество верующих в современном мире (млрд чел.)

Христианство	2
Ислам	1,3
Индуизм	0,8
Буддизм	0,3

Словарь терминов

- Авеста** — собрание священных книг зороастризма и маздеизма. Древнейшая часть Авесты (Гаты) датируется VII—VI вв. до н.э. и авторство приписывается легендарному Заратустре.
- Агни** — важнейшее божество ведизма и индуизма. Олицетворяет священный огонь.
- Аид** — в греческой мифологии бог царства умерших, а также само это царство.
- Аллах** — единый и неделимый Бог в исламе, творец всего сущего и управитель мира.
- Анабаптизм** — религиозное движение, возникшее в XVI в в Швейцарии и Германии в ходе Реформации.
- Ангелы** — по верованиям иудеев, христиан и мусульман, созданные Богом бесплотные сверхъестественные существа.
- Англиканская церковь** — государственная церковь в Англии, возникшая в период Реформации в XVI в.
- Аниматизм** — представление о безличной силе, действующей в природе и оказывающей влияние на жизнь людей, характерное для ранних форм религии.
- Анимизм** — вера в души и духов, характерная для первобытных религиозных верований.
- Антропоморфизм** — 1) перенесение на животных, предметы и явления природы присущих человеку качеств и свойств; 2) представления о богах как подобиях человека.
- Анхра-Майнью** — в зороастризме олицетворение злого начала, всеотрицающий дух, отец лжи, несправедливости, беззакония, смерти.
- Апокалипсис** (Откровение святого Иоанна Богослова) — одна из книг Нового Завета, которая была написана Иоанном Богословом на острове Патмос в 68 г. н.э.

Апокрифы — книги религиозного содержания, которые не признаются церковью священными.

Арес — греческий бог войны, сын Зевса и Геры.

Аскеза — отказ от жизненных благ и удовольствий, посвящение всей своей жизни служению Богу.

Атеизм — система взглядов, отвергающая религиозные идеи о существовании Бога.

Атман — употребляется в ведической литературе для обозначения субъективного психического начала, индивидуального бытия, «души».

Атхарваведа — одна из Вед, содержащая магические заклинания.

Афина — греческая богиня мудрости, покровительница ремесел и искусств, защитница общественного порядка, а также целомудрия.

Афродита — греческая богиня любви и красоты, дочь Урана, возникшая из пены морской.

Ахимса — непричинение боли и зла живым существам, характерное для индуизма, буддизма и особенно джайнизма.

Ахурамазда — верховное божество в зороастризме и маздеизме, доброе начало, находящееся в постоянной борьбе с Анхра-Майнью.

Ба — в древнеегипетской религии душа, воплощение жизненной силы людей в виде птицы с человеческой головой.

Баалшамем — в западносемитской мифологии бог неба.

Базилика (греч. «царский дом») — прямоугольное здание, разделенное внутри рядами колонн на продольные части (нефы).

Библия — греческое название книг Ветхого и Нового Заветов, составляющих Священное Писание христианства.

Бодхи — духовное пробуждение, просветление (буддизм).

- Бодхисаттва** — человек, достигший высшего совершенства и заслуживший право уйти в нирвану, но отказывающийся от этого из-за любви и сострадания к живым существам и стремления помочь им в спасении (буддизм).
- Брахма** — один из главных богов индуизма, составляющий вместе с Вишну и Шивой божественную трицу.
- Брахман** — представитель высшей варны и касты в Индии, профессиональный жрец в брахманизме и индуизме.
- Брахманизм** — религия Древней Индии, возникшая в период становления кастового строя и возвышения института жречества.
- Брахманы** — трактаты, комментирующие Веды.
- Буддизм** — мировая религия, зародившаяся в середине I тысячелетия до н.э. на севере Индии и получившая широкое распространение во многих странах Азии.
- Бхакти** — понятие индуизма, означающее личную преданность богу и беспредельную любовь к людям.
- Бхикшу** (буквально «нищий») — в джайнизме и буддизме странствующий монах.
- Бытие** — первая книга Ветхого Завета.
- Бэл** — вавилоно-ассирийский бог Земли.
- Ваал** — древнее общесемитское божество, которое почиталось в Финикии, Палестине и Сирии.
- Варуна** — один из наиболее значительных богов ведической религии, создатель и хранитель мира, грозный бог-судья.
- Ваххабизм** — одно из течений в исламе, возникшее в конце XVIII в. в Аравии, официальная идеология Саудовской Аравии.
- Ведическая религия** — религиозные верования и обрядность населения Древней Индии, получившие письменное закрепление в Ведах.

Веды — древнейшие памятники индийской религиозной литературы (конец II — начало I тысячелетия до н.э.)

Веста — римская богиня священного огня, городской общины, дома.

Ветхий Завет — христианское название Священных книг иудаизма, включенных в Библию.

Вишну — один из высших богов индуистского пантеона, олицетворяющий творческую космическую энергию.

Галаха — законоположения, содержащиеся в Талмуде и регламентирующие религиозную, семейную и гражданскую жизнь сторонников иудаизма.

Гера — в греческой религии дочь Кроноса и Реи, сестра и жена Зевса, небесная покровительница городов и героев, брака и семейной жизни.

Гильгамеш — герой шумеро-аккадского эпоса.

Гностицизм — направление религиозно-философской мысли поздней античности и средневековья, для которого характерны «мистический рационализм», дуализм доброго и злого начал.

Гор — древнеегипетский бог света и Солнца, покровитель власти фараонов, которые считались его земными воплощениями.

Грааль — в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд с кровью Иисуса Христа.

Гуру — духовный учитель в индийских религиях.

Дао — путь, метод, всеобщий закон, абсолют (в китайской культуре).

Дао дэ цзин — основополагающий трактат даосизма.

Даосизм — древнекитайская религия, возникшая в первые века Новой эры.

Деизм — религиозно-философское учение, согласно которому

Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение событий.

Декалог — нормы поведения древних евреев, которые, согласно Ветхому Завету, были начертаны богом Яхве на двух каменных плитах — «скрижалях завета» и переданы им Моисею на горе Синай.

Деметра — греческая богиня плодородия, земледелия и семейной жизни.

Дервиш — мусульманский нищенствующий монах, ведущий аскетический образ жизни.

Джайнизм — одна из религий Индии, возникшая в VI в. до н.э.

Джина — в джайнистской мифологии Победитель, от имени которого произведено название этой религии.

Джняна — в индийской религиозной традиции понятие, означающее совершенное знание, которое мудрец обретает в процессе медитации.

Дзэн — одна из наиболее влиятельных буддистских школ, возникшая в начале VI в. н.э. в Китае.

Диана — римская богиня растительности и охоты, соответствует греческой Артемиде.

Дионис — греческий бог растительности и виноделия.

Дхарма — доктрина, добродетель, долг, справедливость, закон, идеал, истина (в индийской культуре).

Евхаристия (причащение) — одно из семи христианских таинств, совершая которое верующие под видом хлеба и вина вкушают тело и кровь Господню и тем самым мистически соединяются с Иисусом Христом.

Екклесиаст — книга Ветхого Завета, авторство которой приписывается царю Соломону.

Ереси — религиозные идеи и течения, отклоняющиеся от официально признанной точки зрения.

Естественная религия — сумма наиболее общих религиозных представлений, выводимых из человеческой природы и не нуждающихся в авторитете Священного Писания.

Естественная теология — сумма тезисов о бытии Бога, которые поддаются рациональному обоснованию (в противоположность «сверхразумным» истинам откровения).

Жреческий кодекс — один из источников Ветхого Завета, написанный в период Вавилонского плена или сразу же после него и в соединении с другими источниками обнародованный в 444 г. до н.э. в виде Пятикнижия.

Законы Ману — древнеиндийский юридический кодекс, создание которого приписывается мифическому предку людей — Ману, сыну Брахмы.

Зевс — верховный греческий бог, имя которого означает «светлое небо», сын Кроноса и Реи.

Зороастр (Заратустра) — основатель зороастризма, которому приписывается авторство древнейшей части Авесты.

Зороастризм — религия, возникшая на территории Древнего Ирана в VII—VI вв. до н.э. Представляет собой маздеизм, реформированный пророком Заратустрой.

Иджма — согласие, единодушное мнение авторитетных лиц по религиозным и правовым вопросам, не затронутым в Коране и Сунне (в исламе).

Идолопоклонство — термин, означающий верования и культовые действия приверженцев политеистических религий, объектами поклонения в которых являются материальные предметы (идолы), изображающие или «вмещающие» в себя богов.

- Иезуиты** — члены католического монашеского ордена, созданного в 1534 г. И. Лойолой и утвержденного Павлом III в 1540 г.
- Индра** — величайшее божество ведической эпохи, в природном аспекте — божество грозового дождя.
- Индуизм** — религия, возникшая в середине I тысячелетия до н.э. в Индии и получившая широкое распространение в этой стране.
- Инициации** — посвятительные церемонии у первобытных людей, цель которых передать общеплеменные ценности и нормы жизни поколению, достигшему социального совершеннолетия.
- Инкарнация** — воплощение, вхождение в конкретное физическое тело нефизической сущности (души, духа, божества).
- Исида** — египетская богиня плодородия, воды и ветра, охранительница умерших, мать Гора, сестра и супруга Осириса.
- Ислам** — мировая религия, возникшая в первой половине VII в. на Аравийском полуострове.
- Исповедь** — христианское таинство, которое состоит в том, что человек, открыв грехи священнику, получает прощение от самого Господа.
- Исход** — вторая книга Ветхого Завета, в которой повествуется об избавлении потомков Авраама от египетского рабства.
- Иудаизм** — национально-государственная религия евреев, возникшая во II тыс. до н.э.
- Йога** — религиозно-философская система Индии, сформировавшаяся на рубеже IV—III вв. до н.э.
- Ка** — духовный двойник человека; жизненная сила, которая дается ему при рождении и покидает его после смерти, продолжая при этом заботиться о покойном (у древних египтян).
- Каббала** (предание) — средневековое религиозно-мистическое учение, получившее распространение среди приверженцев иудаизма.

Кали — в индуистской мифологии одна из ипостасей Девы — жены Шивы; олицетворение грозного, губительного аспекта его божественной энергии.

Кальвинизм — одно из основных течений протестантизма, возникшее в первой половине XVI в. в Швейцарии.

Карма — мистическая сила, «закон возмездия» за совокупность поступков, намерений, стремлений, определяющий судьбу живого существа в последующих перерождениях (в индийской культуре).

Катехизис — книга, содержащая общедоступное изложение основ вероучения в форме вопросов и ответов.

Католицизм — одна из основных христианских конфессий, после разделения церквей в 1054 г.

Квакеры — протестантское движение, возникшее в Англии в XVII в.

Клерикализм — социально-политическое течение, требующее усиления роли церкви во всех сферах общественной жизни.

Книга мертвых — древнеегипетские тексты и рисунки, относящиеся к эпохе Нового царства (XV в. до н.э.) и включающие магические формулы, молитвы, заклинания, благодаря которым умерший может оправдаться перед Осирисом и попасть в страну вечного блаженства.

Козел отпущения — в Ветхом Завете козел, на которого «возлагались грехи» еврейского народа, после чего он изгонялся в пустыню.

Конфессия — вероисповедание, принадлежность к какой-либо религии или религиозному объединению, имеющему свое вероучение, культ, организацию.

Конфирмация — одно из семи христианских таинств, посредством которого человек получает дары Святого Духа, укрепляющие его в духовной жизни.

Конфуцианство — созданная на основе философско-этического учения Конфуция религия, превратившаяся на рубеже новой эры в национально-государственную религию Китая.

Коран — Священная книга мусульман, написанная на арабском языке и состоящая из 114 глав (сур).

Крещение — одно из семи христианских таинств, которое знаменует принятие человека в лоно церкви.

Кришна — один из наиболее почитаемых персонажей в индуистской мифологии, восьмое воплощение Вишну, мудрый царь-воин и божественный пастух.

Кронос — в греческой мифологии самый младший и самый сильный сын Урана и Геи.

Лама (Высший) — учитель-наставник в тибетской, монгольской, бурятской, калмыцкой, тувинской разновидностях буддизма. Отсюда их общее название — ламаизм.

Лары — в римской религии божества-покровители коллективов и их земель, а также семьи и домашнего очага.

Левит — третья книга Ветхого Завета, содержащая ритуально-культурные предписания иудаизма.

Литургия — главное христианское богослужение, в ходе которого совершается таинство причащения, или евхаристии. В католицизме называется мессой.

Логос — слово, понятие, учение, разум, закон (в греческом языке).

Лютеранство — одно из главных течений протестантизма, возникшее в XVI в. в Германии.

Маат — древнеегипетская богиня истины и порядка.

Магия (колдовство) — совокупность представлений и обрядов, в основе которых лежит вера в возможность воздействия на людей, предметы и явления окружающего мира сверхъестественным путем.

Маздеизм — древнеиранская религия, признававшая и чтившая племенных богов (дэвов), реформированная Заратустрой.

Мана — безличная сверхъестественная сила, которая может быть присуща людям, животным, неодушевленным предметам и оказывать на них влияние.

Манихейство — религия, возникшая в III в. в Персии и названная по имени ее основателя Мани, синтез зороастризма и христианства.

Мара — буддийское божество, олицетворяющее зло и все то, что ведет к смерти.

Мардук — верховное божество вавилонской религии, олицетворение сил мирового порядка. Победитель чудовища Тиамат, которое он рассек на две части и создал из них небо и землю.

Марс — в римской религии бог войны.

Махабхарата — древнеиндийский эпос, сложившийся приблизительно в VI—II вв. до н.э.

Махаяна — одно из главных направлений буддизма, сформировавшееся и получившее распространение в I в. н.э., сторонники которого считают, что спастись может не только монах, но и любой мирянин, соблюдающий обеты духовного совершенства, возносящий молитвы, творящий заклинания, прибегающий к помощи монахов и одаривающий их.

Медитация — психическая активность личности, целью которой является достижение углубленной сосредоточенности сознания на определенной идее.

Месса — богослужение в католической церкви, включающее в себя чтение молитв, песнопения в сопровождении органа и таинство причащения.

Мессия — в иудаизме первоначально царь, подвергавшийся при интронизации церемонии помазания; затем грядущий избавитель евреев от иноземного гнета. В христианстве спаситель

всего человечества, устанавливающий справедливый миропорядок.

Метемпсихоз — учение о переселении души из одного тела в другое.

Методизм — одно из течений протестантизма, зародившееся в XVIII в. в рамках англиканской церкви.

Мечеть — культовое здание в исламе, где совершаются богослужения и произносятся проповеди.

Мирское призвание — кальвинистское учение, согласно которому успех в мирских делах (прежде всего в предпринимательской деятельности) рассматривается как признак предызбранности к спасению.

Мистерии — тайные культы древних религий, в которых участвовали только посвященные.

Мистика — отрасль культуры, имеющая своей целью слияние со сверхъестественным.

Митра — древнеиранский бог договора, а также Солнца.

Молох — ритуал жертвенного сжигания людей или животных, а также бог у сиро-финикиян и аммонитян, для умилостивления которого сжигали малолетних детей.

Монотеизм — религиозное представление и учение о едином Боге.

Негативная теология — учение Дионисия Ареопагита, сущность которого состоит в последовательном отрицании представлений и идей, понятий и суждений, относящихся к Богу с целью доказательства его абсолютной трансцендентности.

Неоплатонизм — направление античной философии III–VI вв. н.э., возникшее на основе синтеза идей Платона с религиозно-мистическими представлениями Востока.

Неотомизм — направление в современной католической философии и теологии, возникшее в конце XIX в., пытающееся со-

единить главные положения томизма с новейшими достижениями философии и науки.

Неофит — новообращенный в христианство или в какую-либо другую веру.

Нирвана — понятие буддизма и джайнизма, означающее наивысшее состояние сознания.

Новый Завет — часть Библии, почитаемая наряду с Ветхим Заветом в качестве Священного Писания христианами. Состоит из 27 книг (4 Евангелия, Деяния апостолов, 21 Послания апостолов, Откровение св. Иоанна Богослова), которые были написаны в I—II вв. н.э.

Нут — в египетской религии богиня неба и мать Осириса и Исиды.

Облатка — небольшая круглая лепешка из пшеничной муки, обычно с изображением агнца или креста как символов страдания Иисуса Христа, употребляемая для причащения в католических и лютеранских церквях.

Огнепоклонство — ритуальное почитание огня, а также название зороастризма.

Один — верховное божество германо-скандинавской мифологии, творец Вселенной и первых людей, бог ветра и бурь, позднее бог войны, покровитель воинской дружины, торговли и мореплавания.

Оккультизм — общее название учений, признающих существование в мире тайных сверхъестественных сил.

Оракул — у древних греков место в святилище, где получали ответ божества на заданный вопрос, а также само прорицание божества.

Ордалии (суд божий) — испытания подозреваемых огнем, водой, ядом, поединком и т.д., во время которых, как считалось, высшие силы обнаруживают виновного.

- Орфизм** — религиозное учение, возникшее в VIII—VII вв. до н.э. в Греции и названное в честь легендарного Орфея, тесно связанное с земледельческой магией.
- Осирис** — древнеегипетское божество умирающей и возрождающейся природы, бог загробного мира и судья умерших, муж Исиды, отец Гора.
- Паломничество** — путешествие верующих к святым местам, которое совершается для того, чтобы очиститься от грехов и получить сверхъестественную помощь.
- Пантеизм** — философско-религиозное учение, отождествляющее Бога с природой.
- Пасха** — главный христианский праздник, отмечаемый в честь воскресения Иисуса Христа в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния, но обязательно отдельно от иудейской пасхи, которая в иудаизме связывается с исходом евреев из Египта.
- Папристика** — совокупность теологических доктрин, сформулированных христианскими мыслителями («отцами церкви») в период со II по VIII вв. н.э.
- Пенаты** — в римской религии духи и божества — хранители семейного и общественного благополучия.
- Персефона** — греческая богиня подземного царства, растительности и плодородия, дочь Деметры и Зевса, часть года проводящая вместе с матерью на земле, а остальное — в царстве мертвых.
- Персонификация** — наделение предметов и явлений природы свойствами живых существ, в том числе человека: способностью мыслить, чувствовать, говорить и т.п.
- Пиетизм** — мистическое течение конца XVII—XVIII вв. ставившее религиозное чувство выше догматов и подчеркивавшее необходимость для верующих личного переживания Бога.

Пифия — жрица-прорицательница в центральном греческом храме Аполлона в Дельфах.

Плерома (полнота) — гностический термин, используемый для обозначения божественного мира.

Пневма — душа, жизненная сила, дух, а также Святой Дух в христианской традиции.

Позитивная религия — религия откровения, которая противопоставляется естественной религии или «религии разума».

Политеизм — многобожие, поклонение нескольким богам.

Посейдон — в греческой мифологии бог морской стихии.

Прамонотеизм — концепция происхождения религии, согласно которой в основе всех существующих верований можно обнаружить остатки древнейшей веры в единого Бога Творца.

Преанимизм — термин, введенный для обозначения рудиментарных форм религии, которые не содержат в себе элементов анимизма и, по всей видимости, предшествовали последнему.

Предопределения доктрина — учение о предустановленности жизни и поведения человека, его спасении или осуждении Богом.

Пресвитерианство — течение в кальвинизме, возникшее в Англии и Шотландии, в настоящее время государственная религия Шотландии, в которой культ предельно упрощен, а общины управляются консисторией в составе пресвитеров и пастора, избираемых из мирян.

Прозелит — человек, принявший какую-либо новую веру, ставший ее горячим приверженцем и пропагандистом.

Прометей — в греческой мифологии титан, похитивший у богов огонь и передавший его людям, за что по приказу Зевса был прикован к скале и осужден на страшные муки.

Пророки — люди, наделенные особым даром предсказывать бу-

душее, которым приписывается авторство так называемых «пророческих книг» в Ветхом Завете.

Протестантизм — одна из основных конфессий христианства, возникшая в XVI в., отвергающая авторитет Священного Писания, провозглашающая принцип спасения личной верой и принцип священства всех верующих.

Профанное — религиозное понятие, означающее неосвященное и утаиваемое от освящения.

Псалмы — произведения религиозной лирики, вошедшие в Ветхий Завет и почитаемые в иудаизме и христианстве.

Пуританизм — одно из течений протестантизма, возникшее в Англии в XVI в., сторонники которого требовали коренной реформы англиканской церкви, упразднения церковной иерархии и введения священства всех верующих, отделения церкви от государства и упрощения обрядности.

Пятидесятники — одно из течений протестантизма, возникшее в начале XX в. в США, основой которого является новозаветное повествование о сошествии Святого Духа на апостолов в 50-й день после воскресения Иисуса Христа, вследствие чего они получили дар пророчествования.

Пятикнижие — первые пять книг Ветхого Завета.

Ра — египетский бог Солнца, позднее Отец богов, создатель мира и людей, возникших из его слез.

Раввин — служитель культа в иудаизме, учитель и судья в вопросах религиозной и семейной жизни в иудаистской общине.

Рамаяна — древнеиндийская эпическая поэма, повествующая о подвигах героя Рамы, ставшая в средние века одной из священных книг вишнуизма.

Реинкарнация — перевоплощение души, ее вхождение в новое физическое тело.

Ригведа — сборник Вед, возникновение которого относят к концу II тыс. до н.э.

Рита — универсальный космический закон в древнеиндийской мифологии.

Рудра — древнеиндийский бог грома и молнии, повелитель бурь и ветров, владыка лечебных трав, продлевающих жизнь, один из главных богов индуизма.

Саваоф — в иудаизме один из эпитетов Яхве, указывающий на его воинственный характер, на то, что он возглавляет «небесное воинство».

Сакральное — священное, святое: религиозные ценности, предметы и действия, входящие в систему религиозного культа.

Самаведа — сборник Вед, включающий в основном ригведийские гимны, к текстам которых обращались жрецы при их пении во время жертвоприношений.

Сангха — монашеская община (в буддизме).

Сансара — в индийской религиозно-философской традиции обозначение мирского бытия, связанного с цепью рождений и переходом из одного существования в другое.

Сатана — в религиозных представлениях иудаизма и христианства главный противник Бога и всех верных ему сил на небесах и на земле. Враг рода человеческого, царь ада и повелитель бесов.

Сатурн — римский бог земледелия и урожая, отец Юпитера, отождествляемый с греческим богом Кроносом.

Сатурналии — в Древнем Риме ежегодные (17 декабря) праздники в честь Сатурна, сопровождавшиеся карнавалом, пиршествами и т.д.

Сверхъестественное — термин для обозначения особой реальности, противопоставляемой миру естественных вещей и явлений, стоящей над его законами и управляющей им.

- Секта** — объединение верующих, противопоставляющее себя официально признанной церкви.
- Серафимы** — в иудаизме и христианстве ангелы, стоящие на высшей ступени небесной иерархии, ближайшие к «престолу Божьему».
- Сикхизм** — религия, возникшая в XVII в. в северо-западной Индии, признающая единого бога и провозгласившая равенство всех людей.
- Символ веры** — краткий свод догматов, составляющих основу какой-либо религии, церкви.
- Синагога** — молитвенный дом и община сторонников иудаизма.
- Синтоизм** — национально-государственная религия Японии, окончательно сложившаяся в VI—VII вв., основой которой является поклонение духам предков, животных, растений, предметов, явлений природы.
- Сома** — опьяняющий напиток, приносимый в жерву богам в Древней Индии, а также один из богов ведического пантеона, олицетворяющий жертвенный напиток, а позже и Луну.
- Сотериология** — религиозное учение о спасении человеческой души.
- Суеверия** — верования, не признаваемые той или иной религией или сообществом людей.
- Сунна** — мусульманское Священное Предание, поясняющее и дополняющее Коран, в которой рассказывается о поступках и изречениях Мухаммада.
- Суннизм** — одно из двух главных направлений в исламе, возникшее во второй половине VII в. в Аравии, сторонники которого признают святость Сунны.
- Сутры** — в древнеиндийской литературе лаконичные высказывания, а также своды таких высказываний и небольшие религиозно-философские произведения.

Суфизм — мистическое направление в исламе, зародившееся в VIII в. на территории современного Ирака и Сирии, в котором главное место занимает учение о любви к Богу и о пути, ведущем к слиянию с ним.

Схоластика — господствующее в средневековой Европе религиозно-философское направление, стремившееся дать теоретическое обоснование христианской догматике.

Сы-шу — конфуцианское четверокнижие, которое включает в себя Лунь юй (Беседы Конфуция с учениками и его высказывания), Мэн-цзы (Учение философа Мэн-цзы), Да-сюэ (Учение о самоусовершенствовании), Чжун-юн (Учение о необходимости соблюдать во всем гармонию).

Табу — религиозно-магический запрет, объектами которого могут быть люди, животные, вещи, слова, действия и т.п., нарушение которого карается сверхъестественными силами.

Таинство — обрядовые действия в христианстве, в ходе которых, по мнению верующих, им сообщается божественная благодать.

Талмуд — свод религиозных трактатов, закрепивших догматические, культовые, правовые и нравственные положения иудаизма (III—V вв.).

Тантры — священные тексты тантризма различных школ и направлений в индуизме и буддизме.

Тартар — в греческой мифологии мрачная бездна в глубине земли, находящаяся на таком же отдалении от ее поверхности, как земля от неба.

Теизм — религиозное учение, признающее существование трансцендентного Бога, творящего мир и управляющего им.

Теогония — совокупность мифов о происхождении богов, олицетворяющих стихийные силы природы.

Теодицея — религиозно-философское учение, обосновывающее, что существование в мире зла не противоречит представлениям о Боге как абсолютном добре.

- Теософия** — религиозно-философское учение о возможности постижения Бога с помощью мистической интуиции или других средств, доступных посвященным.
- Тиамат** — в вавилоно-ассирийских религиозных представлениях существо, олицетворяющее первозданный хаос.
- Томизм** — философско-теологическое течение в католицизме, основателем которого считается Фома Аквинский.
- Тора (закон)** — иудаистское название Пятикнижия.
- Тот** — в египетской религии бог Луны, мудрости, письма и счета, покровитель наук, писцов, священных книг и колдовства.
- Тотемизм** — одна из ранних форм религии, главным элементом которой является вера в существование сверхъестественного родства между какой-либо группой людей (род, племя) и определенным видом животных или растений.
- Трансцендентный** — термин, обозначающий находящееся за пределами человеческих чувств и разума.
- Трипитака** — собрание буддийских текстов на языке пали, которые были написаны в I в. до н.э. и являются каноном для школ хинаяны.
- Ту** — в древнем природном культе Китая божество, олицетворяющее землю и вместе с Тянь (небо) являющееся создателем всего существующего.
- Тянь** — одно из важнейших понятий китайской мифологии, обозначающее небесный свод и высшее божество.
- Увэй** — в китайской религиозно-философской традиции отрицание целенаправленной деятельности, идущей вразрез с естественным миропорядком.
- Улемы** — мусульманские богословы и правоведы.
- Упанишады** — религиозно-философские комментарии к Ведам, древнейшие из которых были написаны в VI—III вв. до н.э.

- Уран** — в греческой мифологии бог неба, потомок Геи и ее муж.
- У-цзин** — классическое конфуцианское пятикнижие, включающее в себя И-цзин (Книга перемен), Ши-цзин (Книга песен), Шу-цзин (Книга истории), Ли-цзы (Книга обрядов), Шун-цю (Книга весны и осени).
- Фарисеи** — сторонники религиозно-политического течения в иудаизме, существовавшего со II в до н.э. до конца II в н.э., проповедовавшие учение о загробной жизни и настаивавшие на строгом соблюдении религиозных предписаний.
- Фемида** — в греческой мифологии богиня правосудия, дочь Урана и Геи.
- Фетишизм** — ранняя форма религиозных верований, основывавшаяся на поклонении неодушевленным предметам, которым приписывались «сверхчувственные» свойства (способность исцелять, предохранять от врагов, помогать на охоте и т.п.).
- Хадис** — в исламе короткий рассказ о высказываниях или поступках Мухаммада, входящий в мусульманское Священное Предание — Сунну.
- Харизма** — религиозный термин для обозначения благодати, ниспосылаемой человеку свыше.
- Хасиды** — сторонники религиозного движения, возникшего среди евреев Польши и России в XVIII в., противопоставившего себя ортодоксальному иудаизму и институту раввинов и считающего, что цадики (праведники) находятся в постоянном общении с Богом.
- Херувимы** — в иудаизме и христианстве вторая после серафимов категория ангелов в небесной иерархии.
- Хиньяна** — одно из двух главных направлений в буддизме, возникшее в IV—III вв. до н.э., сторонники которого считают, что единственным путем спасения является монашеская жизнь.
- Хлысты** — секта духовных христиан, возникшая в России в XVII в.,

члены которой считают возможным прямое общение со Святым Духом и воплощение Бога в праведных сектантах.

Храм в Мекке — главное святилище мусульман, получившее название Кааба (куб), в восточную стену которого вделан «черный камень», который воспринимается сторонниками ислама как высший божественный символ.

Христианство — мировая религия, возникшая в I в. н.э. в восточных провинциях Римской империи.

Хтонический культ — в Древней Греции почитание богов земли и подземного мира, благодаря которым развиваются растения.

Хуан-ди — в древнекитайской мифологии культурный герой, которому приписывается изобретение топора, ступки, лука и стрел, колесницы, платья и туфель, музыкальных инструментов. Почитается как один (наряду с Лао-цзы) из основателей даосизма.

Цадик — в хасидизме святой, праведник, глава паствы, посредник между Богом и людьми, чудотворец и ясновидец.

Целибат — обязательное безбрачие католического духовенства, установленное папой Григорием VII (1073—1085).

Церера — римская богиня плодородия и земледелия (соответствует греческой Деметре).

Чжу — священный предмет, связанный с почитанием предков в Китае; деревянная табличка, которая хранится на алтаре домашнего храма и в которую при помощи специальных обрядов воплощается душа умершего.

Числа — четвертая книга Ветхого Завета, получившая свое название оттого, что в ней приведены данные переписи (исчисления) народа Израиля.

Чуринга — разукрашенный камень или дощечка с рисунком, считавшаяся у ряда центральноавстралийских племен вместилищем душ тотемных и реальных предков рода.

Шаманство — религиозные представления и культовые действия, в основе которых лежит вера в возможность особых людей (шаманов) быть посредниками между человеческим сообществом и миром духов.

Шан-ди — верховное божество в древнекитайской мифологии, которое в I в. до н.э. слилось с культом Неба.

Шива — один из богов индуистской троицы; высшее божество для последователей шиваизма, согласно которому во Вселенной нет ничего постоянного, кроме Шивы, уничтожающего и возрождающего все существующее.

Шиизм — одно из двух основных направлений в исламе, сторонники которого считают, что законными преемниками Мухаммада могут быть только его прямые потомки.

Шэнь — в древнекитайской мифологии одухотворяющее начало: душа, дух, божество.

Эдда — древнескандинавский эпос, содержащий сведения о богах, которым до введения христианства поклонялись норманны.

Экзегеза — искусство объяснения, истолкования текстов; раздел богословия, занимающийся разъяснением смысла и содержания Библии.

Экстаз — высшая степень восторга, воодушевления, иногда переходящая в исступление, достигаемая в религиозной практике при помощи постов, неистовых плясок, самобичеваний, ночных бдений, сосредоточения внимания на каких-либо объектах и т.п.

Элевсинские мистерии — ежегодные религиозные праздники в Древней Греции в г. Элевсии, во время которых происходило посвящение в тайны религии.

Элизиум — в греческой мифологии страна блаженных, райские поля с вечной весной или область в подземном мире, где обитают герои, праведники и благочестивые люди.

- Элохим** — одно из обозначений Бога в Ветхом Завете. Корень слова «элохим» — эл — представляет собой вариант общесемитского обозначения Бога.
- Элохист** — тексты первой книги Ветхого Завета, в которых Бог называется Элохим.
- Эльфы** — духи природы в германо-скандинавской мифологии, которые делятся на светлых (добрых по отношению к людям воздушных существ) и темных (безобразных существ, живущих под землей). Отождествляются с гномами, карлами, феями, силфами.
- Эпифания** — явление божества или какого-либо другого потустороннего существа (например, ангела) под чужим обликом, чаще всего в человеческом образе.
- Эринии** — греческие богини мщения, кары и проклятия, родившиеся из крови Урана: Алектро (Неустанная), Тисифона (Мстящая за убийство), Мегера (Завистница).
- Эссены** — приверженцы иудаистской секты I в н.э., близкие по своему вероучению, организации и культуре к первоначальному христианству.
- Эсхатология** — религиозное учение о конечных судьбах отдельных людей, человечества и всего мира.
- Яма** — в древнеиндийской мифологии владыка царства мертвых.
- Янус** — римский бог дверей, входов и выходов, всякого начала (в том числе человеческой жизни), а также договоров и союзов. Двуликость Януса объясняли тем, что ему ведомо не только прошлое, но и будущее.
- Яхве (Иегова)** — имя древнееврейского Бога, встречающееся в Ветхом Завете. Впервые под этим именем Бог явился Моисею.
- Яхвист** — один из предполагаемых источников Пятикнижия, относящийся к XI—X вв. до н.э.

ПЕРСОНАЛИИ

Аввакум (1620 или 1621–1682) — протопоп, видный идеолог русского старообрядчества, один из руководителей раскола.

Августин Аврелий (354–430) — христианский теолог и философ, признанный в католицизме святым и учителем церкви, а в православии блаженным.

Авраам — один из ветхозаветных патриархов, родоначальник евреев (через сына Исаака) и арабов (через сына Измаила), сын Фарры, генеалогия которого восходит к Симу, сыну Ноя.

Адам — в библейских сказаниях первый человек, созданный Богом по своему образу и подобию из праха земного в шестой день творения.

Андрей — в христианстве один из 12 апостолов, который был первым призван Иисусом Христом (Первозванный) и проповедовал христианство балканским и причерноморским народам, а также, по русским летописным источникам, дошел до мест, где в будущем предстояло возникнуть Киеву и Новгороду.

Ансельм Кентерберийский (1033–1109) — католический теолог, один из первых представителей схоластики, пытавшийся примирить веру и разум путем подчинения разума вере («верю, чтобы понимать»), которому принадлежит онтологическое доказательство бытия Бога.

Аристотель (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ, взгляды которого оказали огромное влияние на развитие духовной культуры, в том числе на католическую и мусульманскую теологию.

Ашока (268–232 до н.э.) — индийский царь из династии маурья, завершивший объединение Индии и использовавший буддизм для укрепления государственной власти.

Бахофен Иоганн Якоб (1815–1887) — швейцарский историк и правовед, выдвинувший гипотезу о существовании матриар-

хата как специфической стадии развития человеческого общества.

Беме Якоб (1575—1624) — немецкий философ-мистик, представитель пантеизма, пытавшийся выявить таинственную связь между божественной сущностью и миром вещей.

Бубер Мартин (1874—1965) — еврейский философ и теолог, в творчестве которого получили развитие идеи хасидской мистики.

Вебер Макс (1864—1920) — немецкий историк, философ и социолог, автор работ по социологии религии, связавший развитие капитализма с протестантской этикой.

Вико Джамбаттиста (1688—1744) — итальянский философ и историк, сумевший дать в своих работах объяснение искусства, религии, права, форм социальной и хозяйственной жизни в их единстве и взаимодействии.

Гарнак Адольф фон (1851—1930) — немецкий протестантский теолог и историк церкви.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — крупнейший представитель классической немецкой философии, уделявший в своих работах большое внимание проблемам религии.

Георгий Победоносец — христианский святой воин-мученик, который, согласно преданию, жил в годы правления римского императора Диоклетиана (284—305) и был казнен за свою приверженность вере.

Гесиод (ок. 700 до н.э.) — первый исторически достоверно установленный греческий поэт, автор «Теогонии», которая содержит миф о сотворении мира из хаоса и излагает генеалогию богов.

Гильгамеш — герой шумеро-аккадского эпоса, пятый правитель I династии г. Урука (конец XXVII — начало XXVI вв. до н.э.).

Григорий Нисский (ок. 335—ок. 394) — церковный писатель и бо-

гослов, представитель греческой патристики. Участвовал в разработке христианского Символа Веры.

Давид (конец II тыс. до н.э. — ок. 950 до н.э.) — израильско-иудейский царь, создатель централизованного государства со столицей в Иерусалиме.

Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

Делич Фридрих (1850—1922) — немецкий историк, который впервые провел сравнительный анализ Ветхого Завета с ассирийско-вавилонской мифологией.

Джемс Уильям (1842—1910) — английский философ, один из основателей психологии религии.

Дюркгейм Эмиль (1858—1917) — французский социолог, автор работы «Элементарные формы религиозной жизни» (1912).

Ездра (середина V в до н.э.) — автор одноименной книги Ветхого Завета и кодификатор Пятикнижия.

Зедерблом Натан (1866—1931) — шведский историк религии, епископ шведской церкви.

Иеремия — один из библейских пророков, жил в VII—VI вв. до н.э.

Иисус Христос — основатель христианства, живший и проповедовавший свое учение в I в. в Палестине.

Илия — ветхозаветный пророк, борец за утверждение культа Яхве.

Иоанн Богослов — согласно христианской традиции один из любимых учеников Иисуса Христа, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Апокалипсиса.

Иоанн Дамаскин (ок. 650—753) — византийский богослов, создавший законченную систему патристики, которая стала идейной основой для восточной церкви и оказала влияние на формирование западной схоластики.

- Иоанн Златоуст** (ок. 350—407) — византийский церковный деятель, проповедник, патриарх Константинопольский (398—404), отличался выдающимся красноречием.
- Иов** — главный персонаж одноименной книги Ветхого Завета, праведник, испытываемый Сатаной с дозволения Бога.
- Исаак** — в Ветхом Завете сын Авраама и Сарры, наследник «завета» Авраама с Богом, отец Иакова (через него прародитель 12 колен израилевых) и Исава.
- Исайя** — первый из так называемых «великих» пророков Ветхого Завета, проповедовавший идею о грядущем мессии и его страданиях.
- Каин** — в Ветхом Завете первый сын Адама и Евы, убивший своего младшего брата Авеля.
- Кальвин Жан** (1509—1564) — французский юрист и богослов, один из лидеров Реформации, основатель кальвинизма.
- Кант Иммануил** (1724—1804) — основатель немецкой классической философии, считавший, что существование Бога нельзя ни доказать, ни опровергнуть, но признавший, что вера в Бога необходима, так как без нее невозможно примирить требования нравственного сознания с непроверяемыми фактами зла, царящего в человеческой жизни.
- Каппадокийские отцы** — крупнейшие христианские теологи IV в.: Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский. Они боролись с арианством и выступали за объединение церкви на принципах I Вселенского Собора.
- Карлейль Томас** (1795—1881) — английский философ, историк и литератор, который видел в религии прежде всего веру, выражающую связь человека с «таинственной Вселенной», с Богом.
- Кассирер Эрнест** (1874—1945) — немецкий философ, разрабатывал философию символических форм культуры, к которым причислял науку, религию, мифологию, искусство, язык.

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ, основатель позитивизма, создавший концепцию трех стадий развития человеческого мышления, первую из которых назвал теологической.

Конфуций (551—479 до н.э.) — древнекитайский мыслитель, основоположник конфуцианства.

Лао-цзы (VI—V вв. до н.э.) — древнекитайский философ, которому приписывается сочинение трактата «Дао дэ цзин», являющегося каноническим в даосизме.

Леви-Брюль Люсьен (1857—1939) — французский философ и этнограф, выдвинувший идею пралогического мышления у первобытных людей.

Лукиан (ок. 120 — ок. 190) — греческий писатель-сатирик.

Лэнг Эндрю (1844—1912) — шотландский поэт, исследователь мифологии и религии.

Лютер Мартин (1483—1546) — один из лидеров Реформации, основоположник лютеранства. В 1517 г. выступил с 95 тезисами, которые стали сигналом для начала реформационного движения в Европе.

Малиновский Бронислав (1884—1942) — английский этнограф польского происхождения, основатель функционализма в западном религиоведении.

Мани (216—277) — проповедник, основатель манихейства, содержащего синтез идей зороастризма и христианства.

Маретт Роберт (1866—1943) — английский религиовед и антрополог, занимавшийся преимущественно проблемой происхождения религии.

Марк Аврелий Антонин (121—180) — римский император и философ-стоик, участвовавший в гонениях на христиан.

Моисей — согласно Библии первый пророк бога Яхве и законодатель, которому Бог на горе Синай дал 10 заповедей.

- Монтан** (середина II в.) — основатель раннехристианской секты, члены которой выступали против установления церковной иерархии и ожидали в самом ближайшем будущем второго пришествия.
- Мухаммад** (570—632) — арабский религиозный и политический деятель, основатель ислама. У мусульман считается величайшим и последним пророком, передавшим людям слово и волю Бога.
- Мюллер Фридрих Макс** (1823—1900) — английский ученый немецкого происхождения, один из основателей религиоведения.
- Нанак** (1469—1539) — индийский поэт, основатель сикхизма.
- Николай** — один из наиболее почитаемых христианских святых. По церковной версии был архиепископом г. Миры в Малой Азии. При жизни прославился чудотворениями, за что и был канонизирован.
- Ницше Фридрих** (1844—1900) — немецкий философ, критик сложившихся в Европе «ценностей», в том числе христианских.
- Ной** — герой ветхозаветного повествования о всемирном потопе, через сыновей Сима, Хама и Иафета родоначальник слепопотопного человечества.
- Нокс Джон** (1505—1572) — пропагандист кальвинизма в Шотландии, основатель шотландской пресвитерианской церкви.
- Ольденберг Герман** (1856—1920) — немецкий историк религии, буддолог.
- Павел** — в христианской традиции «первоверховный апостол», сразу после Петра и вместе с ним.
- Паскаль Блез** (1623—1662) — французский ученый, предвосхитивший многие идеи современного религиозного экзистенциализма.

Патанджали (предположительно середина II в. до н.э.) — древнеиндийский философ, основатель системы йога.

Петр — один из 12 учеников Иисуса Христа, первый с братом Андреем призван Иисусом в ряды апостолов. Католики считают его основателем церкви, первым епископом римских христиан.

Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ, разработавший учение о мире идей.

Плотин (205—270) — греческий философ, систематизатор идей неоплатонизма.

Псевдо-Дионисий Ареопагит — автор «Ареопагитик», появление которых датируется второй половиной V в. н.э. и которые написаны от имени судьи афинского ареопага.

Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель, историк, исследователь христианства.

Робертсон Смит Уильям (1846—1894) — английский историк, внесший большой вклад в развитие библеистики.

Сведенборг Эмануэль (1688—1772) — шведский естествоиспытатель и философ-мистик.

Сим — ветхозаветный персонаж, один из сыновей Ноя, родоначальник семитов.

Сократ (469—399 до н.э.) — древнегреческий мыслитель, один из родоначальников философии как отрасли культуры.

Соломон — царь израильско-иудейского государства в 965—928 гг. до н.э., сын Давида. Построил храм Яхве в Иерусалиме.

Спенсер Герберт (1820—1903) — английский философ, один из основателей эволюционизма.

Тайлор Эдуард Барнетт (1832—1917) — английский антрополог, автор анимистической теории происхождения религии.

- Теннисон Альфред** (1809—1892) — английский поэт.
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс** (ок. 160 — после 220) — христианский апологет, сформулировавший принцип триединства Бога и представление о его «лицах» (ипостасях).
- Тиле Корнелис Петер** (1830—1902) — голландский священник, историк религии, один из основателей религиоведения.
- Уэсли Джон** (1703—1791) и **Чарльз** (1707—1788) — братья, основоположники методизма.
- Фейербах Людвиг Андреас** (1804—1872) — немецкий философ, основатель антропологического подхода к изучению религии.
- Филон Александрийский** (ок. 25 до н.э. — ок. 50 н.э.) — иудео-эллинистический философ и теолог, создатель метода аллегорического толкования Библии с помощью понятий греческой философии.
- Фокс Джорж** (1624—1691) — английский ремесленник, основатель протестантского движения квакеров, считавший, что истина постигается верующими с помощью особого «озарения Святым Духом».
- Фома Аквинский** (1225 или 1226—1274) — католический теолог и философ, синтезировавший христианские идеи с философией Аристотеля. Причислен римско-католической церковью к лику святых.
- Франциск Ассизский** (1181 или 1182—1226) — основатель религиозного братства, которое после его смерти превратилось в официальный католический орден францисканцев, распространенный во многих странах Западной Европы.
- Фрейд Зигмунд** (1856—1939) — австрийский врач-невропатолог и психиатр, основатель психоанализа.
- Фрэзер Джеймс Джордж** (1854—1941) — английский этнограф и антрополог, описавший в 12-томном исследовании «Золотая ветвь» верования и обряды всех эпох.

Фюстель де Куланж Нюма Дени (1830–1889) — французский историк, исследователь религий Греции и Рима.

Хам — ветхозаветный персонаж, младший сын Ноя, которого тот проклял.

Чжуан-цзы (ок. 369–286 до н.э.) — китайский философ, последователь Лао-цзы, считавший, что постичь дао можно только путем непосредственных переживаний, а не теоретических рассуждений.

Швейцер Альберт (1875–1965) — немецко-французский философ, теолог, общественный деятель.

Шлейермахер Фридрих Даниэль Эрнст (1768–1834) — немецкий теолог и философ, который выводил религию из внутренних переживаний субъекта.

Ясперс Карл (1883–1969) — немецкий философ-экзистенциалист, оказавший большое влияние на религиозную мысль XX в.

Темы для контрольных работ и рефератов

1. Что такое религия?
2. Происхождение религии.
3. Соотношение религии с другими отраслями культуры.
4. Структура и особенности религиозных движений.
5. Церковь как социальный институт.
6. Мистика как первая отрасль культуры.
7. Значение мистики.
8. Древние культы.
9. Религиозная мистика.
10. Мифология как предтеча религии.
11. Что такое мифология?
12. Значение мифологии.
13. Основные мифологические сюжеты.
14. Роль мифологии в становлении ранних цивилизаций.
15. Мифология Древнего Египта.
16. Мифология Шумера и Вавилона.
17. Хеттская и ханаанская мифологии.
18. Ветхий Завет.
19. Иудаизм.
20. Зороастризм.
21. Китайская мифология.
22. Даосизм.
23. Конфуцианство.
24. Моизм.
25. Синтоизм.
26. Основные представления индийской культуры.
27. Индийская мифология.
28. Ведическая религия.
29. Брахманизм.
30. Буддизм.
31. Джайнизм.
32. Индуизм.
33. Сикхизм.
34. Греко-римская мифология.
35. Философия как предшественница религии.
36. Истоки христианства.
37. Жизнь Христа.
38. Причины победы христианства.

39. Мифология европейских народов.
40. Становление христианской церкви.
41. Вселенские соборы.
42. Православие в Византии.
43. Христианство в Европе в средние века.
44. Патристика и схоластика.
45. Эпоха Возрождения и протестантизм.
46. Христианские конфессии в современной Европе.
47. Христианские конфессии в Америке.
48. Принятие христианства на Руси.
49. Борьба христианства с язычеством в Древней Руси.
50. Русское православие.
51. Русская религиозная философия и искусство.
52. Церковный раскол и его последствия.
53. Становление и распространение ислама.
54. Этика ислама.
55. Мусульманское богословие.
56. Религиозные мотивы в мусульманском искусстве.
57. Суфизм.
58. Современные направления ислама.
59. Фундаментализм и модернизм.
60. Значение религии в современном мире.
61. Общее и особенное в религиях.
62. Функции религии.
63. Тенденции развития религии и ее будущее.
64. Вера как условие и следствие обретения человеком целостности.

Вопросы к экзаменам и зачетам

- Религия как отрасль духовной культуры.
- Религия как социальный институт.
- Происхождение религии.
- Минимальное определение религии.
- Соотношение мистики и религии.
- Древние культы и значение мистики.
- Соотношение мифологии и религии.
- Основные мифологические сюжеты.
- Древняя религия Египта.
- Мифология Ближнего Востока.
- Ветхий Завет и иудаизм.
- Зороастризм.
- Даосизм.
- Конфуцианство.
- Синтоизм.
- Ведическая религия и брахманизм.
- Джайнизм.
- Индуизм.
- Буддизм.
- Античные мифология и философия.
- Соотношение философии и религии.
- Возникновение христианства.
- Становление христианства как мировой религии.
- Православие в Византии.
- Христианство в Европе в средние века.
- Протестантизм.
- Христианские конфессии в современном мире.
- Принятие христианства на Руси и борьба с язычеством.
- Русское православие.
- Церковный раскол и его последствия.
- Становление и распространение ислама.
- Мусульманское богословие и этика.
- Современные направления ислама.
- Сравнительная характеристика мировых религий.
- Общее и особенное в мировых религиях.
- Функции религии.
- Соотношение религии с другими отраслями культуры.
- Тенденции развития религии и ее будущее.

Список литературы ко всему курсу

1. Мифологии древнего мира. М., 1977.
2. История религии. М., 1991.
3. Классики мирового религиоведения. М., 1996.
4. Мистика. Религия. М.: Наука, 1998.
5. Древнеегипетская книга мертвых. М., 2002.
6. Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. М., 2000.
7. Религии Китая: Хрестоматия. СПб., 2001.
8. Дао: гармония мира. М.; Харьков, 2002.
9. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. М.; Харьков, 2003.
10. Будда. История прошлых рождений. Гирлянда джатак. М.; Харьков, 2001.
11. Бхагавад-Гита. СПб., 1994.
12. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.
13. Библия.
14. Коран.
15. Всемирное писание: Сравнительная онтология священных текстов. М., 1995.
16. *Антес П.* Религии современности. История и вера. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Учебное издание

Анатолий Алексеевич Горелов

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ

Учебное пособие